РУССКО-ПОЛЬСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

ОЧЕРКЪ

НАПИСАЛЪ

ГРАФЪ ЛЕЛИВА.

ЛЕЙПЦИГЪ:

Э. Л. КАСПРОВИЧЪ.

1895.

Право перевода запрещается.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
2941
24

Вѣковыя недоразумѣнія, роковымъ ходомъ историческихъ событій посѣянныя между русскими и поляками, на столько громадны, работа же трезвой и безпристрастной общественной мысли съ обѣихъ сторонъ на столько ничтожна, что всякое прикосновеніе къ крайне запутанному и чрезвычайно сложному вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ представляетъ почти непреодолимыя трудности. Польская политическая литература по разсматриваемому предмету, создавшаяся подъ гнетомъ національной скорби объ утратѣ политической самостоятельности, не могла не отличаться нѣкоторой односторонностью. Направленіе русской политики, по отношенію къ полякамъ со временъ подавленія послѣдняго польскаго возстанія, не могло, конечно, содѣйствовать устраненію и даже смягченію такой односторонности польской политической мысли въ отношеніи предмета тяжкихъ нравственныхъ страданій одной изъ крупныхъ историческихъ націй, еще такъ недавно сравнительно утратившей свое собственное историческое государство. Изъ всей этой польской политической литературы доходили до русскаго общества лишь жалкіе обрывки и ничтожные клочки, подхваченные, нерѣдко со вто-

рыхъ и третьихъ рукъ, русскою печатью. А давно ли существуетъ эта печать? Всего лишь тридцать лѣтъ съ небольшимъ. До начала шестидесятыхъ годовъ русско-польскій вопросъ въ Россіи былъ совершенно закрытъ для обсужденія. Когда же въ періодъ реформъ прошлаго царствованія была призвана къ бытію и русская общественная мысль, западная часть имперіи была уже охвачена пламенемъ послѣдняго польскаго возстанія.

Взаимное ожесточеніе между русскими и поляками и приливъ слѣпой племенной вражды ознаменовали собой моментъ рожденія русской политической печати и явились, къ прискорбію, актомъ ея крещенія. За исключеніемъ немногихъ голосовъ, весьма скоро смолкшихъ, печать эта по отношенію къ польскому вопросу и русско-польскимъ отношеніямъ приняла съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ крайне одностороннее и въ высшей степени пагубное направленіе, со страницъ неглубокомысленныхъ газетъ и пошленькихъ романовъ перешедшихъ въ оффиціально-ученыя сочиненія русскихъ авторовъ. Трезваго безпристрастія, всесторонняго, солиднаго обсужденія этого вопроса и этихъ отношеній нѣтъ въ нихъ и тѣни. Слово «полякъ» и даже «католикъ» отождествлается въ нихъ со словами «бунтовщикъ, революціонеръ» понятіе «польское общество» совпадаетъ съ понятіемъ «сборище заговорщиковъ» терминъ «польская справа» тождественъ съ терминомъ «подпольная крамола», направленная къ ниспроверженію порядка и расчлененію россійской имперіи. Подобныя представленія о польскомъ обществѣ, польской народности и польской національной религіи, въ теченіи тридцати лѣтъ усердно

сѣемыя на почвѣ юной русской общественной мысли русскими органами печати извѣстнаго сорта и оффиціально-учеными русскими сочиненіями извѣстнаго пошиба, представленія, включающія все польское, начиная съ самаго существованія польскаго народа и кончая на польской національной религіей, въ область общественно-политической уголовщины, представленія, въ исторіи общественности почти безпримѣрныя и совершенно чудовищныя, въ значительной уже степени вкоренились въ громадной части русскаго общества и запечатлѣлись на долго въ умахъ русскаго народа. Если до шестидесятыхъ годовъ нашего вѣка русское общество объ обществѣ и народѣ польскомъ имѣло представленія смутныя и неопредѣленныя, то съ шестидесятыхъ годовъ по сей день представленія эти являются донельзя искаженными и совершенно не соотвѣтствующими дѣйствительности. Если до послѣдняго польскаго возстанія и періода прогрессивныхъ реформъ прошлаго царствованія общества польское и русское мало знали другъ друга, то съ этого періода ихъ взаимное ознакомленіе идетъ къ явному и огромному регрессу. Мрачные предразсудки, темныя предубѣжденія, произвольныя обобщенія единичныхъ фактовъ, искаженныя представленія, одностороннія и ложныя понятія, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, насажденныя уже свыше четверти вѣка въ отношеніи поляковъ русской печатью, изъ которой давно изгнаны всѣ прямые, честные и серьезные голоса, успѣли совершенно отчудить другъ отъ друга общественныя силы двухъ главнѣйшихъ славянскихъ націй и надолго затормозили ихъ взаимное сближеніе и ознакомленіе, ихъ необходимое и неизбѣжное

взаимодѣйствіе. Въ свою очередь, при нынѣшнемъ глубоко трагическомъ положеніи польскаго народа, тѣснимаго, угнетаемаго и гонимаго со всѣхъ сторонъ, печать польская естественно не можетъ сохранить должнаго спокойствія, выдержки и благоразумія при обсужденіи русскихъ порядковъ и фактовъ, относящихся къ положенію и существованію поляковъ въ предѣлахъ Россіи. Независимо сего, польская печать въ Варшавѣ совершенно лишена возможности говорить о томъ и обсуждать то, о чемъ говоритъ и что обсуждаетъ русская печать въ Петербургѣ и Москвѣ. Сверхъ всего этого, русское общество, не говоря уже о русскомъ народѣ, совершенно незнакомо съ дѣйствительнымъ положеніемъ поляковъ (какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ въ особенности въ Западномъ краѣ) созданномъ рядомъ спеціальныхъ узаконеній, массой административныхъ распоряженій и установившейся практикой административныхъ властей всѣхъ ранговъ.

Въ виду всего этого я рѣшаюсь, во первыхъ, разъяснить и изобразить русскому обществу это положеніе и всѣ послѣдствія, неизбѣжно изъ него проистекающія, и во вторыхъ, дать краткій историческій очеркъ дѣйствительныхъ отношеній польскаго общества и представителей польской народности къ русскому общесгву и русскому народу. Обращаюсь къ русскому обществу въ собственномъ смыслѣ, къ представителямъ русской общественной мысли, русскаго общественнаго сознанія и русской общественной совѣсти въ коренной Россіи, и если слабый голосъ мой будетъ услышанъ и внесетъ хоть немного свѣта въ этотъ страшный и темный лабиринтъ русско-польскихъ отношеній, то я почту себя весьма вознагражъ-

деннымъ, если же свѣтъ этотъ послужитъ сколько-нибудь къ улучшенію и упорядоченію этихъ отношеній, то я сочту себя въ высшей степени осчастливленнымъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЧТО ТАКОЕ ЛИЦО ПОЛЬСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ?

Приступая къ изображенію положенія поляковъ въ Россіи, я поставленъ въ необходимость указать, что изображеніе такое представляется довольно затруднительнымъ. Нерѣдко по предметамъ первостепенной важности законы Имперіи совершенно безмолвствуютъ, еще чаще административныя распоряженія не только захватываютъ сферу законодательную, но и видоизмѣняютъ законъ до совершенной почти неузнаваемости, еще чаще наконецъ административная практика произвольно отступаетъ не только отъ закона, но даже и отъ самихъ распоряженій и инструкцій административныхъ и являетъ собою образчикъ полнѣйшаго и ничѣмъ не ограниченнаго произвола. Такимъ образомъ, законъ, какъ почва, на которой зиждутся права всѣхъ и каждаго, колеблется и ускользаетъ изъ-подъ ногъ, и правовое положеніе поляковъ въ русскомъ государствѣ, становясь чѣмъ-то совершенно неуловимымъ, превращается въ полное и совершенное безправіе. Но мало того: самые законы, относящіеся къ опредѣленію правъ поляковъ въ западной части имперіи, отличаются нерѣдко совершенной неясностью и большой неопредѣленностью. Какъ хорошо извѣстно, генералъ Муравьевъ, присланный въ Сѣверо-Западной край въ 1863 г. безграничнымъ и безконтрольнымъ распорядителемъ жизни,

здравія, чести, свободы и достоянія всѣхъ и каждаго, положилъ начало новой системѣ управленія этимъ краемъ, въ настоящемъ вѣкѣ совершенно безпримѣрной, и далъ толчекъ новому направленію русскаго законодательства, которое продолжается уже тридцать лѣтъ и заключается въ систематическомъ прогрессивномъ ограниченіи правъ русскихъ подданныхъ польской національности и систематическомъ стѣсненіи католической религіи и церкви въ предѣлахъ бывшей Польши. Всѣ эти узаконенія, весь этотъ достопримѣчательный циклъ русскихъ законоположеній, долженствующій стать замѣчательнымъ достояніемъ новой русской исторіи, направленъ на такъ называемыхъ «лицъ польскаго происхожденія».

Что-же такое лицо польскаго происхожденія по русскимъ законамъ? Это-основной вопросъ, это-точка отправленія, изъ которой исходитъ дѣйствіе всѣхъ этихъ ограничительныхъ и сократительныхъ узаконеній. Въ 1865 г. образована была въ С. Петербургѣ изъ высшихъ правительственныхъ лицъ особая коммиссія для разсмотрѣнія представленныхъ генералъ-губернаторами сѣверо-западныхъ и югозападныхъ губерній предположеній о мѣрахъ къ водворенію русскаго элемента въ Западномъ краѣ. Въ числѣ другихъ мѣръ, направленныхъ къ достиженію этой цѣли, коммиссія признавала необходимымъ по обстоятельствамъ, ею подробно изложеннымъ, воспретить лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ девяти Западныхъ губерніяхъ. Воспрещеніе это, воплотившееся въ законъ 10 декабря 1865 г., естественно поставило коммиссію въ необходимость разъяснить, кого именно слѣдуетъ разумѣть

подъ лицами польскаго происхожденія. Такимъ образомъ, въ мотивахъ къ закону 10 декабря, положившему начало всевозможнымъ ограниченіямъ личныхъ, имущественныхъ и политическихъ правъ поляковъ въ Россіи, находимъ опредѣленіе, что такое «лицо польскаго происхожденія».

«Подъ лицомъ польскаго происхожденія — читаемъ въ Высочайше утвержденномъ 10 декабря 1865 г. журналѣ особой коммиссіи — нужно понимать не вообще католиковъ, а только поляковъ и тѣхъ Западныхъ уроженцевъ, которые усвоили себѣ польскую національность, хотя въ юридическомъ отношеніи выраженіе это можетъ показаться неточнымъ, но на практикѣ, въ примѣненіи къ лицамъ, оно не возбуждало доселѣ никакихъ сомнѣній, между тѣмъ выраженіемъ этимъ устраняется вполнѣ вопросъ о вѣроисповѣданіи, такъ какъ было бы совершенно несправедливо дѣлать различіе между владѣльцами не по политическимъ, а по религіознымъ соображеніямъ.[1] «Изъ приведенныхъ строкъ журнала особой коммиссіи представляется совершенно очевиднымъ, что сама она признавала выраженіе «лицо польскаго происхожденія» въ юридическомъ отношеніи неточнымъ, если же въ оправданіе такой неясности и высказано ею, что на практикѣ въ примѣненіи къ лицамъ выраженіе это доселѣ, т. е. до 10 декабря 1865 г., не возбуждало никакихъ сомнѣній, то на это слѣдуетъ замѣтить, что самое понятіе а равно и выраженіе «лицо польскаго происхожденія» въ русскомъ законодательствѣ появилось лишь въ началѣ

---

[1] Циркулярное предложеніе главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края г. г. губернаторамъ отъ 17 октября 1869 г. за Nr. 2289.

1864 г., а въ русскихъ административныхъ распоряженіяхъ немного ранѣе, именно въ половинѣ 1863 г., почему для примѣненія этого выраженія на практикѣ и для возбужденія имъ сомнѣнія до утвержденія закона 10 декабря 1865 г. почти не было времени. Въ приведенной оговоркѣ коммиссіи о юридической неточности этого выраженія, а слѣдовательно и самого понятія, видно естественное опасеніе за его дальнѣйшее пониманіе, толкованіе и примѣненіе. Опасеніе такое вполнѣ подтвердилось въ дѣйствительности.

Уже въ 1869 г. генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края, затрудняясь, какъ поступить ему съ ходатайствами лицъ польской народности, принявшихъ православіе, о разрѣшеніи имъ пріобрѣтать поземельную собственность въ этомъ краѣ, вошелъ по этому предмету въ сношеніе съ министерствомъ государственныхъ имуществъ. Въ отзывѣ этого послѣдняго, разрѣшающемъ возникшій вопросъ отрицательно, находимъ слѣдующее знаменательное разъясненіе: «Основаніемъ къ установленію различія между лицами польскаго происхожденія, коимъ воспрещено пріобрѣтеніе имѣній въ Западномъ краѣ, и лицами непольскаго происхожденія должна служить національность, а не вѣроисповѣданіе этихъ лицъ, почему принятіе лицомъ польскаго происхожденія православной вѣры не можетъ служить законнымъ поводомъ къ изъятію его изъ дѣйствія закона 10 декабря 1865 г. Если потомки этихъ лицъ, будучи православнаго исповѣданія, условятъ себѣ современемъ русскую національность точно также, какъ предки многихъ нынѣшнихъ польскихъ помѣщиковъ Западнаго края, бывшіе нѣкогда русскими, усвоили себѣ постепенно польскую національность

послѣ перехода изъ православія въ латинство, то всеже для дѣйствительнаго достиженія этой перемѣны національности нужно не мало времени, по прошествіи коего лица эти, будучи русскими на самомъ дѣлѣ и отрѣшившись отъ польскихъ взглядовъ и тенденцій и самаго польскаго языка, перестанутъ считаться людьми польскаго происхожденія. Но дѣйствительная перемѣна національности не можетъ быть непосредственнымъ мгновеннымъ послѣдствіемъ перемѣны исповѣданія, а потому если бы допустить изъятіе изъ постановленныхъ относительно лицъ польскаго происхожденія правилъ въ пользу всѣхъ тѣхъ изъ числа ихъ, кои приняли православіе, то это прямо значило бы установить различіе между лицами польскаго и непольскаго происхожденія не по національности, а по вѣроисповѣданію, что былобы совершенно противно духу и буквальному смыслу закона 10 декабря 1865 г., который долженъ всемѣрно охраняться отъ всякаго измѣненія или ослабленія».[1]

Изъ изложеннаго представляется очевиднымъ, что, какъ русскій законъ, такъ и толкованіе его надлежащими органами русскаго правительства, подъ лицами польскаго происхожденія разумѣютъ лицъ польской національности, стараясь при этомъ показать, что они не придаютъ никакого значенія вѣроисповѣднымъ различіямъ.

Хотя тѣмъ же закономъ 10 декабря 1865 г. лица русскаго происхожденія признаются принадлежащими какъ къ православному такъ и къ протестанскому вѣроисповѣданіямъ и послѣднимъ предоставляются права и преимущества наравнѣ съ первыми, тѣмъ не

[1] Тоже.

менѣе однако въ отзывѣ, данномъ въ 1869 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарю у принятія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, читаемъ слѣдующее: «Ваше Сіятельство изволили препроводить на мое заключеніе всеподданнѣйшее прошеніе подполковника Гартинга о предоставленіи ему права покупать поземельную собственность въ Западномъ краѣ. Ходатайство это возбуждено сомнѣніемъ въ его правахъ на подобныя пріобрѣтенія, такъ какъ онъ лютеранскаго исповѣданія, женатъ на полькѣ католическаго исповѣданія, къ которому принадлежатъ и его дѣти. Вслѣдъ за подавленіемъ послѣдняго польскаго возстанія, Правительство по особымъ государственнымъ соображеніямъ, признало нужнымъ распространить русское землевладѣніе въ Западномъ краѣ. Въ этихъ видахъ воспрещено польскимъ уроженцамъ пріобрѣтать имѣнія въ названномъ краѣ и оставлено за поляками одно лишь унаслѣдованіе по закону. Въ силу этого правила, а равно общихъ законовъ о наслѣдствѣ, дѣти Гартинга католическаго вѣроисповѣданія будутъ имѣть право на владѣніе тѣми имѣніями, которыя можетъ пріобрѣсти онъ, если утвердительно разрѣшить его ходатайство. По моему мнѣнію, такой переходъ имѣній къ лицамъ католическаго вѣроисповѣданія, у которыхъ одинъ изъ родителей полякъ, противорѣчилъ бы основной мысли закона 10 декабря 1865 г., имѣющаго цѣлью обрусеніе края и сокращеніе способовъ лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать поземельную собственность въ Западныхъ губерніяхъ. Хотя позднѣйшимъ закономъ (Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ 14 іюня 1868 г.) и разрѣшено русскимъ, женатымъ на полькахъ, пріобрѣ-

тать имѣнія въ Западномъ краѣ, но они находятся въ иныхъ условіяхъ, ихъ дѣти, за силою правилъ о брачномъ союзѣ, могутъ быть только православныя, слѣдовательно, при унаслѣдованіи ими поземельной собственности, она переходитъ не къ католикамъ а къ православнымъ, которые уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сопричислены къ лицамъ польскаго происхожденія.»[1] Затѣмъ, въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ виленскому генералъ-губернатору, послѣдовавшемъ въ 1870 г., снова разъясняется, что «выдача свидѣтельствъ на покупку имѣній въ Западныхъ губерніяхъ лицамъ лютеранскаго исповѣданія, женатымъ на полькахъ или находящимся въ замужествѣ за поляками, въ виду того, что пріобрѣтенныя ими имѣнія перейдутъ къ дѣтямъ ихъ католикамъ, имѣющимъ одного изъ родителей поляка, противорѣчила бы главной мысли закона 10 декабря 1865 г., изданнаго съ цѣлью сокращенія лицамъ польскаго происхожденія способовъ пріобрѣтать имѣнія въ Западномъ краѣ.»[2] Нельзя не видѣть, что въ этихъ двухъ отзывахъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовавшихъ въ 1869 и 1870 г., главнымъ признакомъ «лица польскаго происхожденія» поставляется католическое вѣроисповѣданіе.

Такимъ образомъ, въ то время какъ законъ 10 декабря 1865 г. и разъясненіе его министромъ государственныхъ имуществъ въ 1869 г. основнымъ признакомъ «лица польскаго происхожденія» полагаютъ принадлежность къ польской національности,

---

[1] Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ статсъ-секретарю у принятія прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ отъ 2 апрѣля 1869 г. за Nr. 2707.

[2] Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ виленскому генералъ-губернатору отъ 3 марта 1870 г. за Nr. 684.

разъясненія того же закона министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1869 и 1870 г. признакомъ такимъ считаютъ принадлежность къ католическому вѣроисповѣданію. Столь рѣзкое разнорѣчіе представится еще болѣе рельефнымъ, если мы укажемъ, что Высочайше утвержденнымъ 14 іюня 1868 г. положеніемъ комитета министровъ, лицамъ русскаго происхожденія какъ православнаго, такъ и протестанскаго вѣроисповѣданія, женатымъ на полькахъ и состоящимъ въ замужествѣ за поляками, разрѣшено пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ Западномъ краѣ и что такимъ образомъ выше приведенныя требованія министра внутреннихъ дѣлъ о невыдачѣ свидѣтельствъ на покупку имѣній въ этомъ краѣ протестантамъ женатымъ на полькахъ, и протестанткамъ, состоящимъ въ замужествѣ за поляками, послѣдовавшія въ 1869 и 1870 г., представляются явной и прямой отмѣной выше означеннаго Высочайше утвержденнаго 14 іюня 1868 г. положенія комитета министровъ[1], имѣющаго силу закона. Очевидно положеніе это дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ лицъ католическаго вѣроисповѣданія съ лицами протестантскаго вѣроисповѣданія, хотябы они и исповѣдывали католическую религію, не относитъ къ числу «лицъ польскаго происхожденія», а министерство внутреннихъ дѣлъ, наоборотъ, признаетъ такихъ дѣтей лицами польскаго происхожденія.

Далѣе, по смыслу указа правительствующаго сената отъ 10 ноября 1871 г., мѣщане Западнаго края римско-католическаго вѣроисповѣданія наравнѣ съ дворянами

---

[1] Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ виленскому генералъ-губернатору отъ 3 іюня 1868 г. за Nr. 6096.

того же вѣроисповѣданія признаются лицами польскаго происхожденія[1], а согласно Высочайше утвержденному 14 іюня 1868 г.[2] положенію комитета министровъ, послѣдовавшему въ разъясненіе смысла закона 10 декабря 1865 г., крестьяне римско-католическаго вѣроисповѣданія въ Западномъ краѣ не признаются, лицами польскаго происхожденія. Такимъ образомъ для опредѣленія лица польскаго происхожденія, кромѣ признаковъ національнаго и вѣроисповѣднаго, выступаетъ еще признакъ сословный. Однако-же, хотя приведенное положеніе комитета министровъ, имѣющее силу закона, предоставило крестьянамъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, непризнаваемымъ лицами польскаго происхожденія, по пріобрѣтенію земельной собственности въ краѣ всѣ права наравнѣ съ лицами русскаго происхожденія, тѣмъ не менѣе въ циркулярномъ предложеніи виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ, послѣдовавшемъ въ 1885 г., опредѣлительно выражено, что «цѣлью изданія закона 10 декабря 1865 г. есть стремленіе Правительства къ уменьшенію въ краѣ числа крупныхъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія, каковыми, несомнѣнно, становятся и крестьяне-католики, пріобрѣвшіе значительныя помѣщичьи имѣнія»[3], почему и воспрещено выдавать крестьянамъ-католикамъ свидѣтельства на покупку земли свыше шестидесяти десятинъ. Въ циркулярѣ этомъ мѣстные крестьяне-католики, пріобрѣвшіе значитель-

---

[1] Указъ правительствующаго сената виленскому генералъ-губернатору отъ 10 ноября 1871 г. за Nr. 42391.

[2] Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ виленскому генералъ-губернатору отъ 3 іюня 1868 г. за Nr. 6096.

[3] Циркулярное предложеніе виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 23 февраля 1885 г. за Nr. 6.

ную земельную собственность, признаются уже, лицами польскаго происхожденія.

Изъ всего изложеннаго нельзя не видѣть, что понятіе «лицо польскаго происхожденія» какъ въ русскомъ законодательствѣ, такъ и въ русскихъ законоположеніяхъ представляется довольно неяснымъ и совершенно сбивчивымъ и, несмотря на тридцатилѣтнее существованіе спеціальныхъ правоограничительныхъ для поляковъ законоположеній, до сихъ поръ еще не успѣло выясниться. Ясно одно лишь, что при всемъ стремленіи законодателя устранить изъ этого понятія вѣроисповѣдный элементъ, это ему не удается, и довольно явственные признаки религіозной нетерпимости, столь рѣшительно отвергаемой основными законами имперіи, всплываютъ и обнаруживаются на каждомъ шагу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ИМУЩЕСТВЕННЫХЪ ПРАВЪ ПОЛЯКОВЪ.

Приступая къ разсмотрѣнію существующихъ ограниченій имущественныхъ правъ поляковъ въ Россіи, считаю необходимымъ прежде всего указать, что я совершенно опускаю и не стану подвергать разсмотрѣнію тѣ изъ этихъ ограниченій, которыя, будучи тѣсно связаны съ извѣстнымъ возстаніемъ 1863 г., носили болѣе или менѣе временный характеръ. Таковы: конфискація имуществъ лицъ, причастныхъ къ безпорядкамъ, секвестръ имуществъ этихъ лицъ, отобраніе казенныхъ фермъ отъ арендаторовъ, замѣшанныхъ въ безпорядкахъ либо просто признаваемыхъ неблагонадежными въ политическомъ отношеніи и,

наконецъ, обязательная продажа (наравнѣ съ секвестрованными) имѣній, лицъ высланныхъ изъ Западнаго края административнымъ порядкомъ по подозрѣнію въ содѣйствіи тѣмъ же безпорядкамъ. Продажа такая установлена тѣмъ же закономъ 10 декабря 1865 г., которымъ и начинается рядъ постоянныхъ правоограниченій для такъ называемыхъ «лицъ польскаго происхожденія» русскими законами начиная съ 1863 г., вообще отождествляемыхъ съ бунтовщиками, мятежниками, причастными къ безпорядкамъ, содѣйствующими безпорядкамъ и неблагонадежными въ политическомъ отношеніи. Главная однако суть закона 10 декабря 1865 г. заключается въ воспрещеніи лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать имѣнія въ девяти западныхъ губерніяхъ, такъ что со времени воспослѣдованія этого закона лицамъ этимъ преграждены всѣ законные способы и пути къ пріобрѣтенію земельной собственности въ краѣ кромѣ наслѣдства по закону. Ревность разныхъ мѣстъ и лицъ административныхъ въ примѣненіи этого закона оказалась огромной. Затѣмъ, хотя по основнымъ законамъ имперіи никакой законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ, тѣмъ не менѣе закону 10 декабря 1865 г. было дано такое обратное дѣйствіе. Еще до воспослѣдованія этого закона было совершено въ предѣлахъ Западнаго края не мало формальныхъ записей и предварительныхъ условій продажи на имѣнія, въ предѣлахъ этого края находящіяся, съ обезпеченіемъ этихъ послѣднихъ, т. е. предварительныхъ продажныхъ условій, задатками. Съ опубликованіемъ этого закона присутственныя мѣста Западнаго края стали отказываться отъ совершенія купчихъ крѣпостей на запроданныя и предварительно

проданныя лицамъ такъ называемаго польскаго происхожденія недвижимыя имѣнія. Такъ какъ количество имѣній, запроданныхъ лицамъ польскаго происхожденія по запродажнымъ записямъ и задаточнымъ роспискамъ не задолго до опубликованія закона 10 декабря 1865 г. оказалось довольно значительнымъ, то въ 1869 г. генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края входилъ въ сношеніе съ министерствомъ юстиціи по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли допустить по такимъ запродажнымъ записямъ и задаточнымъ роспискамъ совершеніе купчихъ крѣпостей. Вслѣдствіе отрицательнаго отвѣта управляющаго министерствомъ юстиціи по этому предмету[1] совершеніе купчихъ крѣпостей на имѣнія эти допущено не было, и такимъ образомъ закону 10 декабря 1865 г. дано было обратное дѣйствіе, значительно отягчившее его значеніе для лицъ злополучнаго «польскаго происхожденіа».

Затѣмъ, хотя законъ этотъ, по буквальному его смыслу, воспрещаетъ лицамъ такого происхожденія пріобрѣтать недвижимыя земельныя имущества, или, какъ выражено въ немъ, номѣщичьи имѣнія, тѣмъ не менѣе однако циркуляромъ генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края губернаторамъ, послѣдовавшимъ въ 1866 г., предписано ни въ какомъ случаѣ не допускать также и къ пріобрѣтенію городскихъ недвижимостей, т. е. домовъ въ городахъ, тѣмъ изъ лицъ польскаго происхожденія, которыя обязаны продать свои имѣнія въ двухгодичный срокъ.[2] Это распоряже-

---

[1] Отношеніе управляющаго министерствомъ юстиціи къ виленскому генералъ губернатору отъ 30 іюня 1869 г. за Nr. 11249.

[2] Циркулярное предложеніе главнаго начальника Сѣверо-Западнаго ярая губернаторамъ отъ 14 апрѣля 1866 г. за Nr. 26—31.

Библ. Академии Наук

ніе генералъ-губернатора, явно расширившее объемъ дѣйствія закона 10 декабря 1865 г. и впослѣдствіи Высочайше одобренное[1], совершенно не оправдывается тѣми мотивами, на которыхъ основанъ этотъ законъ, изданный, какъ буквально въ немъ выражено «впредь до окончательнаго устройства Западнаго края посредствомъ достаточнаго усиленія въ ономъ числа русскихъ землевладѣльцевъ». Законъ изданъ, такимъ образомъ, съ цѣлью усиленія въ краѣ русскихъ землевладѣльцевъ въ уѣздахъ, а генералъ-губернаторъ по собственному усмотрѣнію уже добавляетъ къ нему еще и мѣры къ усиленію числа русскихъ домовладѣльцевъ въ городахъ, совершенно игнорируя, что такое ограниченіе гражданскихъ правъ извѣстной категоріи лицъ польскаго происхожденія, какъ недопущеніе ихъ къ покупкѣ домовъ въ городахъ, можетъ быть установлено лишь законодательнымъ порядкомъ. Конечно, высшей государственной власти для поддержанія престижа и должнаго авторитета власти генералъ-губернаторской, пришлось впослѣдствіи одобрить подобное распоряженіе, расширившее запретительный смыслъ закона и даже видоизмѣнившее самое существо его.

Далѣе, хотя буквальнымъ смысломъ закона 10 декабря 1865 г. воспрещено лицамъ такъ называемаго польскаго происхожденія пріобрѣтеніе помѣщичьихъ имѣній т. е. земельныхъ недвижимостей въ уѣздахъ, однако циркулярнымъ предложеніемъ генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края, состоявшимся въ 1868 г. и основывающимся на толкованіи одного изъ сенатскихъ указовъ, воспрещается лицамъ польскаго происхожденія

[1] Письмо министра государственныхъ имуществъ къ главному начальнику Сѣверо-Западнаго края отъ 9 іюля 1866 г. за Nr. 1557.

также и пріобрѣтеніе усадебъ хозяйственнаго характера даже въ городской чертѣ. Въ 1869 г. тотъ же генералъ-губернаторъ объявляетъ губернаторамъ о недопущеніи къ пріобрѣтенію земельной собственности въ краѣ лицъ польскаго происхожденія, принявшихъ православіе[1], а въ 1870 г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщаетъ генералъ-губернатору Сѣверо-Западнаго края о недопущеніи къ таковому пріобрѣтенію даже лицъ протестанскаго вѣроисповѣданія, женатыхъ на полькахъ или состоящихъ въ замужествѣ за поляками и имѣющихъ дѣтей римско-католическаго вѣроисповѣданія[2].

Высочайше утвержденными 27 декабря 1884 г. правилами воспрещено лицамъ польскаго происхожденія принятіе въ залогъ по закладнымъ крѣпостямъ и взятіе въ аренду имѣній, расположенныхъ внѣ городовъ и мѣстечекъ. Высочайше утвержденнымъ того же 27 декабря 1884 г. положеніемъ комитета министровъ[3] постановлено признать, что въ виду состоявшейся Высочайшей воли о подтвержденіи дѣйствія закона 10 декабря 1865 г. къ неуклонному исполненію всѣ, выданныя, въ изъятіе отъ означеннаго закона, свидѣтельства на пріобрѣтеніе земельной собственности въ предѣлахъ девяти западныхъ губерній утратили обязательную силу, о чемъ и предоставить министру юстиціи объявить подлежащимъ присутственнымъ мѣстамъ къ руководству. Высочайше утвержденнымъ 27 ав-

---

[1] Циркулярное предложеніе главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края губернаторамъ отъ 12 мая 1868 г. за Nr. 1049.

[2] Циркулярное предложеніе главнаго начальника Западнаго края г. г. губернаторамъ отъ 17 октября 1869 г. за Nr. 2289.

[3] Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ виленскому генералъ-губернатору отъ 3 марта 1870 г. за Nr. 684.

густа 1885 г. положеніемъ комитета министровъ постановлено, согласно принятому министерствомъ государственныхъ имуществъ съ 1864 г. порядку, недопускать, впредь до особыхъ распоряженій правительства, лицъ польскаго происхожденія къ содержанію казенныхъ оброчныхъ статей въ западныхъ губерніяхъ, не распространяя этой мѣры на мѣстныхъ крестьянъ католическаго исповѣданія[1].

Наконецъ, хотя всѣ выше приведенныя правоограничительныя для лицъ польскаго происхожденія узаконенія и распоряженія относятся къ дворянамъ и мѣщанамъ этого происхожденія, вовсе не касаясь крестьянъ католическаго вѣроисповѣданія, тѣмъ не менѣе однако въ 1885 г. Виленскій, Ковенскій и Гродненскій генералъ-губернаторъ генералъ-лейтенантъ Кохановъ далъ подвѣдомственнымъ ему губернаторамъ весьма знаменательное циркулярное предложеніе, въ которомъ читаемъ.

«Въ настоящее время, принимая во вниманіе, что хотя въ законѣ 10 декабря 1865 г. и не содержится указанія на то, чтобы крестьянамъ католикамъ воспрещалось пріобрѣтеніе земельной собственности въ девяти западныхъ губерніяхъ и таковое запрещеніе, согласно разъясненію Высочайше утвержденнаго 14 іюня 1868 г. журнала комитета министровъ, касается только помѣщиковъ, а не крестьянъ, тѣмъ не менѣе, въ виду того обстоятельства, что цѣлью изданія закона 10 декабря 1865 г. есть стремленіе правительства къ уменьшенію въ краѣ числа крупныхъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія, каковыми, несомнѣнно, становятся и крестьяне-католики, пріобрѣвшіе значи-

[1] Указъ правит. сената виленскому генералъ-губернатору отъ 26 января 1885 г. за Nr. 922.

тельныя помѣщичьи имѣнія, по крайней мѣрѣ, они стараются вести такую же жизнь, поддѣлываться подъ ихъ взгляды и не отказываются слѣдовать ихъ указаніямъ, — я со своей стороны нахожу необходимымъ: крестьянамъ-католикамъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, предоставлять право покупать только такое количество земли, какое онъ можетъ обработать силами своей семьи, не заводя фольварочнаго хозяйства съ наемными рабочими и другими признаками помѣщичьяго хозяйства.[1]»

Для разъясненія практическаго значенія закона 27 декабря 1884 г.[2] необходимо пояснить, что хотя Высочайшимъ повелѣніемъ 4 февраля 1866 г.[3] для покупки имѣній въ Западномъ краѣ установлено на извѣстные случаи представленіе разрѣшительнаго свидѣтельства генералъ-губернатора, тѣмъ не менѣе однако требованіе отъ покупщиковъ такихъ свидѣтельствъ получило на практикѣ столь широкое примѣненіе, что распространяется нынѣ на всѣ безъ исключенія земельныя пріобрѣтенія въ краѣ, и никакой крѣпостной актъ на земельную въ немъ собственность не совершается иначе, какъ по представленіи такого свидѣтельства. Въ изъятіе отъ закона 10 декабря 1865 г., воспретившаго лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать земельныя имущества въ Западномъ краѣ, выдано лицамъ этого происхожденія по сепаратнымъ Высочайшимъ повелѣніямъ съ 1866 по 1885 г. 57 разрѣшительныхъ свидѣтельствъ.

[1] Циркуляръ виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 20 сентября 1885 г. за Nr. 33.

[2] Циркулярное предложеніе виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 23 февраля 1885 г. за Nr. 6.

[3] Указъ правительствующаго сената отъ 25 февраля 1866 г.

Такъ какъ свидѣтельства эти ни внѣшними своими признаками, ни редакціей не отличались отъ свидѣтельствъ, выданныхъ всѣмъ прочимъ лицамъ какъ русскаго, такъ и нерусскаго происхожденія, то нотаріальныя учрежденія, не имѣя никакой возможности опредѣлить, выдано ли представляемое свидѣтельство въ изъятіе изъ закона 10 декабря 1865 г. или на общемъ основаніи, были поставлены въ большія затрудненія. Всѣ затрудненія эти были устранены Высочайше утвержденнымъ 1 ноября 1886 г. положеніемъ комитета министровъ, которымъ всѣ безъ исключенія свидѣтельства, выданныя на покупку имѣній въ Западномъ краѣ до изданія закона 27 декабря 1884 г, какъ лицамъ русскаго, такъ и не русскаго происхожденія, объявлены потерявшими свою силу, при чемъ мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ предоставлено, выдавать или не выдавать такія свидѣтельства, по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ всѣмъ лицамъ польскаго происхожденія, за исключеніемъ крестьянъ-католиковъ, пресѣчены и преграждены съ 1885—1886 г. всѣ пути къ пріобрѣтенію земельной собственности въ Западномъ краѣ кромѣ наслѣдованія по закону и всякій къ ней доступъ кромѣ арендованія на срокъ до 12 лѣтъ.

Если бы мы однако вывели изъ всего этого, что крестьяне католическаго вѣроисповѣданія пользуются въ Западномъ краѣ всѣми тѣми имущественными правами, какія предоставлены крестьянамъ въ прочихъ частяхъ имперіи, и въ частности крестьянамъ православнаго исповѣданія въ томъ же краѣ, то впали бы въ огромную ошибку. Вопреки ясному и вразумительному смыслу закона, ничѣмъ не ограничивающему

правъ мѣстныхъ крестьянъ-католиковъ по части пріобрѣтенія земли въ Западномъ краѣ, въ дѣйствительности мѣстные генералъ-губернаторы пользуясь безапелляціоннымъ правомъ своимъ выдавать или не выдавать разрѣшительныя на земельныя покупки свидѣтельства, ограничили и урѣзали права эти въ огромныхъ размѣрахъ.

Прежде всего (какъ упомянуто уже при разсмотрѣніи вопроса, что такое лицо польскаго происхожденія по русскимъ законамъ и законоположеніямъ?) циркуляромъ виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ въ 1885 г. для крестьянъ-католиковъ назначена высшая норма земельныхъ пріобрѣтеній въ 60 десятинъ, отъ которой дѣлаются отступленія лишь въ исключительныхъ случаяхъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора.[1] Въ томъ же году послѣдовалъ другой циркуляръ того же генералъ-губернатора, которымъ предложено губернаторамъ о крестьянахъ католическаго вѣроисповѣданія, ходатайствующихъ о разрѣшеніи земельныхъ покупокъ, собирать самыя точныя свѣдѣнія: «Принадлежатъ ли они къ числу коренныхъ крестьянъ, ведутъ ли они крестьянскій образъ жизни, какой употребляютъ въ домашнемъ быту разговорный языкъ, обладаютъ ли достаточными средствами для покупки земли, какимъ количествомъ земли уже владѣютъ и могутъ ли покупаемую землю обработывать силами собственной семьи безъ найма постороннихъ рабочихъ[2].» Въ 1887 г. сверхъ этихъ свѣдѣній предложено губерна-

---

[1] Циркулярное предложеніе виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 23 февраля 1885 г. за Nr. 6.

[2] Циркуляры виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 23 февраля 1885 г. за Nr. 6 и 28 и того же февраля за Nr. 10.

торамъ собирать свѣдѣнія: «Не состоятъ-ли просящіе свидѣтельства крестьяне-католики членами костельныхъ братствъ и не служатъ ли они проводниками религіознаго фанатизма а равно посредниками между ксендзомъ и народомъ.[1]» Въ томъ же году предложено губернаторамъ о крестьянахъ, присоединившихся къ православію изъ католицизма, собирать свѣдѣнія, не уклоняются ли они отъ исполненія обрядовъ православной церкви.[2] Одновременно съ распоряженіемъ этимъ генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края отнесся къ архіепископу литовскому о вмѣненіи въ обязанность всѣмъ священникамъ литовской православной епархіи доставлять исправникамъ свѣдѣнія о крестьянахъ, присоединившихся къ православію и уклоняющихся отъ исполненія обрядовъ православной церкви.[3] Такимъ образомъ, если крестьянинъ католикъ Западнаго края въ своемъ образѣ жизни отступилъ отъ стародавняго патріархальнаго крестьянскаго быта, если онъ разговариваетъ попольски, если онъ, по заключенію полицейскаго урядника, причастенъ религіозному фанатизму, если онъ, по подозрѣнію того же урядника, служитъ посредникомъ между ксендзомъ и народомъ, если онъ, принявъ православіе, станетъ не очень усердно посѣщать церковныя богослуженія и не успѣетъ запечатлѣться въ памяти священника, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, если даже допустить полную добросовѣстность священниковъ и неподкуп-

---

[1] Письмо виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 19 мая 1887 г. за Nr. 34—36.

[2] Письмо виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 26 августа 1887 г. за Nr. 57—59.

[3] Письмо виленскаго генералъ-губернатора архіепископу литовскому и виленскому отъ 28 августа 1887 г. за Nr. 3933.

ность чиновъ полиціи, крестьянинъ-католикъ либо перешедшій изъ католичества въ православіе никогда не будетъ допущенъ къ покупкѣ хотя одной пяди земли.

Въ началѣ 1888 г. поручено генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края подвѣдомственнымъ ему губернаторамъ огласить между крестьянскимъ населеніемъ края, что тѣмъ изъ присоединившихся къ православію, которые уклоняются отъ исполненія обрядовъ и требъ православной церкви, покупка земли разрѣшена не будетъ.[1] Уже въ слѣдующемъ 1889 г. генералъ-губернаторъ ставитъ на видъ губернаторамъ неполное и неточное исполненіе чинами полиціи обязанностей своихъ по части собиранія свѣдѣній о крестьянахъ-католикахъ, ходатайствующихъ о разрѣшеніи земельныхъ покупокъ, и въ особенности въ отношеніи ихъ «религіознаго фанатизма» ибо оказывается, что большинство, фанатизированныхъ крестьянъ-католиковъ состоитъ изъ людей зажиточныхъ, стремящихся къ увеличенію своего землевладѣнія. Приписывая это обстоятельство единственно поверхностности и недобросовѣстности чиновъ полиціи по части выслѣживанія проявленій фанатизма крестьянъ-католиковъ края, генералъ-губернаторъ предписываетъ въ томъ же циркулярномъ распоряженіи своемъ, чтобы, кромѣ «обычнаго наблюденія за мѣстнымъ крестьянскимъ католическаго вѣроисповѣданія» чины уѣздной полиціи прибѣгли къ одному новому и необычайному способу собиранія свѣдѣній объ этомъ фанатизмѣ крестьянъ-католиковъ, а именно, къ объѣздамъ мѣстными римско-католическими епископами своихъ

---

[1] Письмо губернаторамъ отъ 8 февраля 1888 г. за №. 592—594.

епархій. При объѣздахъ, этихъ, по указанію генералъ-губернатора, религіозный энтузіазмъ крестьянскаго населенія проявляется особенно рельефно. Вотъ въ это-то время чины полиціи, наблюдая за порядкомъ, должны замѣчать и записывать иниціаторовъ и участниковъ устройства епископу разныхъ овацій, участниковъ религіозныхъ торжествъ, всѣхъ вообще выдѣлившихся какимъ-либо выраженіемъ радости или энтузіазма при видѣ или подъ благословленіемъ своего епископа. Замѣтки эти, какъ сказано въ этомъ циркулярѣ, «должны служить чинамъ полиціи основаніемъ для дачи отзывовъ о крестьянахъ, ходатайствующихъ о выдачѣ свидѣтельства на покупку земельной собственности».[1] Конечно крестьянину-католику, вздумавшему проскакать верхомъ вслѣдъ за епископомъ отъ селенія до селенія, не суждено никогда пріобрѣсть новый клочокъ земли въ своемъ краѣ.

Однако не одни чины полиціи оказались предъ генералъ-губернаторомъ недобросовѣстными. Губернаторъ гродненскій отказалъ въ выдачѣ свидѣтельства на покупку земли крестьянину деревни Кресны Зельвянской волости волковысскаго уѣзда Алексѣю Бычко на томъ основаніи, что священникъ зельвянской церкви въ отношеніи своемъ къ становому приставу отъ 21 августа 1891 г. аттестовалъ Бычко какъ принадлежащаго къ числу лицъ, упорно уклоняющихся отъ исполненія обрядовъ православной церкви. Въ мартѣ слѣдующаго 1892 г. Бычко на отказъ губернатора въ выдачѣ ему свидѣтельства подалъ жалобу генералъ-губернатору, къ которой приложилъ свидѣтельство того же

[1] Письмо ковенскому Губернатору отъ 17 Мая 1889 г. за Nr. 1808.

самаго священника отъ 3 марта того же 1892 г. о томъ, что онъ съ семьей своей состоятъ прихожанами Зельвянской церкви и въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ исправно бывали у исповѣди и св. причастія. Пораженный подобнымъ противорѣчіемъ и, сообщая объ этомъ, прискорбномъ случаѣ архіепископу литовскому[1], генералъ-губернаторъ просилъ преосвященнаго «не оставить его увѣдомленіемъ о томъ, которому изъ удостовѣреній священника Іосифа Янковскаго слѣдуетъ отдать предпочтеніе». Выраженная въ сообщеніи этомъ скорбь генералъ-губернаторская о томъ, что православные священники края недостаточно строго относятся къ исполненію своихъ обязанностей по предпринятой имъ мѣръ и тѣмъ уничтожаютъ всякое ея значеніе, до нельзя характерна и говоритъ настолько сама за себя, что не нуждается въ комментаріяхъ.

Таковы тѣ многообразныя причины, которыя лишаютъ крестьянина-католика Сѣверо-Западнаго края возможности купить хотя бы клочекъ земли въ своемъ краѣ. Неизлишне напомнить здѣсь, что еще въ 1868 г. генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края повергалъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе предположеніе о распространеніи дѣйствія закона 10 декабря 1865 г. на мѣстныхъ крестьянъ католическаго вѣроисповѣданія. Въ состоявшемся по этому представленію Высочайше утвержденномъ 14 іюня 1868 г. положеніи комитета министровъ выражено буквально слѣдующее:

«Признавая, что мѣра распространенія изъяснен-

---

[1] Письмо къ архіепископу отъ 8 мая 1892 г. за Nr. 2032.

наго запрещенія на крестьянъ-католиковъ въ Западномъ краѣ была бы сопряжена съ расширеніемъ силы указа 10 декабря 1865 г. и ввела бы начало раздѣленія крестьянскаго населенія по вѣроисповѣданіямъ и, наконецъ, крайне стѣснила бы хозяйство мѣстныхъ крестьянъ, тогда какъ едва ли имѣется въ виду надлежащее число русскихъ покупщиковъ изъ крестьянскаго населенія, Комитетъ полагаетъ изложенное предположеніе отклонить.[1]»

Несмотря однако на совершенную категоричность приведеннаго положенія комитета министровъ, удостоившагося Высочайшаго утвержденія, генералъ-губернаторы Сѣверо-Западнаго края, начиная съ 1886 г., т. е. съ того времени, какъ имъ предоставлено право выдавать или не выдавать свидѣтельства на покупку земли по собственному усмотрѣнію, права крестьянъ-католиковъ этого края на земельныя пріобрѣтенія, ничѣмъ не ограниченныя въ законѣ, ограничили своими циркулярными распоряженіями до послѣдней степени. Но этого мало: по совершенно ясному смыслу того же Высочайше утвержденнаго 14 іюня 1868 г. положенія комитета министровъ[2] и Высочайшаго повелѣнія 10 декабря 1865 г. крестьянинъ-католикъ, изъ какой бы мѣстности имперіи онъ ни происходилъ, имѣетъ полное право земельныхъ пріобрѣтеній въ Западномъ краѣ. Между тѣмъ циркуляромъ генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края подвѣдомственнымъ ему губернаторамъ въ 1891 г. воспрещено допускать кресть-

---

[1] Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ виленскому генералъ-губернатору отъ 3 іюня 1868 г. за Nr. 6096.

[2] Тоже.

янъ, уроженцевъ Царства Польскаго, католическаго вѣроисповѣданія къ покупкѣ земли въ Сѣверо-Западномъ краѣ невыдачей имъ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ на такія покупки.[1] То «расширеніе силы указа 10 декабря 1865 г.», на которое не рѣшался комитетъ мистровъ въ 1868 г., съ совершенной легкостью и полной непринужденностью произведено генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края въ 1891 г. Затѣмъ, нигдѣ и ни въ чемъ русскіе законы осуществленіе и самое пріобрѣтеніе гражданскихъ правъ неставятъ въ зависимость отъ степени аккуратности въ исполненіи церковныхъ обрядовъ и требъ. Между тѣмъ, въ 1887 г., какъ мы видѣли уже, генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края дѣлаетъ распоряженіе о невыдачѣ свидѣтельствъ на покупку земли тѣмъ изъ мѣстныхъ крестьянъ-католиковъ, которые, перейдя въ православіе, окажутся, по отзывамъ православныхъ священниковъ, недостаточно ревностными въ исполненіи требъ и обрядовъ православной церкви. Наконецъ, въ 1892 г. распоряженіемъ того же генералъ-губернатора совершенно лишены права земельныхъ покупокъ всеобще цѣлыхъ два прихода, следзяновскій и гранновскій въ гродненской губерніи, въ наказаніе за оказанное нѣкоторыми изъ крестьянъ сопротивленіе властямъ при закрытіи ихъ приходскихъ костеловъ, за которое виновные изъ крестьянъ этихъ понесли уже наказаніе.[2]

Я изложилъ въ самыхъ общихъ чертахъ ограниченія имущественныхъ правъ поляковъ въ Россіи.

---

[1] Циркуляръ губернаторамъ отъ 7 сентября 1891 г. за Nr. 10.

[2] Предложеніе гродненскому губернатору отъ 15 ноября 1892 г. за Nr. 35.

Каковы экономическія послѣдствія всѣхъ этихъ ограниченій для Западнаго края, объ этомъ я буду говорить еще далѣе, нынѣ же постараюсь проникнуть сколько-нибудь въ мотивы этихъ имущественныхъ правоограниченій, этихъ урѣзокъ въ гражданскихъ правахъ русскихъ подданныхъ польской національности. Мотивы эти выражены въ разныхъ законодательныхъ актахъ и административныхъ распоряженіяхъ но найболѣе опредѣлительнымъ образомъ указаны въ журналахъ комитета министровъ, воплотившихся затѣмъ въ положеніе его, Высочайше утвержденное 27 декабря 1884 г. Изъ законоположеній, распоряженій и журналовъ этихъ я узнаю, что цѣлый рядъ мѣропріятій по землевладѣнію въ Западномъ краѣ, изданныхъ вслѣдъ за подавленіемъ послѣдняго польскаго возстанія и носящихъ совершенно исключительный характеръ, вызванъ намѣреніемъ правительства тѣснѣе сблизить Западныя губерніи съ остальной Россіей путемъ усиленія въ нихъ русскаго, преданнаго правительству элемента, почему онѣ были направлены съ одной стороны къ ослабленію въ этихъ губерніяхъ многочисленнаго помѣстнаго класса польскаго происхожденія воспрещеніемъ ему вновь пріобрѣтать собственность иначе, какъ путемъ наслѣдованія по закону, съ другой же привлеченіемъ въ край русскихъ уроженцевъ и образованія изъ нихъ прочно водвореннаго благонадежнаго въ политическомъ отношеніи землевладѣльческаго сословія, для чего были предоставлены лицамъ русскаго происхожденія всевозможныя льготныя условія для пріобрѣтенія имѣній какъ съ торговъ, такъ и по соглашенію съ лицами происхожденія польскаго. Эти двѣ категоріи мѣропріятій

состоятъ въ неразрывной между собою связи и только при ихъ равновѣсіи, можно ожидать желаемаго сближенія Западнаго края съ коренной Россіей. Однако 20-лѣтнее ихъ дѣйствіе, хотя и увеличило число русскихъ землевладѣльцевъ въ этомъ краѣ, тѣмъ не менѣе къ прочному водворенію въ немъ русскаго помѣщичьяго сословія не привело. Причиной такой безуспѣшности означенныхъ мѣропріятій по мнѣнію правящихъ сферъ, помимо обхода закона, отсутствія у русскихъ необходимыхъ на пріобрѣтеніе имѣній капиталовъ и недостатка необходимой въ такомъ дѣлѣ предпріимчивости, является еще допущеніе путемъ Монаршей милости изъятія отъ дѣйствія закона 10 декабря 1865 г. Льготы такія, по тѣмъ же увѣреніямъ, явились въ особенности неудобными потому, что были даруемы большею частью землевладѣльцамъ, располагавшимъ уже большими средствами и пользовавшимися между прочими землевладѣльцами значительнымъ вліяніемъ. Независимо отъ этого, допущенныя въ теченіи этихъ 20-ти лѣтъ изъятія, по тѣмъ же увѣреніямъ, несомнѣнно усугубляли тяжесть запрещенія пріобрѣтать земельную собственность для прочихъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія. По всѣмъ этимъ основаніямъ правительствомъ и признано впослѣдствіи настоятельно необходимымъ самымъ рѣшительнымъ образомъ вновь подтвердить силу и значеніе упомянутыхъ законоположеній. Такъ какъ обходъ закона совершался по мнѣнію нѣкоторыхъ администраторовъ главнымъ образомъ путемъ залога имѣній лицамъ польскаго происхожденія, то воспрещеніе совершать закладныя на имя лицъ польскаго происхожденія имѣло первостепенное значеніе. Хотя и возникло при этомъ

опасеніе, что вслѣдствіе такого воспрещенія землевладѣльцы и покупщики русскаго происхожденія въ Западномъ краѣ лишатся необходимаго для нихъ кредита, однако опасеніе такое не остановило тѣхъ изъ русской правительственной среды, которые домогались новыхъ гражданскихъ правоограниченій для поляковъ и они въ подкрѣпленіе домогательствъ своихъ выставляли то обстоятельство, что существуютъ вѣдь банки и что землевладѣльцы и покупщики русскаго происхожденія могутъ прибѣгать къ позаимствованіямъ у лицъ одного съ ними происхожденія. Если бы однако такое стѣсненіе въ кредитѣ для русскихъ землевладѣльцевъ и покупщиковъ въ Западномъ краѣ и произошло, то оно, по доводамъ новыхъ польскихъ правоограниченій, несравненно менѣе вредно должно отозваться на политическомъ положеніи края, нежели постепенно распространяющійся переходъ недвижимыхъ имуществъ путемъ залога во владѣніе лицъ польскаго происхожденія. Независимо отъ этого, процентъ лицъ русскаго происхожденія, которыя бы добросовѣстно совершали займы у лицъ польскаго происхожденія, оказался по увѣреніямъ правоограничителей крайне ничтожнымъ въ сравненіи съ числомъ закладныхъ, выдаваемыхъ лицами русскаго происхожденія лицамъ польскаго происхожденія съ законопротивными цѣлями, а такому злоупотребленію со стороны русскихъ своимъ происхожденіемъ въ пользу національныхъ польскихъ стремленій и въ ущербъ интересамъ государственнымъ необходимо было немедленно положить предѣлъ. Таковы въ общихъ чертахъ мотивы русскаго законодательства и русской административной практики относительно землевла-

дѣнія и въ Западномъ краѣ за послѣдніе тридцать лѣтъ.[1]

Любопытно, что по нѣкоторымъ соображеніямъ, которыя въ указываемыхъ журналахъ своихъ комитетъ министровъ счелъ нужнымъ скрыть, признано имъ болѣе удобнымъ выраженіе «лица польскаго происхожденія» замѣнить выраженіемъ «лица, коимъ по закону 10 декабря 1865 г. воспрещено пріобрѣтеніе поземельной собственности въ западныхъ губерніяхъ.»

Нельзя, наконецъ, не отнести къ числу ограниченій имущественныхъ правъ поляковъ въ Россіи, существующій особый процентный сборъ, взымаемый спеціально съ имѣній лицъ польскаго происхожденія въ девяти Западныхъ губерніяхъ, ибо обложеніе особымъ налогомъ недвижимыхъ имуществъ единственно вслѣдствіе принадлежности владѣльцевъ ихъ къ извѣстной національности не можетъ быть разсматриваемо иначе, какъ ограниченіе правъ этой національности по имуществу. Процентный сборъ этотъ былъ первоначально установленъ особымъ Высочайше утвержденнымъ 8 іюня 1863 г. положеніемъ подъ наименованіемъ контрибуціоннаго и распространялся въ размѣрѣ 10 % съ доходности на всѣ положительно имѣнія Западнаго края безъ различія національности владѣльцевъ. Однако генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края Муравьевъ при раскладкѣ этого сбора по собственному усмотрѣнію понижалъ этотъ 10-процентный сборъ съ имѣній владѣльцевъ русскаго и остзейскаго происхо-

[1] Выписка изъ журналовъ комитета министровъ отъ 11 и 18 декабря 1884 г. и 2 января 1885 г., сообщенная министромъ внутреннихъ дѣлъ генералъ-губернаторамъ виленскому и кіевскому и девяти губернаторамъ Западнаго края.

жденія до 5 %, вслѣдствіе чего, повышался, конечно, размѣръ этого сбора съ имѣній лицъ польскаго происхожденія.

На сѣтованія и жалобы мѣстныхъ помѣщиковъ русскаго и остзейскаго происхожденія, на обложеніе имѣній ихъ подобнымъ сборомъ генералъ-губернаторъ Муравьевъ утѣшалъ ихъ въ своихъ циркулярахъ подвѣдомственнымъ ему губернаторамъ тѣмъ, что, въ то время какъ сборъ этотъ при взысканіи его съ имѣній лицъ польскаго происхожденія имѣетъ карательный характеръ, этотъ же сборъ, будучи взымаемъ съ нихъ, помѣщиковъ русскаго и остзейскаго происхожденія, получаетъ характеръ исполненія ими долга своего предъ государствомъ принять участіе въ расходахъ правительства по водворенію спокойствія въ краѣ.[1] Однако утѣшеніе такое дѣйствовало крайне плохо, и положеніями 6 марта 1867 г. и 3 марта 1869 г. сборъ этотъ въ прежнемъ своемъ видѣ былъ отмѣненъ и снова установленъ подъ именемъ процентнаго исключительно съ имѣній лицъ польскаго происхожденія. Затѣмъ, 31 декабря 1870 г. Высочайше повелѣно: «Принимая процентный сборъ въ Западныхъ губерніяхъ за мѣру временную, вызванную особыми обстоятельствами, прекращать взысканіе онаго постепенно во всѣхъ означенныхъ губерніяхъ, когда двѣ трети пространства помѣщичьей собственности перейдетъ къ владѣльцамъ непольскаго происхожденія, а число сихъ послѣднихъ будетъ не менѣе половины всѣхъ владѣльцевъ, помѣстныхъ имѣній въ губерніи.» Такимъ образомъ, взыманіе процентнаго сбора съ имѣній лицъ польскаго

[1] Циркуляръ генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 17 іюня 1863 г.

происхожденія въ девяти Западнихъ губерніяхъ установлено на неопредѣленное время. Заслуживаетъ вниманія, что, по правиламъ о раскладкѣ этого сбора, какъ только обложенное имъ имѣніе переходитъ къ лицу русскаго происхожденія, сборъ съ него слагается.

Есть еще имущественныя правоограниченія поляковъ въ Россіи, которыя совершенно замаскированы и тщательно скрываются, являясь въ тоже время весьма серьезными. Правоограниченіями такими являются: умышленно допущенная при обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ въ девяти Западныхъ губерніяхъ черезполосность крестьянскихъ и помѣщичьихъ угодій, и масса различныхъ крестьянскихъ сервитутовъ на помѣщичьихъ земляхъ, русскимъ правительствомъ преднамѣренно не устраняемыхъ. Какъ сознается самъ комитетъ министровъ въ вышеупомянутыхъ журналахъ своихъ, предшествовавшихъ изданію правилъ 27 декабря 1884 г., правительственныя распоряженія по предмету устройства быта мѣстныхъ крестьянъ, разсчитанныя на то, чтобы съ упроченіемъ благосостоянія сихъ послѣднихъ создать въ ихъ лицѣ новый надежный оплотъ противъ вліянія польскаго помѣстнаго сословія, повели къ самымъ убыточнымъ послѣдствіямъ для хозяйствъ. Здѣсь разумѣются, по признанію комитета, остающіяся и понынѣ въ силѣ затрудненія въ разграниченіи существующей между крестьянами и помѣщичьими угодіями черезполосности, а равно къ отмѣнѣ путемъ вознагражденія или выкупа лежащихъ на помѣщичьихъ земляхъ сервитутовъ. Этотъ послѣдній видъ пользованія, не будучи большею частью опредѣленъ точными размѣрами и являясь по существу своему правомъ безсрочнымъ, создаетъ

для помѣщиковъ, въ томъ числѣ и русскихъ, не маловажныя затрудненія и составляетъ крайне тяжелое бремя для хозяйства. Допущеніе во многихъ имѣніяхъ права общей толоки а также пользованія пастьбою въ помѣщичьихъ лѣсахъ дѣлаетъ веденіе правильнаго хозяйства невозможнымъ. Вполнѣ признавая всю тяжесть подобнаго обремененія помѣщичьихъ имѣній въ Западномъ краѣ, комитетъ не скрываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ журналѣ своемъ, что обремененіе такое создано и направлено спеціально противъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ поляковъ и лишь косвенно и неизбѣжно падаетъ также и на помѣщиковъ русскаго происхожденія.

Не надобно обладать особой проницательностью и дальновидностью, чтобы видѣть всю призрачность мотивовъ извѣстной частью русскихъ правящихъ сферъ выставляемыхъ къ ограниченію правъ поляковъ по землевладѣнію и по имуществу вообще въ Западномъ краѣ, нами выше уже указанныхъ. Если самъ Муравьевъ въ циркулярахъ своихъ губернаторамъ отъ 5 и 6 іюня 1863 г. признаетъ, что съ одной стороны, существуютъ въ этомъ краѣ помѣщики польскаго происхожденія, заявившіе себя испытанной преданностью русскому правительству, съ другой же имѣются въ немъ также и помѣщики непольскаго происхожденія, причастные къ мятежу и участвовавшіе въ безпорядкахъ, то эти генералъ-губернаторскіе циркуляры, вопреки конечно всякому ожиданію ихъ автора, служатъ лишь подтвержденіемъ той непреложной соціальной истины, что вообще національности не раздѣляются на благонадежныхъ и неблагонадежныхъ, а есть лишь благонадежныя и небла-

гонадежныя личности, относящіяся къ различнымъ національностямъ. По этому водвореніе въ Западномъ краѣ русскихъ землевладѣльцевъ, какъ принадлежащихъ къ національности благонадежной и преданной правительству, и вытѣсненіе изъ него землевладѣльцевъ поляковъ, какъ принадлежащихъ къ національности неблагонадежной и правительству враждебной, представляется безразсуднымъ осуществленіемъ одной изъ тѣхъ государственнообщественныхъ химеръ, которыя причиняютъ человѣчеству столько горя и прогрессу столько вреда. Безуспѣшность этихъ мѣропріятій, признаваемая и самими органами русскаго правителства, служитъ лучшимъ ихъ осужденіемъ. Если для усиленнаго ихъ примѣненія и возстановленія ихъ первоначальной силы понадобилось правительству обвинить даже русскихъ людей, населяющихъ Западный край огуломъ въ стремленіи къ противозаконнымъ цѣлямъ, злоупотребленіи своимъ происхожденіемъ, потворствованіи польскимъ національнымъ стремленіямъ, то подобныя тяжкія обвиненія, доказывая еще одинъ лишній разъ, что нѣтъ національностей спеціально благонадежныхъ, доказываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что русская земельная политика въ Западномъ краѣ построена на государственно-общественныхъ галлюцинаціяхъ.

1 ноября 1886 г. испрашивается утвержденіе Высочайшей властью положенія комитета министровъ, которымъ всѣ ранѣе выданныя свидѣтельства на пріобрѣтеніе земельной собственности какъ лицамъ нерусскаго, такъ и лицамъ русскаго происхожденія признаны недѣйствительными и генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ предоставлено впредь выдавать или

не выдавать такія свидѣтелства независимо отъ происхожденія просителей по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ недовѣріе и подозрѣніе въ политической неблагонадежности, первоначально относившееся ко всѣмъ полякамъ землевладѣльцамъ, нынѣ распространилось уже и на всѣхъ русскихъ землевладѣльцевъ вообще. Разъ дѣло касается покупки земли въ Западномъ краѣ то и національность польская и народность русская даже и всякая другая національность вообще становятся неблагонадежными въ политическомъ отношеніи. Очевидно, таково уже свойство почвы Западнаго края, что всякій, кто пожелаетъ обладать частью ея, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, мгновенно дѣлается неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи.

Неудивительно послѣ этого, что нынѣшній генералъ-губернаторъ генералъ-лейтенантъ Оржевскій никому положительно не разрѣшаетъ покупки земли въ Западномъ краѣ, почему въ предѣлахъ трехъ губерній Сѣверо-Западнаго края въ нынѣшнемъ его составѣ всякое обращеніе поземельной собственности, всякій земельный оборотъ совершенно прекратились, повергнувъ край въ полнѣйшій экономическій застой. Въ Западномъ краѣ поляки являются исключительно продавцами имѣній, а русскіе исключительно покупщиками. Въ силу общаго упадка дворянскаго землевладѣнія въ Россіи, нуждаясь въ деньгахъ, продавцы поляки, за совершеннымъ неимѣніемъ покупщиковъ, вынуждены отдавать имѣнія свои за безцѣнокъ, а такъ какъ по заведенному нынѣшнимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-лейтенантомъ Оржевскимъ порядку, тѣ немногія свидѣтельства, какія въ видѣ рѣдкаго исключенія

имъ выдаются, выдаются лишь на покупку одного опредѣленнаго имѣнія, при чемъ принимаются во вниманіе какъ личность покупщика такъ и личность продавца, то даже изъ ничтожнаго числа наличныхъ покупщиковъ продажа можетъ быть произведена одному лишь, а именно тому, кому пожелаетъ отчудить продаваемое имѣніе генералъ-губернаторъ и по той притомъ цѣнѣ, какую онъ назначаетъ ранѣе выдачи разрѣшительнаго на покупку свидѣтельства. Такимъ образомъ свободнаго отчужденія земельной собственности въ Западномъ краѣ нынѣ уже вовсе не существуетъ, а существуетъ лишь недобровольная отдача однимъ лицомъ, за рѣдкими исключеніями полякомъ, другому лицу своего имѣнія по приказанію генералъ-губернатора по цѣнѣ, какую этому послѣднему заблагоразсудится назначить. При всемъ желаніи невозможно указать другого подобнаго этому грубаго попранія права собственности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОГРАНИЧЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ПРАВЪ ПОЛЯКОВЪ ВЪ РОССІИ.

Я приступаю къ предмету чрезвычайно щекотливому не столько по существу своему, сколько по той таинственности, какой окруженъ онъ въ русскомъ законодательствѣ и административной практикѣ.

Ни въ Сводѣ Законовъ россійской имперіи, ни въ Полномъ собраніи законовъ не упоминаетя ни единымъ словомъ о какихъ бы то ни было ограниченіяхъ служебныхъ правъ поляковъ въ Россіи. Мало того, Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства (Св. Зак. т. III изд. 1876 г. ст. 2) опре-

дѣлительно постановляетъ, что различіе племени и вѣроисповѣданія нисколько не препятствуетъ опредѣленію въ государственную службу лицъ, имѣющихъ право на эту службу по происхожденію или по образованію. Между тѣмъ Высочайше утвержденнымъ 27 мая 1864 г. положеніемъ Западнаго комитета опредѣлено: не замѣщать впредь лицами польскаго происхожденія въ Западномъ краѣ высшихъ служебныхъ мѣстъ и мѣстъ отдѣльныхъ начальниковъ, имѣющихъ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ.

Представляется достопримѣчательнымъ, что въ 1855 г. т. е. за долго до извѣстнаго польскаго возстанія 1863 г., неизмѣнно выставляемаго русскими властями общимъ основаніемъ всѣхъ мѣропріятій, направленныхъ противъ поляковъ, права этихъ послѣднихъ на государственную службу въ Россіи были уже значительно ограничены. Въ февралѣ означеннаго 1855 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ должности въ западныхъ губерніяхъ были по возможности замѣщены чиновниками изъ русскихъ, а туземцы этихъ губерній были переводимы на службу въ великороссійскія губерніи и, чтобы никто изъ уроженцевъ западныхъ губерній, кромѣ однако исповѣдующихъ православную вѣру, не могъ быть опредѣленъ тамъ на службу, не прослуживъ предварительно 10 лѣтъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, либо въ войскахъ въ офицерскихъ чинахъ, если при томъ окажется совершенно благонадежнымъ.[1] Однако уже въ началѣ 1857 г. по Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ Высочайшее повелѣніе

[1] Сообщено генералъ-губернатору 9 февраля 1855 г. Nr. 999.

это было отмѣнено и, такимъ образомъ, продѣйствовавъ всего около двухъ лѣтъ, не успѣло оказать серьезнаго вліянія на служебныя права поляковъ въ русскомъ государствѣ.

Въ 1864 г. Муравьевъ внесъ въ существовавшій въ то время Западный комитетъ представленіе о цѣломъ рядѣ мѣропріятій, направленныхъ къ обрусенію Западнаго края, который однако въ томъ же представленіи признается и именуется искони русскимъ, древнимъ достояніемъ Россіи. Въ числѣ этихъ мѣропріятій между другими были проэктированы: 1) недопущеніе большаго числа лицъ польскаго происхожденія на должности въ главныхъ управленіяхъ въ столицахъ и другихъ городахъ и неопредѣленіе ихъ вовсе на полицейскія и почтовыя должности и 2) замѣщеніе въ Западномъ краѣ лицами русскаго происхожденія высшихъ служебныхъ мѣстъ а равно мѣстъ отдѣльныхъ начальниковъ и тѣхъ, которые находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ народомъ. Первую изъ этихъ мѣръ, какъ заключающую въ себѣ особую важность, комитетъ призналъ необходимымъ сообщить министру внутреннихъ дѣлъ для зрѣлаго обсужденія и сношенія съ разными вѣдомствами, вторую же, представляющую недопущеніе поляковъ на государственную службу въ Западномъ краѣ, утвердилъ безъ всякихъ преній и разсужденій. Это положеніе Западнаго комитета Высочайше утверждено 22 Мая 1864 г. Такимъ образомъ, въ то время какъ проэктъ Муравьева о недопущеніи большаго числа лицъ польскаго происхожденія на службу въ главныхъ управленіяхъ въ столицахъ и другихъ городахъ и неопредѣленіи ихъ вовсе на полицейскія и почтовыя должности, бу-

дучи переданъ министру внутреннихъ дѣлъ для зрѣлаго обсужденія, остался вслѣдствіе такого, очевидно, обсужденія безъ результата, домогательство его о недопущеніи лицъ польскаго происхожденія къ занятію въ Западномъ краѣ высшихъ служебныхъ мѣстъ и мѣстъ отдѣльныхъ начальниковъ, а равно и тѣхъ, которые имѣютъ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, обратилось въ законъ, которому въ прошломъ году истекло цѣлыхъ 30 лѣтъ и подъ прессомъ котораго выдержано уже не одно поколѣніе поляковъ.

Нельзя не видѣть, что это Высочайше утвержденное 22 мая 1864 г. положеніе Западнаго комитета редактировано на столько широко, что для поляковъ закрыта въ Западномъ краѣ почти всякая возможность государственной службы. Во исполненіе закона этого въ томъ же 1864 г. и слѣдующихъ за нимъ немало чиновниковъ польскаго происхожденія въ Западномъ краѣ было уволено отъ занимаемыхъ ими должностей безъ объясненія причинъ увольненія и притомъ безъ всякой съ ихъ стороны вины, единственно за ихъ національность. Не станемъ уже говорить о томъ, что этимъ самымъ, вопреки основнымъ законамъ имперіи, закону 22 мая 1864 г. дано обратное дѣйствіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ этотъ не избѣжалъ общей участи всѣхъ ограничительныхъ узаконеній о полякахъ въ Россіи, а именно, кругъ его дѣйствія расширенъ на практикѣ далеко за предѣлы буквальнаго его смысла. Хотя по буквальному своему смыслу онъ относится къ чиновникамъ, т. е. мѣстнымъ должностнымъ лицамъ государственной службы, тѣмъ не менѣе распоряженіями министровъ, генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ онъ распространенъ на мѣста,

должности и занятія въ учрежденіяхъ общественныхъ и даже частныхъ. Хотя сверхъ того, онъ относится лишь до чиновниковъ т. е. должностныхъ лицъ, занимающихъ классныя должности на государственной службѣ, однако такими же распоряженіями и негласными указаніями онъ распространенъ также и на всѣвозможныя нисшія неклассныя должности и должностныя званія. Постепенно и безпощадно вытѣсняя поляковъ изо всѣхъ мѣстъ, уголковъ и закоулковъ государственной службы, чины администраціи Западнаго края давнымъ давно переступивъ предѣлы Высочайше утвержденнаго 22 Мая 1864 г. положенія Западнаго комитета, дошли до того, что даже мѣста волостныхъ писарей, полицейскихъ урядниковъ и городовыхъ закрыли для лицъ польской національности въ Западномъ краѣ.

Въ усердствованіи надъ работой по части изгнанія поляковъ изъ мѣстъ и должностей въ учрежденіяхъ общественныхъ и частныхъ, чины русской администраціи прибѣгаютъ иногда даже и къ ухищреніямъ. Яркимъ образчикомъ этихъ послѣднихъ является порядокъ замѣщенія должностей въ кіевскомъ земельномъ банкѣ. При открытіи его кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ взялъ съ директоровъ частную подписку, что должности въ ново открытомъ банкѣ не будутъ замѣщаться лицами польскаго происхожденія. Хотя подобная частная подписка банковскихъ заправилъ не имѣла ровно никакого законнаго значенія, однако служба въ кіевскомъ земельномъ банкѣ для лицъ польской національности оказалась почти недоступной. Когда затѣмъ въ послѣднее время подвергнутъ былъ пересмотру уставъ этого банка, генералъ-

губернаторъ, извлекши изъ архива своего упомянутую частную подписку, отослалъ ее министру финансовъ, прося настоятельно принятое на себя бывшими заправилами, давно сошедшими со сцены, частное обязательство, совершенно незаконное и никого ни къ чему не обязывающее, включить въ уставъ банка. Домогательство это было уважено, и такимъ образомъ въ новый уставъ кіевскаго земельнаго банка внѣ всякаго законнаго порядка попала статья, воспрещающая принимать въ немъ на службу лицъ польскаго происхожденія. Такимъ образомъ, постепенно вытѣснены лица, исповѣдующія католическую религію и даже не употребляющія въ домашнемъ быту и общежитіи польскаго языка, а мѣстныя нарѣчія, изо всѣхъ сферъ и со всѣхъ ступеней государственной службы нисходя до самыхъ нисшихъ, до поста городоваго включительно и изо всѣхъ по возможности общественныхъ и даже частныхъ учрежденій.

Невозможно умолчать здѣсь, что предоставленіе лицамъ русскаго происхожденія особыхъ льготъ и преимуществъ по государственной службѣ въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ является въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ ограниченіемъ правъ поляковъ по той же службѣ. Если при этомъ привлеченіе русскихъ путемъ такихъ преимуществъ на службу въ Западный край, можетъ имѣть какое либо, хотя бы призрачное оправданіе, то привлеченіе ихъ путемъ подобныхъ же льготъ въ коренную Польшу т. е. Царство Польское, представляется изгнаніемъ изъ области государственно-общественной дѣятельности кореннаго населенія края въ пользу элемента пришлаго и ему чуждаго. Нельзя не замѣтить при этомъ,

что преимущества, установленныя для привлеченія на службу въ Западный край и Царство Польское уроженцевъ коренныхъ русскихъ губерній въ 60-хъ годахъ и затѣмъ закономъ 13 іюня 1886 г. являются сравнительно небольшими въ Западномъ краѣ и сравнительно огромными въ Царствѣ Польскомъ, т. е. направлены въ особенности къ недопущенію поляковъ къ государственной службѣ въ коренномъ и сплошь польскомъ краѣ. Не будемъ уже говорить о томъ, что означенными преимуществами привлекаются въ Западный край и въ особенности въ Царство Польское лишь отбросы русскаго общества, а отряды русскихъ чиновниковъ, стянутые въ Сѣверо-Западный край Муравьевымъ, оказались столь невѣроятнымъ сбродомъ, что ужаснули его самого, ужаснули до того, что онъ цѣлыми вагонами высылалъ изъ Вильны этихъ первыхъ доблестныхъ дѣятелей обрусенія «искони русскаго края».

Однако наиболѣе яркимъ и притомъ найпозднѣйшимъ актомъ ограниченія служебныхъ правъ поляковъ въ Россіи являются утвержденныя министерствомъ путей сообщенія 20 февраля сего 1894 г. правила для замѣщенія должностей и для допущенія къ постояннымъ занятіямъ въ управленіяхъ и на линіяхъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, а также водяныхъ путяхъ сообщенія, подвѣдомственныхъ этому министерству.[1] Согласно правиламъ этимъ во всей значительной части имперіи, ограниченной съ сѣвера-финскимъ заливомъ, съ востока-линіей, идущей отъ Петербурга чрезъ Псковъ, Двинскъ, Витебскъ, Смоленскъ и далѣе

[1] Отношеніе министерства путей сообщенія къ виленскому генералъ-губернатору отъ 22 февраля 1894 г. за Nr. 7 съ приложеніемъ правилъ.

къ югу по Днѣпру до Чернаго моря, съ Юга-Чернымъ моремъ и румынскою границею и съ Запада-Балтійскимъ моремъ и границами съ Пруссіей и Австріей, католики и, вообще, лица неправославныя польскаго происхожденія а равно также лица православныя, но женатыя на католичкахъ или лютеранкахъ польской національности, не могутъ быть опредѣляемы на мѣста начальниковъ округовъ путей сообщенія, ихъ помощниковъ, инспекторовъ судоходства, правителей канцелярій, начальниковъ отдѣленій правленія, письмоводителей этихъ начальниковъ, управляющихъ желѣзными дорогами, начальниковъ дорогъ, начальниковъ службъ, начальниковъ отдѣленій службы движенія, ревизоровъ и контролеровъ этой службы, всѣхъ служащихъ по телеграфу, всѣхъ вообще служащихъ, занятія которыхъ касаются мобилизаціи войскъ, перевозки воинскихъ грузовъ и усиленія провозо-способности дороги съ военными цѣлями или даютъ возможность ознакомиться съ содержаніемъ переписки по этимъ предметамъ, всѣхъ служащихъ, которымъ поручается сохраненіе данныхъ, относящихся до устройства дороги и ея провозной и пропускной способности, и всѣхъ прочихъ должностей, за исключеніемъ сравнительно нисшихъ, нисшихъ вообще и самыхъ низкихъ. На однѣхъ изъ желѣзныхъ дорогъ этой огромной западной части имперіи лица неправославныя польскаго происхожденія и лица православныя, женатыя на католичкахъ или лютеранкахъ польской національности, могутъ быть допускаемы на сравнительно нисшія должности начальниковъ станцій и ихъ помощниковъ, завѣдующихъ кондукторскими бригадами, начальниковъ участковъ пути и ихъ помощниковъ, машинистовъ при

водокачкахъ внѣ станцій и т. д., на другихъ изъ этихъ дорогъ на нисшія вообще должности составителей поѣздовъ, поѣздныхъ кондукторовъ, сигналистовъ, стрѣлочниковъ и т. д., на третьихъ дорогахъ и участкахъ дорогъ на должности самыя нисшія-путевыхъ и барьерныхъ сторожей, младшихъ ремонтныхъ рабочихъ, кочегаровъ, промывальщиковъ и т. д., при чемъ на всѣ эти нисшія должности лица неправославныя польскаго происхожденія и лица православныя, женатыя на католичкахъ и лютеранкахъ польской національности, могутъ быть назначаемы, за исключеніемъ лишь упомянутыхъ самыхъ нисшихъ, не иначе, какъ въ извѣстномъ процентномъ отношеніи къ общему числу служащихъ на той же должности, а именно, въ количествѣ, не превышающемъ 25, 33 и 40 % такого общаго числа и подъ условіемъ возможно равномѣрнаго распредѣленія этихъ иновѣрцевъ между служащими русскаго происхожденія. На участкахъ шоссейныхъ и водяныхъ путей сообщенія въ предѣлахъ 25 верстъ отъ городовъ Варшавы, Новогеоргіевска, Гродно, Брестъ-Литовска и др. лицами православными русскаго происхожденія и не женатыми на католичкахъ или лютеранкахъ польской національности, должны быть замѣщены всѣ положительно должности за исключеніемъ мастеровыхъ, дорожныхъ и постовыхъ сторожей и рабочихъ. Всѣ вышеуказанныя высшія, среднія, а на многихъ желѣзныхъ, шоссейныхъ и водяныхъ путяхъ даже относительно нисшія и совершенно нисшія должности въ вышеочерченной западной части имперіи должны быть замѣщены постепенно всѣ лицами православными русскаго происхожденія и притомъ не женатыми на католич-

кахъ и лютеранкахъ польской національности втеченіи пяти лѣтъ. Въ этомъ районѣ имперіи иновѣрцы польскаго происхожденія и православные, женатые на католичкахъ и лютеранкахъ польской національности, не могутъ быть допускаемы даже къ арендованію желѣзнодорожныхъ буфетовъ. Но мало того, даже внѣ этой западной полосы имперіи т. е. въ коренной Россіи, иновѣрцы могутъ быть допускаемы на службу на желѣзныхъ дорогахъ, шоссейныхъ и водяныхъ путяхъ въ количествѣ не свыше 40 % общаго числа служащихъ на каждой должности и при условіи возможно равномѣрнаго распредѣленія ихъ между служащими русскаго происхожденія.

Въ теченіи XVIII и XIX вѣка не было еще въ Россіи закона, который бы до такой степени обезправливалъ иновѣрцевъ, какъ эти правила, въ силу Высочайшаго соизволенія отъ 4 февраля прошлаго года утвержденныя министромъ путей сообщенія 20 того же февраля. Для самихъ православныхъ въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ служебныя права значительно ограничиваются, разъ они женаты на католичкахъ или лютеранкахъ, если только эти послѣднія принадлежатъ къ польской національности. Выходитъ, что коренной русскій и православный въ Западномъ краѣ и Царствѣ польскомъ лишается своихъ служебныхъ правъ, если его жена полька, и не лишается этихъ правъ, если его жена, хотя и католичка либо лютеранка, но нѣмка, француженка, англичанка и т. д. Въ то время какъ въ 1868 г. комитетъ министровъ категорически отвергъ одно лишь недоумѣніе, не подлежатъ ли ограниченію въ правахъ пріобрѣтенія земельной собственности въ Западномъ краѣ русскіе,

женатые на полькахъ, въ 1894 г. ограничиваются уже служебныя права русскихъ, женатыхъ на полькахъ и въ правахъ этихъ они уравниваются съ лицами польскаго происхожденія. Но всего достопримѣчательнѣе и знаменательнѣе, что разсматриваемыми правилами ограничиваются и сокращаются служебныя права поляковъ даже за предѣлами Западнаго края, т. е. по всей Россіи.

Никогда еще русское законодательство не заходило такъ далеко въ ограниченіи правъ поляковъ, какъ въ этихъ правилахъ 20 февраля 1894 г. Въ то время какъ внесенное въ 1864 г. бывшимъ генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края Муравьевымъ въ бывшій Западный комитетъ — въ числѣ другихъ предположеній — предположеніе объ ограниченіи правъ поляковъ на службу въ главныхъ управленіяхъ въ столицахъ и другихъ городахъ, т. е. за предѣлами Западнаго края, было комитетомъ отклонено и затѣмъ правительствомъ отвергнуто, — въ 1894 г., т. е. 30 лѣтъ спустя, ограниченіе такое осуществляется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и притомъ не въ главныхъ управленіяхъ, а въ самой заурядной области шоссейныхъ, водяныхъ и желѣзнодорожныхъ путей сообщенія, изъ которыхъ послѣдніе носятъ въ Россіи характеръ казенныхъ коммерческихъ предпріятій. Что считалось невозможнымъ и неосуществимымъ 30 лѣтъ тому назадъ, то становится возможнымъ и осуществимымъ, и притомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ нынѣ, на рубежѣ XX вѣка.

Нельзя не видѣть, на сколько значительны и серьезны ограниченія служебныхъ правъ поляковъ въ Россіи какъ по службѣ государственной, такъ даже и по службѣ вольнонаемной, т. е. частной, какова

служба на желѣзныхъ дорогахъ, въ желѣзнодорожныхъ управленіяхъ, банковыхъ учрежденіяхъ и т. д. Дворянство въ Россіи преимущественно и предпочтительно предъ всѣми другими сословіями привлекается на государственную службу. По законамъ о состояніяхъ (Св. Зак. т. IX изд. 1876 г. ст. 312) дворяне губерній Царства Польскаго при опредѣленіи на русскую службу признаются наравнѣ съ дворянами русскими, по тѣмъ же законамъ (ст. 10) никто не можетъ быть ограниченъ въ своихъ правахъ иначе, какъ по суду за преступленіе, по тѣмъ же законамъ (ст. 216) дворяне изъемлются отъ личныхъ податей. Если всѣ эти законоположенія сопоставить со всѣми приведенными нами выше секретными положеніями и распоряженіями объ ограниченіи правъ лицъ польскаго происхожденія на государственную службу и принять во вниманіе, что процентный сборъ съ имѣній лицъ польскаго происхожденія по существу своему есть подать личная, и притомъ падающая лично на поляковъ дворянскаго сословія, то возникаетъ недоумѣніе: гдѣ же наконецъ, настоящіе русскіе законы — эти ли, заключающіеся въ разныхъ томахъ оффиціальнаго и гласнаго Свода Законовъ, или же эти — негласные, конфиденціальные, содержимые въ глубокой тайнѣ.

Къ числу ограниченій государственныхъ правъ поляковъ въ Россіи надо отнести также воспрещеніе лицамъ польскаго происхожденія, впредь до особаго распоряженія, перечисляться изъ десяти губерній Царства Польскаго въ губерніи сѣверо-западныя, юго-западныя, къ тѣмъ и другимъ прилегающія и бессарабскую (прил. къ ст. 312 т. IX Св. зак. изд. 1876 г. ст. 5).

Гораздо болѣе важными ограниченіями представля-

ются лишеніе Царства Польскаго и Западнаго края земскаго самоуправленія и дворянскаго представительства, а Царства Польскаго сверхъ того, еще и суда присяжныхъ. Хотя въ Западномъ краѣ отсутствіе земскаго самоуправленія и замѣщеніе всѣхъ выборныхъ дворянскихъ должностей по назначенію правительства всей своей тяжестью падаютъ на все населеніе края, но государственныя правоограниченія эти направлены собственно и исключительно противъ польской народности и лишь косвенно и неизбѣжно упадаютъ на остальное народонаселеніе края. Если при этомъ лишеніе польскаго дворянства сословнаго самоуправленія направлено къ окончательному его приниженію и обезличенію, достаточно достигаемому уже разными другими мѣропріятіями, то лишеніе двухъ столь обширныхъ и густо населенныхъ областей, какъ Западный край и Царство Польское, земскаго самоуправленія значительно подрываетъ экономическое благосостояніе всего польскаго народа въ Царствѣ Польскомъ и польской части населенія въ Западномъ краѣ, а за ней и прочихъ частей этого народонаселенія. Лишеніе Царства Польскаго суда присяжныхъ достаточно характеризуетъ то военное положеніе, въ какомъ до сихъ поръ еще держится этотъ осколокъ бывшей Польши, уже 80 лѣтъ тому назадъ присоединенный къ Имперіи.

Переходя, затѣмъ, къ разсмотрѣнію ограниченій общественныхъ правъ поляковъ въ Россіи, слѣдуетъ коснуться прежде всего воспрещенія употребленія польскаго языка въ разныхъ областяхъ общественной жизни, такъ какъ языкъ является главнымъ и найболѣе существеннымъ выраженіемъ національности.

Воспрещеніе употребленія польскаго языка въ

Западномъ краѣ начинается съ 1863 г. Оно коснулось первоначально лишь области оффиціальнаго дѣлопроизводства и школьнаго образованія. Генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края Муравьевъ въ изданной имъ 24 мая 1863 г. инструкціи для устройства военно-гражданскаго управленія въ уѣздахъ шести губерній, входившихъ въ то время въ составъ виленскаго генералъ-губернаторства, между прочимъ предписываетъ: «Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, что волостныя и сельскія правленія по производству дѣлъ и веденію книгъ употребляютъ польскій языкъ, а неграмотныя должностныя лица сихъ правленій имѣютъ именныя печати на польскомъ языкѣ, поручаю начальникамъ губерній, приведя въ положительную извѣстность всѣ тѣ мѣста и лица, гдѣ существуетъ подобное злоупотребленіе, немедленно распорядиться заготовленіемъ и разсылкой новыхъ книгъ и штемплей на русскомъ языкѣ вмѣсто бывшихъ до сихъ поръ въ употребленіи польскихъ, взыскавъ расходы по сему предмету съ бывшихъ мировыхъ посредниковъ, которые допустили подобное злоупотребленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписать вновь назначеннымъ мировымъ посредникамъ, что-бы впредь подобнаго отступленія отъ законнаго порядка нигдѣ допускаемо не было подъ личною ихъ отвѣтственностью.» (Второе дополненіе къ инструкціи 14.) Этимъ воспрещеніемъ и начинается искорененіе польскаго языка въ предѣлахъ Западнаго края, въ которомъ весь интеллигентный слой населенія сплошь говоритъ по польски. Что такое громоносное воспрещеніе не могло подѣйствовать сразу и моментально упразднить польскій языкъ даже изъ оффиціальнаго употребленія, само собою разумѣется и подтверждается

циркуляромъ того же генералъ-губернатора отъ 12 февраля 1864 г., которымъ за употребленіе польскаго языка къ оффиціальной перепискѣ назначаются штрафы: съ присутственныхъ мѣстъ — 25 руб., а съ отдѣльныхъ должностныхъ лицъ и волостныхъ и сельскихъ управленій — 10 рублей. Циркуляромъ того же генералъ-губернатора отъ 5 марта 1865 г. объявляется, что, такъ какъ римско-католическое духовенство продолжаетъ вести оффиціальную между собою переписку и выдавать метрики на польскомъ языкѣ, то предписывается губернаторамъ за употребленіе такое польскаго языка штрафовать ксендзовъ на 25 рублей. Циркуляромъ отъ 18 іюня 1863 г. поручено губернаторамъ наблюдать, чтобы съ 1864 г. польскій языкъ не былъ преподаваемъ какъ обязательный предметъ въ женскихъ гимназіяхъ Сѣверо-Западнаго края, а циркуляромъ отъ 1 января 1864 г. воспрещено вовсе преподаваніе польскаго языка въ сельскихъ училищахъ.

Однако воспрещеніемъ преподаванія польскаго языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-Западнаго края и употребленія этого языка въ оффиціальной перепискѣ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ края, а въ томъ числѣ и римско-католическаго духовенства, администрація не ограничилась.

Въ 1866 г. генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края фонъ-Кауфманъ издалъ на имя губернаторовъ шести губерній, входившихъ въ то время въ составъ этого края, циркуляръ[1], которымъ между разными воспрещеніями запрещено также употребленіе польскаго языка въ публичныхъ собраніяхъ, служеб-

[1] Отъ 9 февраля за Nr. 31—36.

ныхъ и общественныхъ мѣстахъ, гуляньяхъ, зрѣлищахъ, кофейняхъ, кондиторскихъ, лавкахъ, магазинахъ, объявленіяхъ, вывѣскахъ, аптечныхъ ярлыкахъ, лавочныхъ и магазинныхъ счетахъ, при чемъ воспрещеніе употребленія этого языка въ оффиціальной перепискѣ вновь подтверждено и расширено распространеніемъ его также и на подаваемыя частными лицами присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ прошенія. Такимъ же циркулярнымъ распоряженіемъ генералъ-губернатора графа Баранова отъ 3 февраля 1868 г.[1], сократившимъ, вообще, число разныхъ воспрещеній, запрещено въ частности употребленіе польскаго языка лишь въ оффиціальной перепискѣ и словесныхъ сношеніяхъ съ правительственными лицами. Но тотчасъ однако циркуляромъ генералъ-губернатора Потапова отъ 22 марта 1868 г.[2] воспрещеніе это расширено и взысканіе денежныхъ штрафовъ назначено также за употребленіе польскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ, у начальствующихъ лицъ вообще, по дѣламъ службы, въ церквяхъ, театрахъ, клубахъ и другихъ собраніяхъ, а также на улицахъ при стеченіи народа, если въ этомъ послѣднемъ случаѣ польскій языкъ будетъ употребляться не въ частномъ разговорѣ, а какъ политическое заявленіе. Наконецъ, циркулярнымъ распоряженіемъ графа Тотлебена отъ 29 апрѣла 1881 г.[3] воспрещено употребленіе польскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ, у должностныхъ лицъ и, вообще, во всѣхъ словесныхъ и письменныхъ сношеніяхъ съ правительственными и общественными утрежденіями, на

---

[1] За Nr. 24.
[2] За Nr. 42.
[3] За Nr. 326—328.

вывѣскахъ, объявленіяхъ, точно также въ клубахъ, театрахъ, магазинахъ, лавкахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, если въ сихъ послѣднихъ случаяхъ польская рѣчь выходитъ изъ предѣловъ обыкновеннаго частнаго разговора.

Наглядным образчикомъ примѣненія всѣхъ этихъ правилъ о воспрещеніи употребленія польскаго языка могутъ служить ниже слѣдующіе акты, которые, какъ крайне любопытные документы, приводимъ въ подлинникѣ.

«Актъ. 1868 г. марта 18 дня. При подачѣ денегъ въ присутствіи Бѣльскаго уѣзднаго Казначейства однодворцемъ Шкурецкой волости Ольшевскаго общества Антономъ Тварковскимъ замѣченъ онъ Тварковскій, въ употребленіи польскаго языка, именно, выраженія: «mam Panie dwa rubli drobnych». Вслѣдствіе чего Начальникъ Бѣльскаго Уѣзднаго Жандармскаго Управленія маіоръ Гавсманъ просилъ Казначея составить о семъ настоящій актъ и препроводить по принадлежности. По личной просбѣ неграмотнаго однодворца Антона Тварковскаго росписуюсь, причемъ былъ свидѣтелемъ Феликсъ Мочульскій. При составленіи акта былъ и слышалъ, какъ Тварковскій выразилъ означенныя слова маіоръ Гавсманъ. Помощникъ Казначея Х.»[1]

«1868 г. апрѣля 20 дня. Бѣльскій Уѣздный Исправникъ вслѣдствіе препровожденнаго къ нему акта Уѣзднаго Казначейства отъ 18 марта о разговорѣ на польскомъ языкѣ однодворца Шкурецкой волости

---

[1] Представленіе гродненскаго губернатора виленскому генералъ-губернатору отъ 6 мая 1868 г. за Nr. 431.

Ольшевскаго общества деревни Твароги-Выпихи Антона Тварковскаго, который на спросъ о причинѣ разговора въ Казначействѣ на польскомъ языкѣ сознался свою виновность, показалъ, что «будучи въ Казначействѣ съ сосѣдями для уплаты % сбора, въ канцеляріи, меня спросили о деньгахъ, чтобы скорѣе представилъ, то я, вынимая ихъ, на вопросъ всѣ ли бумажки (кредитныя) русскія, сказалъ по русски «всѣ» и, забывшись прибавилъ: «mam Panie, dwa rubli drobnych»; причина того торопливость моя скорѣе исполнить требованіе чиновника. Что все показалъ по чистой правдѣ и совѣсти, въ томъ по неграмотности ставлю знаки xxx, значитъ Антонъ Тварковскій.» Показаніе отбиралъ Уѣздный Бѣльскій Исправникъ Смарагдовъ.[1] «Изъ за произнесенія лицомъ изъ простонародія въ попыхахъ столь ничтожной фразы, какъ «mam Panie, dwa rubli drobnych» составляется цѣлыхъ два акта, возбуждается цѣлая переписка, которая при представленіи гродненскаго губернатора восходитъ на разсмотрѣніе главнаго начальника края и заканчивается наложеніемъ по распоряженію генералъ-губернатора на бѣдняка-однодворца денежнаго штрафа въ 3 рубля, для него довольно чувствительнаго.

Начиная съ 1866 г. употребленіе польскаго языка во всѣхъ запрещенныхъ случаяхъ, родъ и число которыхъ неоднократно измѣнялись и сущнось и общіе признаки которыхъ нелегко уяснить себѣ человѣку даже сравнительно интеллегентному, каралось и карается штрафами отъ 1 до 100 рублей[2], но въ отдѣль-

---

[1] Тоже.

[2] Циркуляръ виленскаго генералъ-губернатора отъ 9 февраля 1866 г. за Nr. 31—36.

ныхъ случаяхъ накладывались на виновныхъ въ нарушеніи этого генералъ-губернаторскаго воспрещенія штрафы въ значительно большихъ размѣрахъ. За одну лишь подпись на какой либо бумагѣ, подаваемой въ присутственное мѣсто или должностному лицу, за подпись подъ какимъ либо протоколомъ и даже подпись на частной роспискѣ по польски налагались штрафы въ 25, 50 и 75 рублей, а иногда даже въ 100 рублей.

Послѣднее запретительное распоряженіе, изданное генералъ-адютантомъ Тотлебеномъ 29 апрѣля 1881 г.[1] воспрещаетъ употребленіе польскаго языка также и въ клубахъ, театрахъ, магазинахъ, лавкахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, если въ сихъ послѣднихъ случаяхъ польская рѣчь выходитъ изъ предѣловъ обычнаго частнаго разговора. Гдѣ же и въ чемъ предѣлы частнаго разговора? Генералъ-губернаторскія распоряженія такихъ предѣловъ не опредѣляютъ и никакихъ данныхъ для такого опредѣленія не даютъ. Такимъ образомъ, опредѣленіе предѣловъ обычнаго частнаго разговора, за которые польскій языкъ проникать не долженъ, предоставляется голому и ничѣмъ не ограниченному усмотрѣнію представителей мѣстной администраціи и притомъ представителей самыхъ нисшихъ, ибо они и могутъ только усматривать непосредственно такія нарушенія.

Положимъ, окончательное разрѣшеніе вопроса о наложеніи штрафа зависитъ нынѣ отъ генералъ-губернатора, но вѣдь одно уже оборваніе разговора, нерѣдко довольно грубое, возбужденіе переписки, со-

[1] За Nr. 326—328.

ставленіе протокола, доставляютъ частнымъ лицамъ не мало хлопотъ и непріятностей. Затѣмъ одинъ изъ высшихъ представителей власти въ краѣ обычнымъ частнымъ разговоромъ считаетъ разговоры о погодѣ и картахъ, другой присоединяетъ сюда также разговоры о цѣнахъ на квартиры и съѣстные припасы, третій готовъ признать частнымъ разговоромъ обсужденіе достоинствъ и недостатковъ всѣхъ лучшихъ лошадей въ городѣ, четвертый также обсужденіе игры артистовъ того или другаго сезона и т. д. Такимъ образомъ, опредѣленіе запретныхъ границъ для польскаго языка въ Сѣверо-Западномъ краѣ зависитъ всецѣло отъ уровня умственнаго развитія мѣстныхъ властей. Нельзя по этому особенно удивляться слѣдующему распоряженію генералъ-губернатора Каханова 13 ноября 1885 г., послѣдовавшему на имя виленскаго губернатора[1] и совѣта старшинъ виленскаго дворянскаго клуба.[2] Упомянувъ о распоряженіяхъ предшественниковъ своихъ, которыми воспрещено употребленіе польскаго языка, генералъ-лейтенантъ Кахановъ далѣе пишетъ:

«Между тѣмъ, до свѣдѣнія моего дошло что въ Виленскомъ дворянскомъ клубѣ многіе изъ членовъ онаго позволяютъ себѣ вести разговоры на польскомъ языкѣ, умышленно громко, стараясь какъ бы отличиться передъ присутствующими, равно даютъ приказанія прислугѣ почти исключительно по польски, однимъ словомъ, свое употребленіе польскаго языка переносятъ далеко за границу частнаго разговора и,

---

[1] За Nr. 1606.
[2] Тоже.

только прикрываясь частнымъ разговоромъ, стараются о сохраненіи въ клубѣ польской рѣчи. Такое нарушеніе дѣйствующихъ въ краѣ распоряженій заставляетъ меня обратить на это особенное вниманіе Вашего Превосходительства (Совѣта Старшинъ Виленскаго Дворянскаго клуба) и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить Васъ (Совѣтъ Старшинъ) принять зависящія мѣры къ тому, чтобы въ здѣшнемъ дворянскомъ клубѣ употребленіе польскаго языка было поставлено въ невозможность нарушать существующія распоряженія и отнюдь не носило бы на себѣ характеръ демонстраціи со стороны живущихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ поляковъ.»

Изъ этого генералъ-губернаторскаго распоряженія, изъ его буквальнаго смысла вытекаетъ, во первыхъ, что всякій громкій разговоръ по польски составляетъ политическую демонстрацію въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и во вторыхъ, что даже приказаніе прислугѣ гдѣ либо въ клубѣ, либо въ трактирѣ составляетъ такую же демонстрацію. Если полякъ крикнетъ лакею: подай чаю., то заплатитъ 10—15 копѣекъ, если же прикажетъ «daj herbaty» то рискуетъ сверхъ 15 копеекъ за чай заплатить еще рублей 10—25 штрафа.

Циркуляромъ генералъ-губернатора Оржевскаго на имя губернаторовъ виленскаго, ковенскаго и гродненскаго отъ 24 іюня 1893 г.[1], подтверждающимъ воспрещеніе употребленія польскаго языка, какъ проступка политическаго характера, подтверждается также и воспрещеніе такого употребленія въ общественныхъ мѣстахъ, на гуляніяхъ, зрѣлищахъ, въ кофейняхъ,

[1] За Nr. 1069.

кондиторскихъ, лавкахъ, магазинахъ, при чемъ оговорки, что разговоръ на польскомъ языкѣ карается въ томъ случаѣ, когда выходитъ за предѣлы обычнаго частнаго разговора, въ этомъ самомъ послѣднимъ изъ воспретительныхъ циркуляровъ вовсе не заключается, почему въ силу общаго его смысла представляется возможнымъ оштрафованіе всякаго польскаго разговора, хотя бы онъ носилъ характеръ даже совершенно частнаго разговора.

Такимъ образомъ генералъ-губернаторскій штрафъ преслѣдуетъ польскую рѣчь по всему пространству Сѣверо-Западнаго края на каждомъ шагу, слѣдуетъ за ней по пятамъ и останавливается лишь у закрытыхъ дверей польской семьи.

Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь слѣдующій достопримѣчательный фактъ. Въ 1885 г. извѣстная пѣвица, артистка императорскихъ театровъ Зембрихъ-Коханская давала концертъ въ Вильнѣ и не зная конечно, въ точности мѣстныхъ генералъ-губернаторскихъ воспрещеній, между прочимъ, спѣвъ много русскихъ пѣсень, спѣла также и одну польскую пѣсьню. На слѣдующее же утро объявлено ей о наложеніи на нее генералъ-губернаторомъ штрафа въ 100 рублей, которые она тутъ же и заплатила.

Какія же еще запрещенія и подкрѣпляющіе ихъ штрафы висятъ нынѣ надъ польскою народностью въ Западномъ краѣ?

Вотъ эти запрещенія, облагаемыя штрафами до 100 рублей:

1) Участіе въ устройствѣ вновь а также въ возобновленіи или исправленіи костеловъ, каплицъ и алтарей безъ разрѣшенія подлежащихъ властей.

2) Содержаніе огнестрѣльнаго оружія: пороха а равно и другихъ боевыхъ припасовъ безъ установленаго разрѣшенія.

3) Допущеніе въ частныхъ домахъ собраній и съѣздовъ безъ вѣдома полиціи.

4) Пѣніе недозволенныхъ пѣсень.

5) Употребленіе разныхъ эмблематическихъ знаковъ на домахъ, одеждѣ, упряжи и т. д. а также продажа этихъ знаковъ.

6) Употребленіе польскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ, у начальствующихъ лицъ и, вообще, во всѣхъ словесныхъ и письменныхъ сношеніяхъ съ правительственными и общественными учрежденіями, на вывѣскахъ и объявленіяхъ точно также въ клубахъ, театрахъ, магазинахъ, лавкахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, если въ сихъ послѣднихъ случаяхъ польская рѣчь выходитъ изъ предѣловъ обычнаго частнаго разговора.[1]

О послѣднемъ изъ этихъ воспрещеній, т. е. о воспрещеніи употребленія польскаго языка, мы уже высказались ранѣе. Съ воспрещеніемъ подъ страхомъ штрафа принимать участіе въ устройствѣ, возобновленіи и исправленіи костеловъ, каплицъ и алтарей мы встрѣтимся еще въ дальнѣйшемъ изложеніи, при разсмотрѣніи положенія римско-католической церкви въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ. Содержаніе безъ разрѣшенія огнестрѣльнаго оружія пороха и боевыхъ припасовъ, допущеніе въ частныхъ домахъ собраній и съѣздовъ безъ вѣдома полиціи и пѣніе не-

---

[1] Циркуляры виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 30 іюня 1880 г. за Nr. 774—776 и 29 апрѣля 1881 г. за Nr. 326—328.

дозволенныхъ пѣсень не нуждаются въ комментаріяхъ и нынѣ должны бы быть разсматриваемыми мировыми учрежденіями, а не подвергаться карамъ въ административномъ порядкѣ. Найболѣе характернымъ и достопримѣчательнымъ изъ этихъ воспрещеній является, конечно, воспрещеніе польской упряжи, хотя какъ первоначальнымъ распоряженіемъ графа Баранова отъ 3 февраля 1866 г., такъ и самымъ позднѣйшимъ распоряженіемъ графа Тотлебена отъ 29 апрѣля 1881 г. воспрещено употребленіе эмблематическихъ знаковъ на домахъ, одеждѣ и упряжи, а не самой упряжи, тѣмъ не менѣе однако генералъ-губернаторъ Кахановъ объявилъ 21 сентября 1885 г.[1] ниже слѣдующее распоряженіе, которое по его достопримѣчательности приводимъ цѣликомъ:

«До моего свѣдѣнія дошло, что г. г. помѣщики вновь начали употреблять при ѣздѣ польскую упряжь. Вслѣдствіе этого я считаю себя обязаннымъ напомнить Вашему Превосходительству о существующемъ по настоящее время въ своей силѣ циркулярномъ распоряженіи бывшаго Главнаго Начальника Сѣверо-Западнаго края графа Баранова отъ 9 февраля 1866 г. за Nr. 31—36, которымъ строго воспрещается употребленіе одежды и упряжи, свойственныхъ лишь польскому краю и здѣсь неумѣстныхъ, и потому покорнѣйше прошу Васъ обратить вниманіе подвѣдомственныхъ Вамъ чиновъ полиціи на неуклонное и бдительное за исполненіемъ означеннаго распоряженія наблюденія и о лицахъ, замѣченныхъ въ употребленіи польской упряжи, доводить до моего свѣдѣнія для

[1] За Nr. 1374—1376.

наложенія на нихъ денежныхъ взысканій въ административномъ порядкѣ.»

Это распоряженіе генералъ-лейтенанта Каханова не можетъ не вызвать удивленія по двумъ основаніямъ: Во первыхъ, распоряженіемъ генералъ-адъютанта графа Тотлебена отъ 29 апрѣля 1881 г. всѣ ему предшествовавшія воспретительныя распоряженія отмѣнены и замѣнены этимъ новымъ его, генералъ-адъютанта графа Тотлебена, распоряженіемъ, и потому распоряженіе графа Баранова отъ 3 (9) февраля 1866 г. съ 1881 г. представляется уже утратившимъ свою силу и во вторыхъ, въ обоихъ этихъ распоряженіяхъ говорится объ эмблематическихъ знакахъ на упряжи, а не о польской упряжи, такъ что ссылка генералъ-лейтенанта Каханова на распоряженіе графа Баранова представляется неправильной. Такимъ образомъ, въ 1885 г. было издано новое воспрещеніе, которое никогда ранѣе въ Западномъ краѣ не существовало, а именно воспрещеніе польской упряжи.

Невольно возникаетъ вопросъ о законности и закономѣрности всѣхъ этихъ воспретительныхъ распоряженій. Извѣстно, что всѣ они были изданы въ силу военнаго положенія Сѣверо-Западнаго края во время возстанія 1863 г. и вслѣдъ за этимъ возстаніемъ и на основаніи особыхъ полномочій данныхъ Высочайшей властью первымъ по возникновеніи возстанія генералъ-губернаторамъ края. Съ прекращеніемъ же по особому Высочайшему повелѣнію всѣхъ дѣлъ по этому возстанію и прекращеніемъ въ краѣ военнаго положенія особыя полномочія генералъ-губернаторской власти въ краѣ представляются прекратившимися и особыя воспретительныя распоряженія, вызванныя

исключительнымъ его положеніемъ, должны считаться потерявшими свою силу. Во всякомъ случаѣ циркуляры въ родѣ выше приведеннаго циркуляра генералъ-лейтенанта Каханова о воспрещеніи польской упряжи нынѣ при несуществованіи въ краѣ военнаго положенія уже никоимъ образомъ не могутъ быть издаваемы. Сами органы русскаго правительства не могли и не могутъ не сознавать всей неопредѣленности положенія, созданнаго означенными распоряженіями, до сего времени формально неотмѣненными и всей ихъ незаконом҃рности. Въ силу такого сознанія еще въ 1871 г. возбужденъ былъ вопросъ объ утвержденіи всѣхъ еще понынѣ примѣняемыхъ на практикѣ генералъ-губернаторскихъ распоряженій Высочайшею властью. Высочайше утвержденнымъ 23 іюня 1871 г. мнѣніемъ Государственнаго совѣта опредѣлено предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по сношенію съ генералъ-губернаторами Западнаго края, пересмотрѣть изданные въ прежнее время главными начальниками края циркуляры и тѣ изъ нихъ, которые должны сохранить свое дѣйствіе на будущее время, представить черезъ Комитетъ министровъ на Высочайшее усмотрѣніе съ тѣмъ, чтобы таковые на судебно-мировыхъ разбирательствахъ получили обязательную силу.

Однако это Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта до сихъ поръ, т. е. въ теченіи цѣлыхъ 23 лѣтъ еще не исполнено, генералъ-губернаторскіе циркуляры не пересмотрѣны и виновные въ ихъ нарушеніи подвергаются наказаніямъ не по рѣшеніямъ суда въ лицѣ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, а по прежнему по усмотрѣнію и назначенію

администраціи, естественно и неизбѣжно по этому, что всякій полякъ въ Западномъ краѣ, уплачивая штрафы за нарушеніе какого нибудь генералъ-губернаторскаго циркуляра, не можетъ не чувствовать и не сознавать, что онъ подвергается со стороны мѣстныхъ административныхъ властей вопреки Высочайше утвержденному положенію Государственнаго Совѣта, явному произволу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОЛОЖЕНІЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Мы приступаемъ къ предмету большой важности и чрезвычайной сложности. Если даже въ благоустроенныхъ европейскихъ государствахъ отношенія между церковью и государствомъ представляются несовсѣмъ нормальными и оставляютъ желать многаго лучшаго, то въ Россіи отношенія между правительствомъ и его органами и римско-католической церковью въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, а въ особенности въ первомъ представляютъ нѣчто совершенно маловѣроятное и не имѣющее себѣ подобнаго. Русскихъ государственныхъ законовъ, опредѣляющихъ отношенія между правительствомъ и католическою церковью, весьма немного и они не касаются вовсе многихъ весьма существенныхъ сторонъ этихъ отношеній. Распоряженія русскихъ правительственныхъ властей, предназначенныя къ опредѣленію и урегулированію этихъ отношеній, содержатся въ строжайшей тайнѣ.

«Первенствующая и господствующая въ россійскомъ государствѣ есть христіанская, православная,

восточнаго исповѣданія церковь. Но и всѣ, не принадлежащіе къ сей церкви, подданные государства и иностранцы какъ въ Имперіи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ пользуются, каждый повсемѣстно, свободнымъ отправленіемъ своей вѣры и богуслуженія.»

«Въ россійскомъ государствѣ свобода вѣры присвояется не только христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, и магометанамъ, и язычникамъ.»

Такъ гласятъ русскіе законы. 1) Уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданіи, Свода Законовъ т. XI ч. 1 ст. 1 и 2 изд. 1857 г. 2) Основные Государственные Законы, Свода Законовъ т. 1 ч. 1 изд. 1892 г. ст. 44 и 45, — и 3) Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, Свода Законовъ т. XIV изд. 1890 г. ст. 65.

Между тѣмъ, 24 января 1866 г. изданъ генералъ-губернаторомъ Сѣверо Западнаго края фонъ Кауфманомъ циркуляръ[1], которымъ торжественные крестные ходы римско-католической церкви въ этомъ краѣ въ городахъ совершенно воспрещены, въ селахъ же и деревняхъ, если по тѣснотѣ церкви совершеніе крестнаго хода внутри ея окажется невозможнымъ допускается съ разрѣшенія губернатора совершеніе его внѣ костела, но лишь въ предѣлахъ церковной ограды. Циркуляромъ тогоже генералъ-губернатора отъ 14 февраля 1866 г.[2] предписано: во время народныхъ бѣдствій, въ селеніяхъ гдѣ имѣются костелы и вовсе нѣтъ православныхъ церквей, можетъ быть, съ

[1] За Nr. 138.
[2] За Nr. 264.

разрѣшенія губернатора, крестный ходъ вокругъ селенія или вокругъ полей, въ тѣхъ же селеніяхъ, въ которыхъ имѣются православныя церкви, католическіе крестные ходы не допускаются, а таковые могутъ производиться лишь православнымъ священникомъ со всѣми прихожанами.

Такимъ образомъ, по основнымъ и вѣроисповѣднымъ законамъ имперіи свобода вѣры и богослуженія присвояется всѣмъ вѣроисповѣданіямъ какъ христіанскимъ, такъ даже и не христіанскимъ, и притомъ повсемѣстно, а въ предѣлахъ Западнаго края, въ какомъ либо захолустномъ селеніи крестный ходъ не можетъ быть совершенъ католиками безъ особаго разрѣшенія губернатора, въ городахъ же католическій крестный ходъ вовсе не допускается, точно какой либо безпорядокъ или безчинство. Всякому извѣстно на сколько публичное богослуженіе и крестный ходъ утѣшаютъ, успакаиваютъ и обнадеживаютъ народныя массы во время стихійныхъ бѣдствій, какъ напримѣръ засуха, градобитіе и т. д. Между тѣмъ католическое крестьянство Западнаго края въ тѣхъ его мѣстностяхъ, гдѣ имѣются православныя церкви, вовсе лишено такого религіознаго утѣшенія и ободренія.

Лучшіе представители русской власти въ Сѣверо-Западномъ краѣ сознавали всю неестественность и ненормальность подобнаго порядка вещей, созданнаго прежде Муравьевымъ и его немногочисленными послѣдователями и подражателями. Такъ 24 іюня 1878 г.[1] генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Альбединскій относя негласно къ управляющему министерствомъ

---

[1] За Nr. 70.

внутреннихъ дѣлъ г. Макову особымъ письмомъ по поводу католическихъ крестныхъ ходовъ въ краѣ, въ которомъ писалъ: «Ближайшее ознакомленіе съ католическимъ вопросомъ привело меня къ убѣжденію, что римско-католическая религія составляетъ больное мѣсто въ отношеніяхъ польскаго населенія края, и въ особенности народныхъ массъ, къ Правительству и, вообще, ко всему русскому. Вызванныя минувшимъ мятежемъ и нѣкоторымъ въ немъ участіемъ римско-католическаго духовенства мѣропріятія, изъ которыхъ большая часть сохраняетъ въ настоящее время свою силу, по снятіи военнаго положенія, нерѣдко затрогиваютъ религіозное чувство народа, до фанатизма преданнаго своей религіи и вселяютъ непреодолимую увѣренность, что многія изъ послѣдовавшихъ распоряженій имѣютъ конечною цѣлю обращеніе католиковъ въ православіе.» Въ числѣ помянутыхъ мѣропріятій генералъ-губернаторъ Альбединскій указываетъ въ особенности на недопущеніе католическихъ крестныхъ ходовъ и представляетъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на то, чтобы: 1) поставить разрѣшеніе римско-католическихъ крестныхъ ходовъ въ равныя условія съ православными крестными ходами, т. е. поставить эти ходы въ зависимость отъ разрѣшенія католическаго епархіальнаго начальства, которое обязано лишь сообщать начальству гражданскому о данномъ имъ разрѣшеніи, и 2) въ ковенской губерніи, какъ сплошь населенной католиками, разрѣшить крестные ходы внѣ костеловъ въ установленные дни. По представленію этому послѣдовало 1 декабря того же 1878 г. Высочайшее повелѣніе, которымъ повелѣно между про-

чимъ. «Относительно крестныхъ ходовъ ограничиться дозволеніемъ оныхъ внѣ церквей лишь въ селеніяхъ ковенской губерніи, гдѣ сплошное римско-католическое населеніе, и притомъ въ установленные дни, съ сохраненіемъ существующихъ ограниченій для наиболѣе дальнихъ и многолюдныхъ процессій.»

Ясно, такимъ образомъ, что если въ селеніяхъ Западнаго края возможны еще, хотя и по особымъ разрѣшеніямъ губернаторовъ, католическія процессіи, и притомъ въ костельныхъ оградахъ, то въ городахъ этого края процессіи римско-католической церкви невозможны и не мыслимы. Предъ праздникомъ Св. Пасхи особо смѣлые епископы рѣшаются обращаться къ виленскому генералъ-губернатору, иногда по телеграфу, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи крестнаго хода, установленнаго всѣми христіанскими церквями въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе, и только рѣдко, въ особо счастливыхъ случаяхъ имъ удается получить разрѣшеніе на совершеніе пасхальнаго крестнаго хода вокругъ своего каѳедральнаго костела въ предѣлахъ ограды его.

Въ 1886 г. въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ предпринято было, упорядоченіе католическихъ крестныхъ ходовъ. Обнаружено было, что данныя до сего времени за 20 лѣтъ (1866—1886) разнымъ сельскимъ костеламъ разрѣшенія на крестные ходы даны были губернаторами, безъ обозначенія дней, что признано было генералъ-губернаторомъ Кахановымъ «безпорядкомъ». Для водворенія «порядка» поручено было генералъ-губернаторомъ подвѣдомственнымъ ему губернаторамъ доставить точныя свѣдѣнія о размѣрахъ всѣхъ сельскихъ костеловъ для сообра-

женія, въ которыхъ изъ нихъ по тѣснотѣ ихъ необходимо и возможно допустить крестные ходы внѣ костельнаго зданія въ оградахъ. Это генералъ-губернаторское порученіе поставило въ большое затрудненіе губернаторовъ и подвѣдомственную имъ уѣздную полицію, ибо за отсутствіемъ во всѣхъ почти костелахъ, давнымъ давно построенныхъ, плановъ пришлось прибѣгнуть къ секретному приблизительному измѣренію ихъ чинами уѣздной полиціи. Весьма любопытно, что въ маѣ слѣдующаго 1887 г. гродненскій губернаторъ представилъ генералъ-губернатору слѣдующія соображенія: По точному техническому исчисленію на квадратной сажени можетъ умѣститься 15—17 человѣкъ. Большая часть внутренней площади костела занята скамьями, а такъ какъ площадь одного мѣста для сидѣнья составляетъ $4^1/_2$ кв. дюйма, слѣдовательно, на квадратной сажени въ костелѣ можетъ умѣститься найболѣе 11—12 человѣкъ. Такъ какъ всѣ эти цифры взяты въ максимумѣ, то при помѣщеніи такого количества прихожанъ на квадратную сажень, т. е. 11—12 человѣкъ, крестный ходъ становится невозможнымъ. Между тѣмъ, при сопоставленіи вмѣстимости костеловъ въ гродненской губерніи съ количествомъ прихожанъ оказывается, что 12 человѣкъ на сажень приходится въ нихъ лишь при стеченіи только одной четверти всего количества прихожанъ, а при полномъ стеченіи 48 человѣкъ. Ясно, что совершеніе крестныхъ ходовъ въ значительные праздники, когда только они по уставамъ католической церкви и назначаются, внутри костеловъ гродненской губерніи представляется совершенно невозможнымъ, почему губернаторъ полагалъ бы въ большіе праздники, сопровождающіеся

большимъ стеченіемъ народа допустить повсемѣстное совершеніе крестныхъ ходовъ въ костельныхъ оградахъ, причемъ предполагалъ бы также уменьшить число праздниковъ съ крестными ходами. Это представленіе Гродненскаго губернатора, несмотря на всю свою элементарность и осязательную доказательность, уважено не было. Въ исходѣ 1887 г. по виленской, а въ исходѣ 1892 г. т. е. пять лѣтъ спустя, по гродненской губерніи были утверждены генералъ-губернаторомъ особые реестры разрѣшеній по сельскимъ приходамъ крестныхъ ходовъ въ предѣлахъ костельныхъ оградъ. Реестры эти заключаютъ въ себѣ обозначеніе сельскихъ приходовъ, дней, въ которые разрѣшены въ нихъ крестные ходы въ предѣлахъ костельной ограды, и ксендзовъ сосѣднихъ приходовъ, которымъ разрѣшается пріѣздъ въ данный день къ данному ходу. Независимо отъ этихъ реестровъ составлены также списки всѣхъ праздниковъ по приходамъ, какъ городскимъ такъ и сельскимъ, въ которые разрѣшается пріѣздъ въ нихъ ксендзовъ изъ опредѣленныхъ сосѣднихъ приходовъ по случаю многочисленнаго стеченія народа для исповѣди и исполненія другихъ требъ.

Составленные губернаторами и утвержденные генералъ-губернаторомъ съ нѣкоторыми измѣненіями, и дополненіями реестры породили не мало затрудненій. Во многихъ сельскихъ приходахъ издавна разрѣшены были крестные ходы внѣ костеловъ въ костельныхъ оградахъ, эти самые ходы новосоставленными реестрами оказались воспрещенными. Между тѣмъ, ксендзамъ, въ особенности молодымъ, нелегко было разобраться во всей этой грудѣ старыхъ и новыхъ разрѣ-

шеній и запрещеній, и они безъ всякаго умысла, поневолѣ нарушали нерѣдко, установленный реестрами порядокъ, совершая крестные ходы въ дни неразрѣшенные. Нельзя умолчать, что многіе изъ реестровыхъ запрещеній и разрѣшеній не соотвѣтствовали канонамъ и уставамъ католической церкви. Всѣ положительно ходатайства виленскаго римско-католическаго епископа о возобновленіи нѣкоторыхъ изъ прежнихъ разрѣшеній и перенесеніи нѣкоторыхъ изъ новыхъ разрѣшеній на другіе дни, установленные католической церковью, оставлены генералъ-губернаторомъ безъ удовлетворенія. Бывали конечно, и случаи болѣе или менѣе сознательнаго нарушенія ксендзами въ глухихъ сельскихъ приходахъ реестровыхъ запрещеній подъ давленіемъ и настояніемъ прихожанъ. За всѣ эти вольныя и невольныя нарушенія налагались на ксендзовъ штрафы отъ 10 до 100 рублей, которымъ подвергались они до изданія реестровъ сравнительно гораздо рѣже.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съ изданіемъ этихъ реестровъ увеличилось число несчастныхъ случаевъ въ костелахъ въ большіе праздники. Обмороки и задавленія, въ особенности беременныхъ женщинъ и дѣтей, отъ тѣсноты и духоты во время совершенія крестныхъ ходовъ внутри маленькихъ костеловъ, биткомъ набитыхъ молящимся народомъ, и болѣе или менѣе тяжкія членоповрежденія въ храмахъ Божіихъ отъ страшнѣйшей и неизбѣжной давки стали все учащаться. Но административная власть въ запрещеніяхъ и распоряженіяхъ своихъ осталась неумолима и не преклонилась предъ явной и неизбѣжной необходимостью. Здравіе душевное и тѣлесное части русскаго крестьянства,

составляющаго по признанію и выраженію русскихъ правительственныхъ и руководящихъ сферъ, истинную силу государства, было принесено въ жерту нескрываемому и настойчиво проводимому стремленію администраціи придавить и уничтожить римско-католическую церковь и католическую религію въ Западномъ краѣ. Не станемъ уже говорить о чувствахъ и настроеніи болѣе культурнаго слоя католическаго населенія въ городахъ Западнаго края, которому уже около 30 лѣтъ не приходится и не суждено видѣть своего крестнаго хода внѣ стѣнъ костела даже въ такіе дни, какъ Святое Христово Воскресеніе. Чрезвычайно характеренъ слѣдующій случай: Въ 1887 году гродненскій губернаторъ далъ настоятелю озерскаго костела гродненскаго уѣзда разрѣшеніе совершить въ оградѣ этого костела въ день Св. Пасхи крестный ходъ, но, какъ букально сказано въ губернаторскомъ разрѣшеніи, безъ хоругвей и другихъ не дозволенныхъ процессіональныхъ знаковъ. Получивъ разрѣшеніе это чрезъ полицейскаго урядника въ страстную субботу и при бѣгломъ его чтеніи не уяснивъ себѣ надлежащаго смысла губернаторскаго выраженія, безъ хоругвей и другихъ недозволенныхъ процессіональныхъ знаковъ, настоятель озерскаго костела дозволенный ему начальствомъ крестный ходъ совершилъ по правиламъ католической церкви, почти тождественнымъ съ такими же правилами церкви православной. Но урядникъ не дремалъ. Вскорѣ пошло отъ губернатора генералъ-губернатору донесеніе, что «настоятель озерскаго прихода гродненскаго уѣзда совершилъ въ день Св. Пасхи крестный ходъ, допустивъ, вопреки данному разрѣшенію, несеніе одной руконосной иконы, четырехъ

хоругвей и шести фонарей, между тѣмъ какъ этотъ крестный ходъ разрѣшенъ былъ ему, безъ хоругвей и другихъ недозволенныхъ процессіональныхъ знаковъ». Вопреки всякому ожиданію генералъ-губернаторъ оставилъ это дѣло безъ дурныхъ для ксендза послѣдствій. Но въ высшей степени знаменательно, что католическая руконосная икона, четыре хоругви и шесть фонарей совершенно смутили и озадачили русскаго губернатора, и еще болѣе знаменательно, что представитель высшей правительственной власти въ губерніи хоругви и св. икону католической церкви именуетъ «недозволеннымъ процессіональнымъ знакомъ».

Такова въ Западномъ краѣ для католиковъ спеціально та «свобода въ отправленіи своей вѣры и богуслуженія», которая объявляется для всѣхъ иновѣрцевъ основными государственными законами россійской имперіи.

Во всемъ Западномъ краѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, существуетъ искони обычай ставить деревянные кресты на поляхъ и при дорогахъ. Даже такое безхитростное и безобидное выраженіе народнаго благочестія вызвало ограничительныя распоряженія генералъ-губернатора Муравьева. Циркуляромъ его 8 іюня 1864 г. воспрещено католикамъ сооруженіе, безъ разрѣшенія гражданской власти, на поляхъ, дорогахъ и вообще, внѣ кладбищъ и костеловъ крестовъ и другихъ изображеній а равно исправленіе старыхъ. Воспрещеніе это было сразу примѣнено чинами полиціи со столь чрезмѣрнымъ и безразсуднымъ усердіемъ, что самъ Муравьевъ счелъ нужнымъ образумить усердствующихъ. По крайней мѣрѣ,

13 сентября того же 1864 г. изданъ имъ на имя губернаторовъ Сѣверо-Западнаго края циркуляръ слѣдующаго содержанія:

«До свѣдѣнія моего доходитъ, что нѣкоторые полицейскіе чины, пользуясь сдѣланными распоряженіями относительно воспрещенія, безъ разрѣшенія начальства, постановленія на поляхъ, дорогахъ и вообще внѣ костеловъ крестовъ и другихъ священныхъ изображеній, которые воздвигались католическимъ духовенствомъ въ видахъ польской пропаганды, стѣсняютъ крестьянъ въ такихъ религіозныхъ обычаяхъ, которые не заключаютъ въ себѣ ничего политическаго, и даже воспрещаютъ ставить кресты на кладбищахъ. Вслѣдствіе сего поручаю Вашему Превосходительству подтвердить уѣзднымъ начальникамъ и чинамъ полиціи, чтобы они отнюдь не дозволяли себѣ неумѣстнаго вмѣшательства по вышеозначенному предмету и доводили бы до свѣдѣнія начальства только о крестахъ или иныхъ изображеніяхъ, которые воздвигаются римско-католическимъ духовенствомъ внѣ кладбищъ и притомъ съ политическою цѣлью.»

Такъ какъ однако съ одной стороны, проникновеніе въ политическую цѣль постановки креста и вообще какого-либо священнаго изображенія представляется чрезвычайно затруднительнымъ, съ другой же, во всякомъ священномъ изображеніи можно подозрѣвать политическую цѣль, то крайнія со стороны полицейскихъ властей стѣсненія католиковъ Сѣверо-Западнаго края, за рѣдкими исключеніями крестьянъ, въ постановкѣ крестовъ продолжались во всей своей силѣ.

Генералъ-губернаторъ Альбединскій въ выше

упомянутомъ уже нами негласномъ письмѣ своемъ къ министру внутренныхъ дѣлъ отъ 24 іюля 1878 г.[1] представлялъ между прочимъ, на Высочайшее воззрѣніе и о всей несообразности воспрещенія католикамъ постановки, безъ особаго разрѣшенія гражданской власти, крестовъ и другихъ священныхъ изображеній на поляхъ, дорогахъ и вообще, внѣ кладбищъ и костеловъ. «Обычай этотъ, — писалъ генералъ-адъютантъ Альбединскій, — распространенъ въ малороссіи, среди православнаго населенія гродненской губерніи и въ другихъ мѣстахъ. Онъ вошелъ въ жизнь народа и имѣетъ тѣсную связь съ его бытовой стороной. Поэтому, очевидно, на воспрещеніе этого обычая такъ же, какъ и на его преслѣдованіе въ той или иной формѣ народъ долженъ смотрѣть не иначе, какъ на нарушеніе своихъ исконнихъ вѣрованій, притѣсненіе религіи и поруганіе предметовъ священныхъ въ его понятіи. Въ этомъ отношеніи особенно должно оскорбляться чувство римско-католиковъ, поселенія коихъ перемѣшаны съ поселеніями православными.» Далѣе генералъ-адъютантъ Альбединскій поясняетъ, что если крестьянинъ-католикъ не можетъ безъ особыхъ хлопотъ поставить на своемъ полѣ или у своей деревни крестъ, который, между тѣмъ, совершенно безпрепятственно ставитъ его сосѣдъ-православный, то въ душѣ его невольно зарождается ничѣмъ не искоренимое подозрѣніе, что причиной всѣхъ этихъ стѣсненій является сокровенное желаніе и тайное стремленіе правительства обратить католиковъ въ православіе.

По представленію этому послѣдовало 1 декабря

[1] За Nr. 70.

1878 г. Высочайшее повелѣніе[1], уже приведенное нами выше въ отношеніи крестныхъ ходовъ римско-католической церкви въ Западномъ краѣ, которымъ повелѣно, предоставить генералъ-губернатору генералъ-лейтенанту Альбединскому, не издавая особаго циркуляра по вопросу о постановкѣ крестовъ, пригласить подвѣдомственныхъ ему начальниковъ губерній и лично разъяснить имъ, чтобы мѣстная полиція не возбраняла сельскому населенію сооруженіе и возобновленіе, по установившемуся обычаю, крестовъ при дорогахъ и на поляхъ, давая безъ затрудненія разрѣшеніе, когда таковое испрашивается и не возбуждая дѣлъ и преслѣдованій, когда таковаго испрошено не было, наблюдая лишь, чтобы на крестахъ не появлялось надписей на польскомъ языкѣ и какихъ либо неумѣстныхъ изображеній, не допускаемыхъ общимъ закономъ. (ст. 184 улож. о. наказ.).

Такимъ образомъ, негласнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ преслѣдованіе католическихъ крестовъ при дорогахъ въ значительной степени смягчено. Тѣмъ не менѣе Св. крестъ римско-католической церкви до сего дня не даетъ спать представителямъ русской администраціи въ Западномъ краѣ. Такъ въ 1891 г. губернаторъ ковенскій шлетъ генералъ-губернатору экстренное и секретное донесеніе, что при объѣздѣ имъ въ семъ году ввѣренной ему губерніи онъ видѣлъ при дорогахъ, по которымъ проѣзжалъ, много римско-католическихъ крестовъ съ надписью «1890». Это обозначеніе года постановки, встрѣчающееся на мно-

---

[1] Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ виленскому генералъ-губернатору 4 декабря 1878 г. за Nr. 175.

гихъ крестахъ, должно имѣть, по мнѣнію губернатора, какое то символическое значеніе, почему онъ, губернаторъ и обращался къ епископу Паллюліону съ просьбой принять мѣры къ прекращенію проставленія на крестахъ означенной цифры «1890».

Въ 1892 г. гродненскій губернаторъ разрѣшилъ одному крестьянину католику поставить на его пахатномъ полѣ крестъ длиной въ три аршина, крестьянинъ обжаловалъ распоряженіе губернатора генералъ-губернатору заявляя, что такой маленькій крестъ не ставится въ цѣломъ свѣтѣ и даже кажется смѣшнымъ, почему и проситъ милости генералъ-губернатора разрѣшить ему построить крестъ въ девять аршинъ, поясняя, что крестъ этотъ ставитъ для того, чтобы милостивый Господь покровительствовалъ его дому и хозяйству. На этотъ разъ разрѣшеніе было дано.

Каждый годъ губернаторы Западнаго и въ особенности Сѣверо-Западнаго края, получаютъ отъ своихъ исправниковъ цѣлую кипу экстренныхъ и секретныхъ донесенній, что тогда-то, тамъ-то, такой-то крестьянинъ римско-католическаго вѣроисповѣданія поставилъ на своемъ полѣ, у своей деревни, на пересѣченіи такихъ то дорогъ и т. д. деревянный крестъ. Дознанія эти влекутъ за собой нерѣдко донесенія губернатора о томъ же генералъ-губернатору и вызываютъ также производство негласныхъ дознаній о цѣли постановки сооруженнаго креста, не смотря на то, что Высочайшимъ повелѣніемъ 1 декабря 1878 г. безусловно воспрещено возбужденіе дѣлъ и преслѣдованій о постановкѣ крестовъ безъ разрѣшенія начальства. Не смотря на то, что со времени воспослѣдованія Высочайшаго повелѣнія 1 декабря 1878 г. прошло уже

16 лѣтъ, всякая положительно постановка креста на полѣ или при дорогѣ католиками и по сей день вызываетъ тревогу мѣстныхъ административныхъ властей, начиная съ полицейскаго урядника и кончая генералъ-губернаторомъ, и создаетъ цѣлую переписку, какъ будто-бы означеннаго Высочайшаго повелѣнія никогда не было. Чуть появится на поляхъ или при дорогахъ злополучнаго Западнаго края новый католическій деревянный крестъ, тотчасъ же, экстренное и секретное донесеніе летитъ въ уѣздный городъ, изъ уѣзднаго въ губернскій и изъ губернскаго въ мѣсто пребыванія генералъ-губернатора, точно совершилось какое либо необыкновенное событіе, какъ наприм., наводненіе, вторженіе непріятеля, возстаніе, бунтъ и т. п. Новый крестъ, появившійся на мѣстѣ казни до пришествія Спасителя, не вызывалъ среди толпы такого смятенія, какое нынѣ, девятнадцать вѣковъ спустя, новый католическій крестъ вызываетъ среди чиновъ полиціи обширнаго государства, въ основныхъ законахъ своихъ объявляющаго свободу вѣры и богослуженія для всѣхъ не только христіанскихъ, но и нехристіанскихъ исповѣданій. Священный символъ христіанской религіи, вызывающій враждебную тревогу среди властей — можетъ ли быть большее поруганіе христіанства?

Господствующая церковъ въ Россіи ограждена цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ законовъ отъ соперничества съ нею прочихъ христіанскихъ исповѣданій: Въ предѣлахъ государства одна господствующая православная церковь имѣетъ право убѣждать послѣдователей иныхъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцевъ къ принятію ея ученія и вѣры. Духовныя же

и свѣтскія лица прочихъ христіанскихъ исповѣданій и иностранцы строжайше обязаны не прикасаться къ убѣжденію совѣсти не принадлежащихъ къ ихъ религіи, въ противномъ случаѣ они подвергаются взысканіямъ, въ уголовныхъ законахъ опредѣленнымъ. Такъ гласитъ Уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (Св. Зак. т. XI изд. 1857 г. ст. 4) и подтверждаетъ уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Св. Зак. т. XIV изд. 1892 г. ст. 70). Такимъ образомъ православная церковь имѣетъ исключительное право проповѣдывать свое вѣроученіе въ предѣлахъ Россіи. Въ случаѣ надобности священники православнаго вѣроисповѣданія могутъ и обязаны по приглашенію родителей какого либо изъ иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій крестить дѣтей, но не иначе, какъ по отобраніи отъ обоихъ родителей иновѣрцевъ письменнаго обязательства, что они будутъ воспитывать дѣтей этихъ въ правилахъ православнаго исповѣданія. (Уст. о предуп. и пресѣч. прест., Св. Зак. т. XIV изд. 1890 г. ст. 73 и Уст. дух. консист. ст. 29). Такимъ образомъ, русское государство и господствующая въ немъ православная церковь не стѣсняются нахожденіемъ родителей иновѣрцевъ въ исключительныхъ и особо несчастныхъ условіяхъ, чтобы пріобщить родившагося у нихъ ребенка къ православію. Въ такъ называемыхъ смѣшанныхъ бракахъ т. е. бракахъ лицъ православныхъ съ лицами иновѣрными, бракъ не признается дѣйствительнымъ, доколѣ не совершится въ православной церкви православнымъ священникомъ, причемъ этотъ послѣдній предъ совершеніемъ бракосочетанія отъ лицъ иновѣрнаго исповѣданія отбираетъ по установленной формѣ подписку, что рож-

денныя отъ ихъ брака дѣти будутъ крещены и воспитаны въ правилахъ православнаго исповѣданія. Въ частности браки лицъ православнаго исповѣданія съ лицами римско-католическаго исповѣданія, совершенные однимъ римско-католическимъ священникомъ, почитаются недѣйствительными, доколѣ тѣ же лица не обвѣнчаны православнымъ священникомъ (Зак. гражд., Св. Зак. т. X ч. 1 изд. 1887 г. ст. 67 и 72, Уст. дух. конс. ст. 26 и 27 и Уст. о пред. и прес. прест. т. XIV изд. 1890 г. ст. 74).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, всякая тѣнь воздѣйствія лицъ духовенства иновѣрныхъ исповѣданій на православныхъ обложена тяжкими уголовными наказаніями.

Духовныя лица иностранныхъ исповѣданій за преподаваніе катехизиса малолѣтнимъ православнаго исповѣданія, или же дѣланіе имъ противныхъ православію внушеній, хотя и безъ доказаннаго намѣренія совратить ихъ, подвергаются: Въ первый разъ удаленію отъ мѣста на время отъ 1 года до 3 лѣтъ, а во второй-лишенію духовнаго сана и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года 4 мѣсяцевъ, по отбытіи котораго отдаются подъ надзоръ полиціи. (Улож. о нак., св. Зак. т. XV изд. 1885 г. ст. 194).

Кто въ проповѣди или сочиненіи будетъ дѣлать усилія привлекать и совращать православныхъ въ иное хотя и христіанское вѣроисповѣданіе, тотъ подвергается: Въ первый разъ — лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года 4 мѣсяцевъ, во второй разъ — лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ крѣпости отъ 2 лѣтъ и

8 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ, а въ третій — лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь. (Улож. о нак. ст. 189).

Священники другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій за завѣдомое допущеніе у себя дѣтей православныхъ къ крещенію или міропомазанію и самихъ православныхъ къ исповѣди, причастію или елеосвященію подвергаются въ первый разъ — удаленію отъ мѣста на 6 мѣсяцевъ, а во второй — лишенію духовнаго сана и отдачѣ подъ надзоръ полиціи, причемъ за проступки эти предаются суду свѣтскому, а не духовному. (Улож. о нак. ст. 193 и Уст. о пр. и пресѣч. преступл. ст. 80 примѣч.).

Кто, зная о намѣреніи жены своей, дѣтей и другихъ, состоящихъ подъ его наблюденіемъ и попечительствомъ отступить отъ православія, не будетъ стараться отклонить ихъ отъ этого намѣренія и не употребитъ всѣхъ зависящихъ отъ него мѣръ къ воспрепятствованію имъ къ его осуществленію, тотъ подвергается аресту отъ 3 дней до 3 мѣсяцевъ и духовному покаянію. (Улож. о нак. ст. 192).

За совращеніе изъ православія въ иное христіанское вѣроисповѣданіе виновный подвергается лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, если же имъ употреблено для этого принужденіе или насиліе, то лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. (Улож. о нак. ст. 187.)

Отступившіе отъ православія отсылаются къ духовному начальству для увѣщанія и вразумленія и поступленія съ ними по правиламъ церковнымъ. До возвращенія ихъ въ православіе воспрещается имъ

имѣть жительство въ имѣніяхъ ихъ, населенныхъ православными, и надъ имѣніями этими назначается на все это время опека, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимаются мѣры къ охраненію отъ совращенія малолѣтнихъ дѣтей ихъ, причемъ мѣры эти къ охраненію православія малолѣтнихъ принимаются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и представляется о нихъ на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества. (Улож. о нак. ст. 188 и Уст. о предупр. и пресѣч. прест. ст. 39 и 57.)

Столь тяжкими уголовными карами угрожаютъ русскіе законы иновѣрцамъ и иновѣрческому духовенству за всяческую, выражаясь языкомъ законодательства, попытку къ склоненію православныхъ къ принятію ихъ ученія о вѣрѣ. Когда попытки такія исходятъ отъ православной церкви и направлены къ обращенію иновѣрцевъ въ православіе, то онѣ именуются, склоненіе иновѣрцевъ къ принятію ученія о вѣрѣ и русскими законами всячески поощряются, когда же попытки эти исходятъ отъ прочихъ христіанскихъ церквей и направлены на православныхъ, то онѣ именуются «совращеніемъ» и обложены тяжкими уголовными карами. Неограничиваясь однако этимъ, русскіе законы за одно лишь препятствіе иновѣрцу присоединиться къ православію, которое естественно можетъ быть оказано его родителями, кровными, родственниками и друзьями, назначаютъ тюремное заключеніе отъ 2 до 8 мѣсяцевъ, а въ случаѣ если препятствованіе такое сопровождалось угрозами, притѣсненіемъ либо насиліемъ, то препятствовавшій подвергается лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и тюремному заключенію отъ 1 года 4 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ и воспрещается ему управлять своими населенными имѣ-

ніями, въ которыхъ находятся православные. (Улож. о нак. ст. 191.)

Лица иностранныхъ исповѣданій, осмѣлившіяся оскорблять словами или дѣйствіемъ священнослужителя православной вѣры, хотя и не во время священнослуженія, но съ намѣреніемъ оказать неуваженіе къ церкви, подвергаются: Въ первый разъ тюремному заключенію отъ 4 мѣсяцевъ до 8 мѣсяцевъ, а во второй, такому же заключенію отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ. (Улож. о нак. ст. 216.) Всякое оскорбленіе внѣ богослуженія священнослужителя римско-католической церкви по русскимъ законамъ наказывается какъ частное оскорбленіе, а оскорбленіе православнаго священника объясняется намѣреніемъ оскорбить православную церковь и наказывается тюремнымъ заключеніемъ. Спрашивается, почему русскіе законы не допускаютъ въ отношеніи священнослужителей римско-католическаго вѣроисповѣданія такого же оскорбленія съ намѣреніемъ оскорбить самую католическую церковь.

Нельзя не видѣть, что въ русскомъ государствѣ цѣлый рядъ спеціальныхъ законовъ и тяжкихъ уголовныхъ каръ охраняетъ первенство и господствованіе православной вѣры надъ другими христіанскими вѣроисповѣданіями и устраняетъ всякую возможность свободнаго соревнованія и соперничества между первой и послѣдними. Однако всѣ эти спеціальные законы и уголовныя кары въ отношеніи римско-католической религіи въ предѣлахъ Западнаго края признаются недостаточными, и римско-католическая религія и церковь въ этомъ краѣ придавлены столь громадной грудой негласныхъ узаконеній и въ особенности тай-

ныхъ административныхъ распоряженій, что одно лишь простое изображеніе ихъ можетъ составить нѣсколько томовъ.

Прежде однако чѣмъ приступить къ возможно кратчайшему ихъ изложенію считаемъ необходимымъ привести русскія узаконенія о вѣротерпимости въ русскомъ государствѣ въ той редакціи, въ какой изложены они въ основныхъ законахъ имперіи, какъ въ важнѣйшей, ибо ранѣе узаконенія эти приведены были нами въ менѣе важной редакціи, въ какой изложены они въ уставѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

«Всѣ не принадлежащіе къ господствующей церкви подданные россійскаго государства, прирожденные и въ подданство принятые, также иностранцы, состоящіе въ русской службѣ или временно въ Россіи пребывающіе пользуются, каждый повсемѣстно, свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной.» — «Свобода вѣры присвояется не только христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ, да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца объ умноженіи благодѣнствія и укрѣпленіи силы имперіи.» (Основ. госуд. законы, Св. Зак. т. I ч. I изд. 1892 г. ст. 44 и 45.)

Такимъ образомъ, тѣ основныя начала, на коихъ должно зиждиться положеніе иностранныхъ исповѣданій въ Россіи и римско-католическаго въ частности, въ основныхъ государственныхъ законахъ имперіи изложены съ такой ясностью и опредѣлительностью,

какая не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. Однако взятыя нами на выдержку данныя изъ области русскаго законодательства, административныхъ распоряженій по Западному краю и административной практики этого края, оказались въ рѣзкомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ этими основными началами, выраженными въ основныхъ законахъ русскаго государства.

Положеніе это слагается изъ двухъ нетождественныхъ факторовъ, какими представляются, во 1-хъ, права и условія дѣятельности собственно церкви т. е. церковнаго союза мірянъ съ іерархіей, и во вторыхъ, права вѣроисповѣданія. Положеніе собственно церкви въ узкомъ смыслѣ слова опредѣляется правами римско-католическаго духовенства, какъ сословія, церковнымъ устройствомъ, церковнымъ управленіемъ, богослужебной и религіозно-просвѣтительной дѣятельностью католическаго духовенства и римско-католическихъ церковныхъ учрежденій. Права римско-католическаго вѣроисповѣданія, какъ одного изъ иностранныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій въ Россіи, опредѣляются чисто гражданскими узаконеніями и различными административными распоряженіями, нерѣдко совершенно секретными.

Обращаясь предварительно къ опредѣленію правъ римско-католическаго духовенства въ Россіи, какъ сословія, мы должны указать прежде всего на то, что какъ вступленіе въ римско-католическое духовное званіе, такъ и поступленіе въ римско-католическія духовныя семинаріи разрѣшается не католическимъ епархіальнымъ начальствомъ, какъ это слѣдовалобы, а свѣтской властью въ лицѣ мѣстнаго губернатора. (Законы о состояніяхъ, Св. зак. т. IX изд. 1857 г.

ст. 418.) Если губернаторъ въ пріемѣ въ духовное званіе и въ духовную семинарію усмотритъ какія-либо неправильности, то дѣлаетъ по этому предмету распоряженія на законномъ основаніи и доноситъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. Въ чемъ именно, должно заключаться это «на законномъ основаніи распоряженіе» законъ (таже 418 ст. IX т.) вовсе не поясняетъ, и такимъ образомъ, опредѣленіе сущности подобныхъ распоряженій предоставляется губернаторскому усмотрѣнію. Для того, чтобы губернаторъ имѣлъ должный надзоръ за пріемомъ въ католическое духовное званіе и католическія духовныя учебныя заведенія, вмѣняется въ непремѣнную обязанность католическому епархіальному начальству ежегодно доставлять мѣстнымъ губернаторамъ подробные именные списки всѣхъ духовныхъ лицъ, епархіи и мѣстъ постояннаго ихъ пребыванія. (Таже 418 ст. IX т.) Такимъ образомъ, гражданской власти принадлежитъ въ Россіи право пріема въ католическія семинаріи, а равно и надзоръ за этими семинаріями, монастырями и духовенствомъ. Между прочимъ, римско-католическому духовенству въ Западныхъ губерніяхъ воспрещается имѣть въ домахъ, церквяхъ и монастыряхъ для услуженія людей православнаго исповѣданія. (Уст. о пред. и пресѣч. преступ. Св. Зак. т. XIV изд. 1890 г. ст. 78.) Любопытно, что ранѣе циркуляромъ генералъ-губернатора Муравьева отъ 18 марта 1865 г. за содержаніе католическимъ духовенствомъ у себя прислуги православнаго исповѣданія, назначенъ былъ штрафъ въ 25 рублей, независимо отъ предписанной закономъ отвѣтственности.

Въ столь общихъ чертахъ опредѣляютъ русскіе законы права римско-католическаго духовенства, какъ

сословія. Никакихъ другихъ существенныхъ указаній по этому предмету въ нихъ не имѣется, за исключеніемъ одного лишь, а именно, что въ дѣлахъ чисто духовныхъ своего исповѣданія римско-католическое духовенство подлежитъ суду духовному своего начальства, а въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ суду общихъ судебныхъ мѣстъ (ст. 422 т. IX Св. Зак.). Къ указанію этому, къ этому законодательному опредѣленію намъ прійдется возвратиться въ дальнѣйшемъ изложеніи нашемъ.

Обращаясь затѣмъ къ устройству и управленію римско-католической церкви въ Россіи, мы должны привести прежде всего тѣ основныя узаконенія, на которыхъ это устройство и это управленіе обусловливается. Вотъ эти узаконенія:

Духовныя дѣла христіанъ иностранныхъ вѣроисповѣданій и иновѣрцевъ вѣдаются особенными ихъ духовными управленіями, Верховною Самодержавною властью къ тому предназначенными. Сіи управленія въ исполненіи своихъ дѣлъ и должностей поступаютъ по правиламъ уставовъ своей вѣры, но съ тѣмъ вмѣстѣ неупустительно наблюдаютъ и государственныя узаконенія какъ въ сей, такъ и въ другихъ частяхъ Свода Законовъ Россійской Имперіи изложенныхъ, и по долгу вѣрноподданнической присяги охраняютъ всѣ священныя права и преимущества Его Императорскаго Величества и законы государства. (Уст. дух. дѣлъ иностр. испов., Св. Зак. т. XI ч. 1 изд. 1857 г. ст. 3.)

Въ общемъ кругу управленія государственнаго, духовныя дѣла христіанъ иностранныхъ исповѣданій и иновѣрцевъ вѣдаются министромъ внутреннихъ дѣлъ. (Тамъ же ст. 8 по Свод. продолж. 1890 г.)

Достаточно простого сопоставленія этихъ двухъ статей, чтобы видѣть, что вѣдомство духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій предоставлено въ Россіи одновременно и совмѣстно какъ особеннымъ управленіямъ этихъ исповѣданій такъ и министру внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ министерству принадлежитъ не одинъ лишь надзоръ и право предложеній, предоставленные оберъ-прокурорской власти и ея представителямъ въ церкви православной, а непосредственное, прямое, распорядительное участіе въ духовныхъ дѣлахъ иностранныхъ исповѣданій и притомъ предѣлы этого участія закономъ вовсе не опредѣлены, то подобное соединеніе двухъ компетенцій въ одномъ дѣлѣ неизбѣжно влечетъ за собою множество коллизій и затрудненій, оканчивающихся обыкновенно весьма печально для католической церкви, въ особенности въ Западномъ краѣ, и для ея іерархіи. Не станемъ уже говорить о совершенной ненормальности предоставленія чинамъ гражданскаго управленія распорядительной властью въ дѣлѣ церковномъ. Конечно главой римско-католической церкви въ Россіи является Первосвященникъ Римскій, но всѣ русскіе подданные католическаго исповѣданія какъ свѣтскіе, такъ даже и духовные должны сноситься съ Римскимъ Дворомъ не иначе, какъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, который въ свою очередь, относится въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а это послѣднее уже непосредственно сносится съ этимъ Дворомъ такъ, что всѣ вообще Папскія буллы, посланія и наставленія получаютъ въ Россіи свое дѣйствіе тогда лишь, когда министръ внутреннихъ дѣлъ, предварительно удостовѣрившись, что акты эти не заключаютъ въ

себѣ, противнаго государственнымъ постановленіямъ и священнымъ правамъ и преимуществамъ Верховной Самодержавной Власти, испроситъ на приведеніе ихъ въ дѣйствіе Высочайшее разрѣшеніе. (Уст. дух. дѣлъ иностр. испов. Св. Зак. т. XI ч. 1, по Свод. прод. 1893 г. прил. къ ст. 11 ст. 2.) Такимъ образомъ, распоряженія Главы римско-католической церкви могутъ дойти до его паствы въ Россіи лишь послѣ довольно длинной процедуры и подъ цензурой министра внутреннихъ дѣлъ, и даже свѣтскіе католики, состоящіе въ русскомъ подданствѣ не могутъ непосредственно обращаться къ Верховному Главѣ своей церкви. Между тѣмъ, есть не мало предметовъ и положеній, на столько затрогивающихъ личную и семейную жизнь и область человѣческой совѣсти, что обращеніе съ нуждами, изъ нихъ проистекающими, къ Папѣ чрезъ два чуждыхъ имъ министерства представляется совершенно невозможнымъ.

Какъ извѣстно, римско-католическіе епископы въ Россіи (архіепископы могилевскій и варшавскій, епископы епархіальные и епископы суффраганы) назначаются Государемъ Императоромъ именными Его указами сенату, по предварительномъ соглашеніи съ Папою и каноническомъ ихъ утвержденіи. По совершеніи епископомъ установленной присяги на вѣрность Государю Императору и Наслѣднику Престола предоставляется ему, при совершеніи надъ нимъ церковнаго обряда, учинить присягу такъ же и Верховному Священноначальнику Римской церкви по Высочайше утвержденному образцу. (Уст. дух. дѣлъ иностр. исп. по Свод. прод. 1893 г. прил. къ ст. 15 и 16.) Епископу принадлежитъ въ епархіи духовный судъ и управленіе и въ

ея предѣлахъ онъ имѣетъ надзоръ какъ за духовенствомъ бѣлымъ и монашествующимъ, такъ и за церквями, монастырями, семинаріями и вообще за всѣми духовными установленіями и ихъ имуществами. (Тамъ же ст. 34.) Если принять во вниманіе, что по самымъ законамъ Русскаго государства епископъ долженъ поступать по правиламъ и уставамъ своей вѣры, лишь наблюдая государственныя узаконенія (уст. дух. дѣлъ изд. 1857 г. ст. 3), то отсюда слѣдовало бы заключить, что римско-католическій епископъ въ Россіи во всякомъ случаѣ не лишается возможности исполнить свои прямыя обязанности, возлагаемыя на него уставами и канонами католической церкви, такъ даже вмѣстѣ съ тѣмъ и государственными узаконеніями. Между тѣмъ, въ предѣлахъ Западнаго края римско-католическіе епископы во многихъ отношеніяхъ положительно лишены возможности исполнить свои прямыя обязанности. Такъ прежде всего, епископъ не можетъ выѣхать въ объѣздъ своей епархіи безъ разрѣшенія генералъ-губернатора. Конечно это требованіе чисто фактическое, неосновательное нетолько на законахъ, но даже и на административныхъ распоряженіяхъ, тѣмъ не менѣе требованіе самое категорическое и поддерживаемое угрозой самыхъ тяжкихъ послѣдствій для епископа, его неисполнившаго, чему имѣются весьма яркіе, можно сказать историческіе примѣры. Въ Іюлѣ 1884 г. виленскій генералъ-губернаторъ по поводу пріѣзда виленскаго-католическаго епископа въ относящійся къ его епархіи городъ Гродно на одинъ день для разслѣдованія о поведеніи одного изъ мѣстныхъ ксендзовъ, отнесся къ епископу тотчасъ же особой бумагой, въ которой написалъ:

«Вашему Преосвященству было выражено желаніе высшей правительственной власти, чтобы разъѣзды Ваши по епархіи совершались съ согласія генералъ-губернатора, и потому послѣдняя поѣздка Ваша въ Гродно была нарушеніемъ этого требованія. Вслѣдствіе сего считаю необходимымъ напомнить Вашему Преосвященству вышепомянутое требованіе Правительства и покорнѣйше просить на будущее время удовлетворять оному[1].»

На это требованіе генералъ-губернатора Виленскій римско-католическій епископъ отвѣтилъ отзывомъ,[2] который на столько знаменателенъ и на столько характеризуетъ положеніе римско-католической церкви въ Западномъ краѣ, что мы приводимъ его цѣликомъ:

«Вслѣдствіе отзыва Вашего Высокопревосходительства, въ которомъ изволите требовать, чтобы разъѣзды мои по ввѣренной мнѣ епархіи совершались не иначе, какъ съ согласія г. генералъ-губернатора и въ которомъ поѣздка моя въ Гродно по случаю скандаловъ произведенныхъ ксендзомъ Малышевичемъ, нынѣ лишеннымъ разъ на всегда духовнаго сана, названа нарушеніемъ этого требованія, имѣю честь почтительнѣйше обратить вниманіе Вашего Высокопревосходительства, что желаніе высшей правительственной власти, о которомъ Вы, Милостивый Государь, упоминаете, до сихъ поръ не было мнѣ выражаемо и я узнаю о немъ нынѣ въ первый разъ. Поэтому выше упомянутая моя поѣздка не можетъ считаться нарушеніемъ

---

[1] Отношеніе генералъ-губернатора къ епископу отъ 13 іюня 1884 г. за Nr. 3273.

[2] Отъ 24 тогоже іюня за Nr. 650.

закона, о существованіи коего мнѣ не было сообщаемо.

«Не оскорбитесь, Ваше Высокопревосходительство, что даже и теперь, когда объ этомъ желаніи я узнаю изъ Вашего отзыва, вполнѣ удовлетворить оному я не считаю себя вправѣ. Ваше Высокопревосходительство благоволите обратить вииманіе на то обстоятельство, что я къ исполненію должности Виленскаго Епархіальнаго Епископа допущенъ Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 13 апрѣля 1883 г. въ которомъ несдѣлано никакихъ ограниченій относительно свободнаго исполненія прямыхъ обязанностей начальника епархіи.

«Изъ этого, мнѣ кажется заключить нужно, и я дѣйствительно заключилъ, что волею Монаршею всѣ права и преимущества, присвоенныя епископу каноническимъ правомъ и существующими гражданскими законами и необходимыя для точнаго и правильнаго исполненія его должности, остались за мною всецѣло. Если же священникъ, назначенный настоятелемъ или же викарнымъ, имѣетъ право посѣщать безъ особаго разрѣшенія свой приходъ, ежели деканъ вправѣ посѣщать свой деканатъ, то не понимаю, почему бы епископу не принадлежало равномѣрное право посѣщать свою епархію, такъ какъ безъ этого управленіе оною становится невозможнымъ.

«Извѣстно Вамъ, Милостивый Государь, что одною изъ самыхъ существенныхъ прямыхъ обязанностей епископа есть, именно, посѣщеніе или обозрѣніе епархіи. Кромѣ того, можетъ случиться, какъ въ Гроднѣ дѣйствительно и случилось, дѣло нетерпящее отлагательства, гдѣ епископу необходимо быть самому и разслѣдовать на мѣстѣ. Испрашивать въ такихъ случаяхъ

и каждый разъ особо, разрѣшеніе генералъ-губернатора было бы крайне затруднительнымъ и даже невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что г. Генералъ-Губернаторъ можетъ почему-либо и не отвѣтить вовсе, или, какъ иногда и случается, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ изъявить свое согласіе или даже отказать въ ономъ, тогда какъ скандалъ и соблазнъ требуютъ прекращенія тотчасъ же.

«Въ виду выше изложеннаго Ваше Высокопревосходительство, я думаю, согласитесь со мною, что выраженное Вами желаніе или требованіе, какъ отрицающее Высочайшее повелѣніе и препятствующее одной изъ самыхъ существенныхъ частей пастырьской обязанности по управленію епархіею, не можетъ имѣть полной законной силы.

«Впрочемъ, подчиняясь и свято и ненарушимо исполняя распоряженія правительства, неидущія въ разрѣзъ съ ученіемъ и правилами католической церкви, я готовъ, отправляясь для обозрѣнія церквей, сообщать для зависящаго распоряженія о безпрепятственномъ съѣздѣ ксендзовъ.»

Таковъ отвѣтъ виленскаго римско-католическаго епископа Гриневицкаго виленскому генералъ-губернатору Каханову. Отвѣту этому минуло уже 10 лѣтъ, т. е. цѣлая треть того особаго періода, какой переживаетъ римско-католическая церковь въ Западномъ краѣ, начиная съ 1863 г., а отъ него вѣетъ такой свѣжестью взглядовъ, на немъ лежитъ такая печать современности, какъ будто бы онъ писанъ сегодня. Однако картина эта была бы далеко неполной, еслибы мы упустили указать распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ по поводу выше изображеннаго конфликта

между генералъ-губернаторомъ и католическимъ епископомъ. Отзывъ графа Д. А. Толстого по этому предмету по существу своему несравненно важнѣе приведенной переписки виленскаго генералъ-губернатора съ виленскимъ римско-католическимъ епископомъ. Вотъ цѣликомъ этотъ отзывъ на имя генералъ-губернатора[1]:

«Милостивый Государь
Иванъ Семеновичъ!

«Въ письмѣ отъ 1 сего августа[2] Ваше Превосходительство изволили довести до моего свѣдѣнія, что епископъ Гриневицкій, отрицая законность предъявленнаго ему Вами требованія о невыѣздѣ изъ Вильны безъ Вашего разрѣшенія, изъявляетъ готовность подчиниться сему распоряженію лишь условно.

«Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство лично внушить епископу необходимость исполнять правительственныя распоряженія и предупредить его о тѣхъ неудобствахъ, которыя для него послѣдуютъ въ случаѣ неисполненія ихъ.

«Независимо сего, благоволите, Милостивый Государь, указать епископу Гриневицкому, что на основаніи нашихъ законовъ, не правительственныя распоряженія въ отношеніи ихъ обязательности, находятся въ зависимости отъ ученія и правилъ римско-католической церкви, какъ это полагаетъ епископъ Гриневицкій, а наоборотъ, такія ученія и правила всякаго подобно римско-католическому терпимаго у насъ исповѣданія

---

[1] Отъ 17 августа 1884 г. за Nr. 3978.
[2] За Nr. 180.

могутъ быть исполняемы, кои не противурѣчатъ государственнымъ постановленіямъ.»

Трудно въ немногихъ словахъ сказать такъ много, какъ сказано въ этомъ отзывѣ покойнаго графа Толстого. Въ немъ сказывается самымъ яркимъ образомъ отношеніе русскаго правительства къ римско-католической церкви въ Россіи. Церковь эта, вѣроисповѣданіе лишь терпимое и при томъ на столько, на сколько вѣроученіе и мораль ея не противорѣчатъ русскимъ государственнымъ постановленіямъ. Очевидно, административная власть не знаетъ, гдѣ кончается, кесарево и начинается Божіе, догматы вѣры и велѣнія нравственности она ставитъ въ зависимость отъ своего дозволенія, толкованія первоучителей, предписанія Главъ римско-католической церкви для нея не существуютъ. Въ области догматовъ своей вѣры католикъ можетъ и долженъ вѣрить только тому, во что ему вѣрить дозволяется, и въ области религіозно-нравственной онъ можетъ исполнять только то, что ему исполнять разрѣшается. Новѣйшая исторія не представляетъ другого образца подобнаго вторженія государственной власти въ область церковную.

Разбирая подробно законность подобнаго отношенія русскаго правительства къ римско-католической церкви, т. е. соотвѣтствіе его съ самими русскими законами, такъ равно и закономѣрность вышеозначеннаго требованія административной власти, вызвавшаго конфликтъ между виленскимъ генералъ-губернаторомъ и виленскимъ римско-католическимъ епископомъ, видимъ, что приведенныя уже нами выше въ подлинникѣ законоположенія изъ основныхъ государственныхъ законовъ россійской имперіи признаютъ какъ

свободу исповѣданія римско-католической вѣры, такъ и свободу въ отправленіи богослуженія по собственнымъ ея обрядамъ. Такимъ образомъ, догму и мораль католицизма они вовсе не ставятъ въ зависимость отъ степени соотвѣтствія ихъ съ государственными постановленіями. Иначе говоря, основные законы русскаго государства признаютъ самостоятельное существованіе католической вѣры и ея догматическихъ и нравственныхъ вѣроученій, исповѣданіе которыхъ предоставляется свободной совѣсти и внутреннему убѣжденію къ этому исповѣданію принадлежащихъ, независимо отъ правительственнаго дозволенія. И неудивительно, ибо законоположенія эти составлялись изъ манифестовъ о присоединеніи различныхъ областей имперіи, въ которыхъ была провозглашена полная вѣротерпимость. Затѣмъ какъ въ основныхъ государственныхъ законахъ (Св. Зак. т. I ч. 1 изд. 1892 г. ст. 46) такъ и въ уставѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (Св. Зак. т. XI ч. 1 изд. 1857 г. ст. 3 и Свод. прод. 1893 г. прил. къ ст. 11 ст. 34) такъ, наконецъ, даже и въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣч. преступленій (Св. Зак. т. XIV изд. 1890 г. ст. 134) предъявляется къ римско-католической церкви и ея исповѣдникамъ требованіе, чтобы они, соблюдая во всемъ правила и уставы своей вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдали и государственныя узаконенія и охраняли права и преимущества Верховной Самодержавной власти и государственные интересы. Никакой возможности противурѣчія либо столкновенія между требованіями религіи и требованіями государства, между положеніями вѣроученія и положеніями государственными, между уставами и канонами католической церкви и государ-

ственными узаконеніями и правительственными распоряженіями ни приведенныя законоположенія, ни какія либо иныя русскія узаконенія вовсе не предусматриваютъ. Такимъ образомъ, вышеприведенное заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что только такія ученія и правила римско-католическаго вѣроисповѣданія могутъ быть исполняемы въ Россіи, которыя не противорѣчатъ русскимъ государственнымъ постановленіямъ, не соотвѣтствуетъ ни буквѣ, ни смыслу, ни даже духу русскаго законодательства.

Обращаясь теперь къ разъясненію закономѣрности предъявляемаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ къ римско-католическимъ епископамъ Западнаго края требованія не объѣзжать своихъ епархій безъ разрѣшенія генералъ-губернаторовъ, мы находимъ въ законѣ прямыя и точныя указанія на права и обязанности епископовъ по этому предмету. По уставу духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (Св. прод. 1893 г. т. XI ч. I прил. къ ст. 11 ст. 35 и 36) епархіальный начальникъ самъ или чрезъ посредство другихъ осматриваетъ церкви и другія духовныя установленія своей епархіи, уничтожаетъ злоупотребленія и исправляетъ нравы и, какъ главный начальникъ всѣхъ въ его епархіи духовныхъ установленій римско-католическаго исповѣданія, отвѣтствуетъ предъ высшимъ правительствомъ по исполненію правилъ о надзорѣ за дѣйствіями ихъ непосредственныхъ начальниковъ. Представляется совершенно очевиднымъ, что законоположеніями этими римско-католическимъ епископамъ въ Россіи нетолько предоставляется безъ чьего бы то ни было разрѣшенія, но даже прямо вмѣняется въ обязанность объѣзжать церкви и другія церковныя учрежденія подвѣ-

домственныхъ имъ епархій. Такимъ образомъ, главнѣйшая изъ обязанностей епископа, установленная каноническимъ правомъ католической церкви, русскими государственными узаконеніями подтверждается и подкрѣпляется, почему требованіе отъ епископа не выѣзжать въ свою епархію безъ разрѣшенія генералъ-губернатора, представляется не только отрицаніемъ за уставами и правилами католической церкви какого бы то ни было значенія, но и нарушеніемъ самихъ законовъ русскаго государства.

Если римско-католическій епископъ въ Западномъ краѣ встрѣчаетъ столь серьезныя препятствія къ исполненію главныхъ и прямыхъ своихъ обязанностей, то отсюда слѣдуетъ естественно, что дѣятельность его въ этомъ краѣ какъ религіозно-нравственная, такъ даже богослужебная поставлена въ самыя тяжкія условія. Прежде всего, разъѣзды его по епархіи, даже разрѣшенныя генералъ-губернаторскою властью, обставлены всевозможными отягчительными условіями. Объ отъѣздѣ своемъ изъ мѣста своего постояннаго пребыванія сообщаетъ епископъ мѣстному губернатору, а этотъ послѣдній немедленно даетъ знать мѣстному полиціймейстеру, начальнику губернскаго жандармскаго управленія, начальнику полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ и уѣзднымъ исправникамъ, для зависящихъ распоряженій къ наблюденію за разъѣздами епископа. Какой-либо наивный обыватель Западнаго края, въ особенности если самъ онъ не католикъ и ранѣе проѣзда епископскаго никогда не видалъ, видя тотъ хотя и не блестящій, но во всякомъ случаѣ внушительный эскортъ изъ чиновъ полицейскихъ и жандармскихъ, какой сопровождаетъ римско-католи-

ческаго епископа при объѣздѣ имъ своей епархіи, въ простотѣ душевной можетъ, пожалуй, вообразить, что римско-католическимъ епископамъ въ Западномъ краѣ оказывается особый почетъ. Но эскортъ этотъ имѣетъ въ дѣйствительности такое же почетное значеніе, какъ и полицейскій конвой сопровождающій политическаго преступинка, высылаемаго въ административномъ порядкѣ. По выраженію оффиціальныхъ генералъ-губернаторскихъ распоряженій, обязывающихъ уѣздныхъ исправниковъ Западнаго края лично сопровождать римско-католическихъ епископовъ, сопровожденіе такое назначается «для предупрежденія всякихъ недоразумѣній». Каковы могутъ быть эти недоразумѣнія достаточно обнаруживается изъ слѣдующаго замѣчательнаго секретнаго отношенія гродненскаго губернатора къ виленскому генералъ-губернатору.[1]

«Виленскій губернаторъ отношеніемъ отъ 31 минувшаго мая[2] сообщилъ мнѣ, что виленскій римско-католическій епископъ отправляется на дняхъ въ мѣстечко Друскеники для лѣченія въ сопровожденіи Каноника Виленскаго Капитула Августина Липницкаго, срокомъ на шесть недѣль. Имѣя въ виду, что пріѣздъ епископа въ Друскеники можетъ состояться въ день наступающаго римско-католическаго праздника Тѣла Христова, въ который епископъ можетъ быть, пожелаетъ совершить въ Друскеникскомъ костелѣ богослуженіе, я, въ виду могущихъ произойти какихъ либо недоразумѣній по сему предмету, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство не

---

[1] Отъ 4 іюня 1887 г. за Nr. 4810.

[2] За Nr. 1090.

отказать разъяснить мнѣ телеграммою, по случаю скораго пріѣзда епископа во ввѣренную мнѣ губернію, можетъ ли онъ совершать во время пребыванія своего въ м. Друскеникахъ торжественныя въ тамошнемъ костелѣ богослуженія.»

На секретное отношеніе это генералъ-губернаторомъ разъяснено губернатору, что виленскій епископъ, какъ епархіальный архіерей, можетъ совершать богослуженія въ м. Друскеникахъ, относящемуся къ его епархіи. Этотъ губернаторскій запросъ до такой степени характеренъ и знаменателенъ, что говоритъ самъ за себя. Если губернаторъ, представитель высшей правительственной власти въ губерніи, можетъ сомнѣваться, имѣетъ ли католическій епархіальный архіерей право совершать богослуженіе въ своей епархіи, серьезно волнуется по поводу этого сомнѣнія, опасается возникновенія изъ за этого права какихъ либо недоразумѣній и проситъ разрѣшеній этихъ недоразумѣній телеграммой, то чего ожидать уже отъ нисшихъ представителей административной власти, необладающихъ ни той степенью образованія ни той просвѣщенностью, ни тѣмъ, наконецъ, уровнемъ умственнаго развитія, какія предполагаются въ губернаторѣ. И дѣйствительно, всяческія «недоразумѣнія» точно изъ рога изобилія безпрерывно сыплются на католическаго епископа и ввѣренную ему паству въ Западномъ краѣ.

Просится римско-католическій епископъ Западнаго края для лѣченія заграницу, его министръ внутреннихъ дѣлъ не отпускаетъ, просится онъ для тойже надобности въ Цѣхоцинокъ близь Варшавы, его также не отпускаютъ на томъ основаніи, что на прибытіе его туда мѣстный генералъ-губернаторъ «не изъявилъ со-

гласія.» Отправляется по тойже надобности въ какой либо изъ лѣчебныхъ уголковъ въ своей епархіи, возникаютъ всевозможныя сомнѣнія, родятся опасенія «какихъ либо недоразумѣній». Ѣдетъ епископъ этотъ въ объѣздъ своей епархіи, цѣлый жандармско-полицейскій эскортъ слѣдуетъ за нимъ по пятамъ «для предупрежденія всякихъ недоразумѣній». О каждомъ шагѣ его, каждомъ словѣ, каждомъ взглядѣ, даже тонѣ его рѣчи посылаются подробныя, секретныя донесенія губернатору, а отъ этого послѣдняго идутъ обстоятельнѣйшія, секретныя донесенія генералъ-губернатору. Полицейскіе чины сопровождающіе епископа превращаются всецѣло въ зрѣніе и слухъ, точно дѣло идетъ о безопасности и цѣлости государства, точно отъ одного слова епископскаго, отъ одного его жеста можетъ поколебаться и внезапно рухнуть все громадное зданіе русскаго государства.

Эти донесенія русскихъ полицейскихъ властей являются любопытнѣйшими соціальными документами нашего времени. Въ нихъ обозначаются часы и минуты пріѣзда и отъѣзда епископа, были ли или не были сдѣланы ему встрѣчи, не было ли устраеваемо какихъ либо овацій, гдѣ и когда онъ служилъ, какую произнесъ проповѣдь и т. д. Изъ нихъ можно почерпнуть свѣденія о любопытнѣйшихъ происшествіяхъ и отношеніи къ нимъ мѣстной административной власти.

«При встрѣчѣ епископа — доноситъ губернаторъ генералъ-губернатору[1], — манифестацій не было, но онъ былъ встрѣченъ народомъ, въ особенности помѣщи-

---

[1] Донесеніе гродненскаго губернатора виленскому генералъ-губернатору отъ 25 сентября 1884 г. за Nr. 8737.

ками, восторженно; путь, по которому епископъ слѣдовалъ отъ костельныхъ воротъ до алтаря, маленькія дѣвочки осыпали цвѣтами. При прощальномъ словѣ епископъ сказалъ, что, можетъ быть, съ нѣкоторыми онъ болѣе не увидится, но всегда останется костелъ и пастырь, при чемъ костелъ былъ наполненъ народомъ. При словахъ епископа нѣкоторые плакали. При этомъ необходимымъ считаю присовокупись, что въ отношеніи допущенія дѣвочекъ осыпать цвѣтами путь, по которому слѣдовалъ епископъ въ Кобринскій костелъ, поставлено на видъ Кобринскому Исправнику, что такого рода овація легко могла бы быть предупреждена полиціей.

«19 сентября — доноситъ тотъ же губернаторъ генералъ-губернатору,[1] — Епископъ совершилъ богослуженіе въ Слонимскомъ костелѣ монахинь Бернардинокъ: энтузіазмъ католиковъ громадный. Многіе не только женщины, но и мужчины, во время чтенія настоятелемъ костела ксендзомъ Блажевичемъ привѣтственной рѣчи къ Епископу рыдали въ костелѣ. При этомъ исправникомъ было замѣчено, что католички, въ особенности изъ семействъ помѣщиковъ, въ большинствѣ явились въ костелъ въ черныхъ платьяхъ, желая показать этимъ, какъ слышалъ исправникъ, угнетеніе, претерпѣваемое будто бы католическою церковью отъ нашего правительства. При этомъ считаю долгомъ присовокупить, что на встрѣчу Епископу въ Слонимскомъ костелѣ были вынесены на костельную паперть двѣ хоругви. Кромѣ сего изъ донесенія

---

[1] Донесеніе гродненскаго губернатора виленскому генералъ-губернатору отъ 2 октября 1884 г. за Nr. 8935.

исправника видно, что крестьянами Деречинской волости подано было Гриневицкому прошеніе о разрѣшеніи сооруженія въ м. Деречинѣ костела, прошеніе это писалъ письмоводитель пристава 3 стана Фальковскаго, шляхтичъ Минучицъ, находившійся вмѣстѣ съ ходатаями у Епископа. Объ удаленіи Минучица отъ занятій по канцеляріи пристава исправникомъ сдѣлано распоряженіе.

«Кромѣ вышеизложеннаго — доноситъ губернаторъ генералъ-губернатору[1] — Исправникъ присовокупилъ, что въ Рожанскомъ костелѣ по невѣдѣнію приняли отъ Епископа міропомазаніе двѣ крестьянки православнаго исповѣданія: Агафія Гавриликъ и Фекла Зайко, о чемъ составленъ мѣстнымъ становымъ приставомъ протоколъ.

«Послѣ привѣтственнаго слова — доноситъ губернаторъ генералъ-губернатору[2] — Епископъ приступилъ къ міропомазанію, причемъ нѣкоторые изъ упорствующихъ членовъ православной церкви приняли отъ Епископа міропомазаніе, а именно, крестьяне Шиликовской волости м. Свислочи Игнатій Малиновскій, лѣсникъ еловской дачи, Михаилъ Мелько, братъ его Викентій и сынъ лѣсника урочища Жарковщизны Степанъ Болботъ. До начала обряда міропомазанія приставъ 3 стана обратилъ вниманіе Свислочскаго ксендза Викентія Бржозовскаго на Игнатія Малиновскаго, принадлежащаго къ православной церкви, но ксендзъ отвѣтилъ, что не имѣетъ времени, указаннаго лица не знаетъ и потому не можетъ воспрепятствовать ему принять міропомазаніе.»

---

[1] Его же отъ 4 октября 1884 г. за Nr. 8995.

[2] Его же отъ 8 октября 1884 г. за Nr. 9155.

Мы выписали изъ губернаторскихъ донесеній о проѣздѣ римско-католическаго епископа лишь немногія, наиболѣе характерныя мѣста. Какъ видно изъ нихъ, чины полиціи вмѣшиваются даже въ самое совершеніе таинства міропомазанія. Они воспрещаютъ при встрѣчѣ епископа выносить изъ костела на паперть хоругви, приказываютъ снимать арки изъ живыхъ цвѣтовъ, устраиваемыя крестьянами надъ входными дверями костела, воспрещаютъ посыпать цвѣтами епископскій путь отъ воротъ костельной ограды до алтаря, приказываютъ выдергивать елочки втыкаемыя крестьянами вдоль того же пути, и устраняютъ, не рѣдко въ самой грубой формѣ всякое вещественное и до очевидности совершенно невинное выраженіе благоговѣйнаго и радостнаго настроенія народной массы по случаю пріѣзда своего епископа. Между тѣмъ, независимо отъ благочестія, свойственнаго народной массѣ вообще, настроеніе такое среди католическаго крестьянства Сѣверо-Западнаго края вполнѣ естественно вызывается еще и тѣмъ, что съ 1863 г. въ краѣ этомъ епископовъ римско-католической церкви почти не было вовсе, а были лишь управляющіе епархіями изъ прелатовъ и канониковъ, назначенные къ тому свѣтской властью и не возведенные въ санъ епископскій.

Среди множества, недоразумѣній, бдительнымъ окомъ русской полиціи предусматриваемыхъ при объѣздѣ католическимъ епископомъ въ Западномъ краѣ своей епархіи, принятіе отъ него таинства міропомазанія такъ называемыми упорствующими, т. е. католиками, произвольно записанными въ православіе съ ихъ дѣтьми, нерѣдко вовсе не крещенными ни въ какую вѣру, встрѣчается едва ли не чаще прочихъ. Выше

приведенный случай принятія міропомазанія отъ римско-католическаго епископа при объѣздѣ имъ своей епархіи крестьяниномъ Игнатіемъ Малиновскимъ достопримѣчателенъ въ томъ отношеніи, что за допущеніе, не взирая на вмѣшательство пристава, крестьянина этого къ міропомазанію у епископа, ксендзъ Викентій Бржозовскій былъ наказанъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ шестимѣсячнымъ заключеніемъ въ монастырѣ, между тѣмъ какъ упомянутый Игнатій Малиновскій является сыномъ извѣстнаго крестьянина Малиновскаго, доведшаго до сената дѣло о произвольной записи его въ православіе и сенатомъ признаннаго католикомъ, почему и дѣти его, какъ происходящія отъ родителей католиковъ, не смотря на окрещеніе ихъ у православнаго священника, должны считаться католиками.

Однако всѣми этими «недоразумѣніями», сопровождающими объѣздъ римско-католическимъ епископомъ въ Западномъ краѣ своей епархіи, недоразумѣнія съ епископомъ не исчерпываются. Столкновенія и конфликты между властью католическаго епископа и высшей правительственной властью въ краѣ представляются постоянными и болѣе или менѣе неизбѣжными. Ихъ сущность и причины выяснятся сами собой при дальнѣйшемъ изложеніи.

Согласно Высочайше утвержденному 22 мая 1864 г. положенію Западнаго Комитета назначеніе ксендзовъ въ приходы производится въ Западномъ краѣ и краѣ Юго-Западномъ епископомъ съ согласія губернатора. Это положеніе Западнаго Комитета получившее силу закона и введенное въ дѣйствіе единственно вслѣдствіе военнаго положенія края, и нынѣ, по снятіи этого

положенія, продолжаетъ сохранять свое дѣйствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако въ найпозднѣйшемъ изданіи устава духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (Очер. прод. 1893 г. къ XI т. ч. 1 Св. Зак., прил., ст. 27) находимъ такъ же законоположеніе, что приходскіе священники въ епархіи назначаются мѣстнымъ начальникомъ съ согласія правительства. Такимъ образомъ, требованіе согласія правительства на назначеніе въ приходъ священника представляется уже общимъ для всего государства, а не относящимся къ одному лишь Западному краю. Подъ законоположеніемъ этимъ сдѣланы ссылки на узаконенія гораздо болѣе раннія, нежели вышеупомянутое положеніе Западнаго Комитета, Высочайше утвержденное 22 мая 1864 г., самое же положеніе это не показано. Если однако до 1864 г. о согласіи правительства на назначеніе ксендза въ приходъ небыло въ Россіи и рѣчи, если для установленія этого согласія въ лицѣ мѣстнаго губернатора спеціально для Западнаго края понадобилось въ числѣ прочихъ мѣръ, къ устройству Сѣверо-Западнаго края особое положеніе Западнаго Комитета, то отсюда явствуетъ, что сдѣланная подъ выше означеннымъ закономъ (ст. 27 уст. дух. дѣлъ по очер. прод. Св. Зак. изд. 1893 г.) ссылка на узаконенія болѣе раннія представляется невѣрной, а согласіе правительства, какъ необходимое условіе назначенія въ приходъ, имѣетъ свое дѣйствительное примѣненіе собственно лишь въ предѣлахъ Западнаго края.

Требованіе такого согласія не избѣжало судьбы всѣхъ вообще, запретительныхъ, ограничительныхъ и охранительныхъ мѣръ русскаго правительства по Западному краю, т. е. получило на практикѣ примѣне-

ніе, выходящее далеко за предѣлы буквальнаго смысла этого положенія Западнаго Комитета. Генералъ-губернаторская власть въ Западномъ краѣ требуетъ своего согласія на назначеніе не однихъ только приходскихъ ксендзовъ, но на всѣ вообще духовныя должности, замѣщаемыя властью католическаго епархіальнаго архіерея, а равно не только на назначеніе на всѣ эти должности, но также на перемѣщенія и увольненія. Представляется очевиднымъ, что требованія эти, лишь отъ части только основанныя на Высочайше утвержденномъ положеніи Западнаго Комитета, имѣющемъ силу закона, являются самымъ существеннымъ ограниченіемъ и даже прямымъ упраздненіемъ тѣхъ основныхъ и краеугольныхъ преимуществъ, которыя предоставлены епископскому сану и епископской власти во всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ и никогда и нигдѣ не ограничивались ни упразднялись даже во времена дѣйствія военнаго положенія.

При всемъ этомъ дѣятельность католическаго священника въ Западномъ краѣ представляется наиболѣе затруднительной и наиболѣе тяжелой. За ней установленъ полицейскій надзоръ, столь же бдительный и придирчивный, какъ и за объѣздомъ римско-католическимъ епископомъ своей епархіи. Но объѣздъ этотъ продолжается двѣ-три недѣли и весьма рѣдко выходитъ за предѣлы одного мѣсяца, между тѣмъ какъ этотъ подозрительно-наступательный надзоръ надъ приходскимъ ксендзомъ виситъ каждый день, каждый часъ, каждую минуту. Онъ окружаетъ костелъ и настоятельскій домъ, въ которомъ проживаетъ этотъ ксендзъ, онъ разгуливаетъ по костелу во время богослуженія и исполненія требъ, онъ по пятамъ слѣ-

дуетъ за ксендзомъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ прихода и даже за эти предѣлы.

Дѣятельность католическаго приходскаго священника въ Западномъ краѣ окружена всевозможными запретительными правилами, изданными администраціей, за малѣйшее нарушеніе которыхъ онъ подвергается штрафамъ. Вотъ эти такъ называемые «проступки» римско-католическихъ священниковъ, за которые они штрафуются безпощадно по распоряженію виленскаго генералъ-губернатора графа Тотлебена отъ 29 апрѣля 1881 г.[1]

1) Самовольная отлучка въ другіе приходы и совершеніе тамъ богослуженія безъ разрѣшенія гражданскаго начальства,

2) произнесеніе проповѣди собственнаго сочиненія безъ предварительнаго одобрѣнія цензуры,

3) сборъ денегъ съ прихожанъ на предметы, неизвѣстные мѣстному начальству и для цѣлей, имъ неразрѣшенныхъ,

4) необъявленіе прихожанамъ о высокоторжественныхъ дняхъ и несовершеніе либо слишкомъ раннее совершеніе богослуженія въ эти дни,

5) совершеніе крестныхъ ходовъ въ костельной оградѣ въ дни, неозначенные въ особой табели, составленной губернаторами и утвержденной генералъ-губернаторомъ.

Хотя въ означенномъ распоряженіи генералъ-губернатора графа Тотлебена назначенъ размѣръ всякихъ штрафовъ, налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ, отъ 1 до 100 рублей, ксендзы за означенныя

---

[1] За Nr. 326—328.

нарушенія штрафуются въ дѣйствительности до 300 и даже до 400 рублей.

Если принять во вниманіе, что всѣ свои планы и предначертанія, направленныя къ уничтоженію всякой тѣни самостоятельности римско-католической церкви въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, правительство русское стремится провести посредствомъ католическихъ приходскихъ священниковъ, минуя власть епископскую, то отсюда ясно, что званіе католическаго приходскаго священника, на которомъ лежитъ центръ тяжести правительственнаго давленія на римско-католическую церковь, представляется для большинства священниковъ бременемъ непосильнымъ. Здѣсь, именно лежитъ узелъ взаимнаго воздѣйствія власти епископской и званія священническаго, созданнаго и всѣми силами поддерживаемаго русскимъ правительствомъ путемъ угрозъ, застрашиваній, соблазновъ и интригъ. Не рѣшаясь часто прибѣгать къ насилію надъ епископомъ, правительство обыкновенно минуетъ его и все воздѣйствіе свое устремляетъ на приходскаго священника. Поставленный между сциллой, лишенія сана и отлученія отъ церкви своимъ епископомъ за исполненіе административныхъ требованій, противныхъ каноническому праву католической церкви — и харибдой наложенія громадныхъ штрафовъ, заточенія въ монастырь и высылки изъ края въ административномъ порядкѣ со стороны администраціи, католическій приходской священникъ въ Западномъ краѣ представляетъ изъ себя зрѣлище столь жалкое и грустное, какого мы напрасно стали бы искать на континентѣ Европы въ продолженіи всего XIX вѣка.

Каковы бы ни были правительственные планы и

предначертанія, какъ достоинство правительственной власти, такъ и самая прочность и устойчивость проводимыхъ мѣропріятій требовали соглашенія съ Папой, какъ Главой римско-католической церкви, либо съ католическими епископами Западнаго края и Царства Польскаго. Между тѣмъ, устремивъ всю силу своего воздѣйствія на католическихъ приходскихъ священниковъ въ этой части имперіи, мѣстная администрація нетолько вынуждала ихъ къ превышенію своей священнической власти, но даже, въ случаяхъ неодобрѣнія проводимыхъ мѣропріятій епископомъ, къ прямому непослушанію и противодѣйствію власти своего епископа.

Такимъ образомъ, въ то время какъ законъ (уст. дух. дѣлъ иностр. испов. по очер. продол. Св. Зак. изд. 1893 г. прил. ст. 79), не говоря уже о предписаніяхъ канонической права римско-католической церкви, строго предписываетъ всему римско-католическому духовенству въ имперіи безусловное подчиненіе и повиновеніе своему духовному начальству какъ непосредственному, такъ и епархіальному, правительство въ своихъ видахъ стремилось и стрѣмится въ дѣйствительности нетолько поставить римско-католическихъ священниковъ въ совершенную независимость отъ своего епископа и вывести ихъ изъ подчиненія своему епархіальному начальнику, но сверхъ сего, даже поддерживаетъ всѣми зависящими отъ него мѣрами явныхъ и упорныхъ ослушниковъ епископской власти.

Естественно, что на этой почвѣ стала развиваться крайняя деморализація католическаго приходскаго духовенства. Лучшіе изъ русскихъ чиновниковъ края сами сознаютъ, что проводниками правительственныхъ

желаній въ отношеніи римско-католической церкви въ краѣ явились, именно, ксендзы порочные и преступные, въ поддержкѣ правительственной власти искавшіе оплота отъ заслуженныхъ ими наказаній.

Гродненскій губернаторъ представилъ генералъ-губернатору, а этотъ послѣдній министру внутреннихъ дѣлъ нѣсколько ксендзовъ къ высылкѣ административнымъ порядкомъ въ отдаленныя губерніи, между этими ксендзами находимъ имя ксендза Яворскаго. Въ слѣдующемъ отзывѣ генералъ-губернатора къ министру внутреннихъ дѣлъ читаемъ между прочимъ слѣдующее:

«Прибывшій ко мнѣ по порученію Высокопреосвященнаго Архіепископа Варшавскаго Протоіерей Варшавскаго Кафедральнаго Собора Чеховичъ заявилъ, что ксендзъ Яворскій нынѣ оказываетъ православному духовенству Привислянскаго края большое содѣйствіе въ дѣлѣ указанія виновныхъ ксендзовъ.»

Далѣе читаемъ въ томъ же сообщеніи: «По мнѣнію ксендза Яворскаго въ этой мѣстности не представляется надобности имѣть столько костеловъ, которые служатъ только соблазномъ для упорствующихъ уніятовъ и два изъ нихъ Гранновскій и Следзяновскій безъ всякаго ущерба возможно былобы теперь же закрыть. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ ксендза Яворскаго считаю нужнымъ —» и т. д.

Въ заключеніе видимъ, что всѣ представленные Гродненскимъ губернаторомъ ксендзы высланы административнымъ порядкомъ, а резолюція относительно ксендза Яворскаго слѣдующая: «ксендзъ же Яворскій, настоятель Дрожинскаго костела, на котораго было взведено нѣсколько обвиненій, признанъ только вино-

внымъ въ томъ, что произнесъ несовсѣмъ умѣстную проповѣдь и не по установленному руководству, за что и подвергнутъ мною денежному штрафу въ размѣрѣ 25 рублей.»[1]

Примѣръ этотъ ясно показываетъ, что дѣйствительно ревнителями правительственныхъ стремленій въ отношеніи римско-католическаго вѣроисповѣданія, проводниками его желаній и покорными исполнителями его требованій явились исключительно тѣ изъ настоятелей костеловъ и деканов Западнаго края, которымъ угрожали тѣ или иныя духовныя наказанія за преступленія въ кругу ихъ служебныхъ обязанностей и въ предѣлахъ ихъ духовнаго званія. Эти порочные члены католическаго духовенства не могли не понять, что то двоевластіе, которое внесено въ строй католической церкви отчасти русскими законами, отчасти безоглядным напоромъ правительства на католическую іерархію, представляетъ для нихъ весьма удобный случай и воспользовались имъ для скрытія всѣхъ своихъ прегрѣшеній.

На этой то прискорбной почвѣ разыгрались извѣстные и въ свое время надѣлавшія много шуму исторіи прелата Копцеговича, каноника Сенчиковскаго, ксендза Малышевича и т. д. Сущность всѣхъ ихъ одна и таже. Всѣ эти члены католическаго духовенства Западнаго края, будучи наказаны за разныя преступныя дѣянія по своему духовному сану своимъ епископомъ по принадлежащему ему каноническому праву вмѣсто того, чтобы подчиниться наложенному на нихъ архипастыремъ наказанію и дальнѣйшимъ пове-

[1] Письмо министру внутреннихъ дѣлъ 31 марта 1886 г. за Nr. 4.

деніемъ своимъ заслужить прощеніе, въ органахъ правительственной власти стали искать опоры и поддержки къ неповиновенію и противодѣйствію законной канонической власти своего епископа. Всѣ они въ разсчетахъ своихъ не ошибались и въ высшей мѣстной правительственной власти нашли себѣ болѣе или менѣе энергическую поддержку. Въ особенности дѣятельное участіе проявили виленскій губернаторъ и министръ внутреннихъ дѣлъ въ дѣлѣ настоятеля гродненскаго фарнаго костела и бѣлостокскаго архидіакона ксендза Іоанна Малышевича, разыгравшемся ровно десять лѣтъ тому назадъ. Этотъ настоятель и деканъ имѣлъ безстыдство и наглость даже къ своему епископу явиться со своей любовницей. Само собою разумѣется, что весь образъ его жизни соотвѣтствовалъ этому его поступку. Вслѣдствіе настоятельныхъ жалобъ и заявленій со стороны духовенства епископъ воспретилъ первоначально ксендзу Малышевычу священнодѣйствіе на три года, но, смягченный его раскаяніемъ и обѣщаніемъ исправиться, возвратилъ ему право священнодѣйствія, оставилъ его во всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и званіяхъ.

Такъ какъ однако прощенный ксендзъ всетаки не исправился и продолжалъ вести себя въ томъ же духѣ, то епископъ лишилъ его на всегда права священнодѣйствія съ лишеніемъ духовнаго сана. Это рѣшеніе епископа вызвало цѣлую бурю въ мѣстной администраціи, такъ какъ Малышевичъ явился точнымъ исполнителемъ правительственныхъ требованій. Генералъ-губернаторъ потребовалъ отъ епископа сначала сообщенія ему тѣхъ обвиненій, по которымъ лишенъ права священнодѣйствія ксендзъ Малышевичъ,

для провѣрки ихъ путемъ полицейскаго дознанія[1], а затѣмъ, возстановленіе его во всѣхъ прежнихъ правахъ.[2] Само собою разумѣется что требованіе это въ корнѣ подрывающее и даже уничтожающее каноническія права католическаго епископа и совершенно выходящее изъ предѣловъ власти и компетенціи, предоставленныхъ русскими законами генералъ-губернатору, даже въ Сѣверо-Западномъ краѣ, епископомъ исполнено быть не могло. Тогда генералъ-губернаторъ чрезъ губернатора гродненскаго заставилъ ксендза, назначеннаго епископомъ временнымъ замѣстителемъ должностей настоятеля мѣстнаго фарнаго костела и архидіакона бѣлостокскаго, вмѣсто устраненнаго Малышевича, отказаться отъ исправленія этихъ должностей, содержаніе по которымъ вновь сталъ получать лишенный права священнодѣйствія Малышевичъ.

Такимъ образомъ не совершая богослуженія, не исполняя никакихъ требъ, не неся никакихъ пастырскихъ обязанностей, т. е. не являясь вовсе лицомъ духовнымъ въ собственномъ смыслѣ, какимъ и не можетъ быть лицо, лишенное права священнодѣйствія и самаго сана духовнаго, бывшій ксендзъ Малышевичъ продожалъ считаться правительствомъ администраторомъ фарнаго костела и деканомъ, занимать плебаніальный домъ и получать жалованіе по обѣимъ ранѣе занимаемымъ имъ должностямъ. Совершенная неестественность и явная противозаконность подобнаго порядка вещей, созданнаго вмѣшательствомъ правительственной власти въ дѣло чисто церковное, представляются до

---

[1] Отношеніе къ епископу отъ 16 іюля 1884 г. за Nr. 3345.

[2] Отношеніе отъ 3 ноября 1884 г. за Nr. 862.

такой степени очевидными, что не стоитъ о нихъ и распространяться.

Однако вторженіе генералъ-губернатора виленскаго въ компетенцію виленскаго римско-католическаго епископа и на этомъ даже еще не остановилось. Ксендзы гродненскаго деканата, не признававшіе Малышевича, лишеннаго духовнаго сана, деканомъ и не принимавшіе отъ него бумагъ и распоряженій, были заключены въ монастыри на сроки не менѣе шести мѣсяцевъ.

При изданіи справочно-руководственной книги подъ наименованіемъ «рубрицелла» или директоріумъ на 1885 г., прелатъ Копцеговичъ, епископомъ отлученный отъ церкви, и гродненскій ксендзъ Малышевичъ епископомъ лишенный духовнаго сана, въ книгу эту, т. е. въ ея рукописный текстъ включены не были. Генералъ-губернаторъ потребовалъ ихъ включенія и послалъ отъ себя цензору свѣдѣнія объ этихъ католическихъ священникахъ, приказавъ послѣднему включить ихъ въ текстъ «рубрицеллы» на должномъ мѣстѣ. При разсмотрѣніи первоначальнаго набора книги епископъ эти обозначенія вычеркнулъ, но генералъ-губернаторъ вторично строжайше приказалъ цензору, чтобы Копцеговичъ и Малышевичъ были показаны въ занимаемыхъ ими ранѣе должностяхъ, и въ такомъ видѣ книга вышла изъ печати.

Не признавая возможнымъ оставить въ ней показанными въ этихъ должностяхъ и званіяхъ лицъ, лишенныхъ духовнаго сана, епископъ былъ въ необходимости въ текстѣ книги на показаніи прелата Копцеговича отмѣтить простыми чернилами «отлученъ отъ церкви» а на показаніи ксендза Малышевича «лишенъ духовнаго сана».

Получивъ рубрицеллу съ такими поправками генералъ-губернаторъ потребовалъ отъ епископа немедленнаго уничтоженія этихъ послѣднихъ, но епископъ отвѣтилъ, что всѣ экземпляры рубрицеллы уже разосланы духовенству и церковнымъ учрежденіямъ подвѣдомственной ему епархіи. Тогда генералъ-губернаторъ приказалъ виленскому полиціймейстеру Клингенбергу отправиться въ канцелярію епископа съ подвѣдомственными ему чинами полиціи, сдѣлать обыскъ и конфисковать экземпляры рубрицеллы, оставшіеся еще не разосланными. Выдать книгу епископъ отказался, и между нимъ и полиціймейстеромъ произошла довольно бурная сцена. Вслѣдъ затѣмъ епископъ Гриневицкій вызванъ былъ въ С-Петербургъ и высланъ въ административномъ порядкѣ на жительство въ г. Ярославль.

Такимъ образомъ, серьезнѣйшій изъ конфликтовъ между властью генералъ-губернатора и властью римско-католическаго епископа въ дѣлѣ церковномъ Западнаго края за послѣдніе 30-лѣтіе разрѣшился физическимъ насиліемъ надъ епископомъ. Право уступило силѣ.

Позволительно теперь коснуться существа и значенія цѣлей, ради которыхъ правительство понижаетъ компетенцію католическихъ епископовъ и прибѣгаетъ даже къ прямому физическому насилію. Не подвергая здѣсь этихъ цѣлей подробному разсмотрѣнію, которое будетъ сдѣлано нами въ своемъ мѣстѣ при дальнѣйшемъ изложеніи, мы коснемся лишь главной изъ этихъ цѣлей — введенія русскаго языка въ римско-католическое богослуженіе въ Западномъ краѣ.

Первымъ радѣтелемъ такого введенія явилось вѣдомство народнаго просвѣщенія. Разные чины его въ

исходѣ шестидесятыхъ годовъ успѣли склонить нѣсколькихъ ксендзовъ, состоявшихъ законоучителями римско-католическаго вѣроисповѣданія при гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ края, въ высокоторжественные дни служить молебствіе о Государѣ Императорѣ и Царствующемъ домѣ, въ тѣхъ костелахъ, къ которымъ приписаны были воспитанники этого исповѣданія каждаго учебнаго заведенія, на русскомъ языкѣ и произнести по этому случаю проповѣдь на томъ же языкѣ. Исполнявшіе желаніе учебнаго начальства немедленно получали ордена, награды и отличія. Отъ употребленія русскаго языка въ молебствіяхъ и проповѣдяхъ перешли къ употребленію его во всемъ такъ называемомъ дополнительномъ римско-католическомъ богослуженіи, т. е. чтеніи Евангелія и другихъ книгъ и пѣснопѣніяхъ. По порученію Виленскаго учебнаго округа католическій молитвенникъ на польскомъ языкѣ ксендзомъ-прелатомъ Немекшею переведенъ былъ на языкъ русскій и разосланъ по всѣмъ гимназіямъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ а равно и въ нѣкоторыя изъ нисшихъ учебныхъ заведеній, а въ заведеніяхъ этихъ былъ розданъ ученикамъ-католикамъ съ отобраніемъ отъ нихъ прежнихъ молитвенниковъ на польскомъ языкѣ. Русское дополнительное богослуженіе было введено въ м. Блони священникомъ Сенчиковскимъ, Лидскимъ деканомъ и настоятелемъ лидскаго костела ксендзомъ Каменскимъ, Бобруйскимъ деканомъ Макаревичемъ, Бобруйскимъ ксендзомъ Яновскимъ и нѣкоторыми другими. Нововведеніе это, не разрѣшенное и неодобренное ни властью Папскою, ни даже властью епископской и предпринятое отдѣльными ксендзами по собственному своему усмотрѣнію, есте-

ственно вызвало несочувствіе и неудовольствіе среди католическаго населенія края, т. е. самихъ прихожанъ. Ксендзы новаторы изъ викарныхъ обращались въ деканов и изъ ксендзовъ возводились въ санъ прелатовъ, получали всевозможныя награды, отличія и ордена по настояніямъ губернаторовъ, а ксендзы, не шедшіе на новшества и на нихъ нерѣшавщіеся безъ разрѣшенія своего духовнаго начальства по тѣмъ же настояніямъ были смѣщаемы съ приходовъ и удаляемы отъ занимаемыхъ должностей, между тѣмъ какъ и прихожане этимъ новшествамъ несочувствовавшіе, подпадали подъ надзоръ полиціи, подвергались арестамъ и штрафамъ въ административномъ порядкѣ за произведеніе якобы безпорядковъ во время богослуженія.

Несмотря однако на всѣ усилія правительства, дѣло введенія русскаго языка въ дополнительное богослуженіе римско-католической церкви въ Западномъ краѣ вскорѣ пріостановилось и заглохло, почти не подвинувшись впередъ. Новый толчекъ былъ данъ ему всеподданнѣйшими отчетами и докладными Государю Императору записками виленскаго генералъ-губернатора Каханова въ 1885 г. Однако Высочайше утвержденнымъ 1 ноября 1887 г. положеніемъ комитета министровъ введеніе русскаго языка въ дополнительное католическое богослуженіе въ Западномъ краѣ признано мѣрой не только не полезной, но даже и прямо вредной, при чемъ генералъ-губернатору поставлено въ немъ на видъ всѣ неудобства настойчиваго его о томъ ходатайства, разнорѣчія его по этому предмету съ центральной административной властью и пояснено въ немъ, что оно подлежитъ сообщенію генералъ-губернатору не только въ разрѣшеніе его пред-

ставленій для свѣдѣнія, но и для руководства. Кромѣ того, въ немъ откровенно сказано, что если правительство и не упраздняетъ нынѣ русскій языкъ въ дополнительныхъ богослуженіяхъ въ тѣхъ немногихъ приходахъ и исключительно одной лишь Минской губерніи, въ которыхъ онъ уже введенъ, то единственно ради сохраненія достоинства и авторитета правительственной власти.

Такимъ образомъ вопросъ разрѣшенъ отрицательно, такъ что даже не можетъ быть впредь вновь возбуждаемъ генералъ-губернаторомъ. Мѣра, ради которой употреблено мѣстными органами столько усилій, внесена въ католическую церковь такая смута, примѣнено столько насилій, лишено мѣста и куска хлѣба столько католическихъ священниковъ, правительствомъ безповоротно осуждена и на всегда отвергнута. Подобный взглядъ русскаго правительства освѣщаетъ какъ нельзя лучше неправильность пути, по которому идетъ мѣстная администрація въ отношеніи римско-католической церкви и даетъ должную оцѣнку всѣмъ ея дѣйствіямъ по отношенію къ римско-католическому населенію въ Западной части имперіи.

Мы указали уже выше на тѣ такъ называемые «проступки» католическаго духовенства въ Западномъ краѣ, т. е. нарушеніе имъ разныхъ административныхъ запрещеній, за которое подвергается оно штрафамъ въ административномъ порядкѣ. Наложеніе штрафовъ этихъ вызываетъ цѣлый рядъ недоумѣній самаго серьезнаго характера. Такъ, на основаніи буквальнаго смысла статьи 80 устава духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (по очер. прод. т. XI ч. 1 Св. Зак. изд. 1893 г. прил.) никто изъ принадлежныхъ къ рим-

ско-католическому духовенству и въ коренной Россіи не можетъ отлучиться изъ мѣста пребыванія своего или службы безъ вида отъ подлежащаго своего начальства, а паспорты для дальнихъ отлучекъ выдаются губернаторами по требованію епархіальныхъ начальниковъ во всѣ губерніи. Такимъ образомъ разрѣшенія гражданскаго начальства на отлучки лицъ римско-католическаго духовенства закономъ вовсе не требуются, а разрѣшеніе такое какъ и паспорты даются имъ непосредственнымъ епархіальнымъ духовнымъ начальствомъ, за исключеніемъ отлучекъ въ другія губерніи, на которыя паспорты, по требованію католическаго епископа, выдаются губернаторами. Между тѣмъ, циркуляромъ виленскаго генералъ-губернатора графа Тотлебена отъ 29 апрѣля 1881 г.[1] лица католическаго духовенства за отлучки изъ своихъ приходовъ безъ разрѣшенія полиціи и выдаваемаго послѣдней паспорта подвергаются штрафу до ста рублей.

Равнымъ образомъ по буквальному смыслу пункта 4 ст. 107 тогоже устава (по прод. 1893 г.) починка и совершенное обновленіе римско-католическихъ церквей въ Западномъ краѣ и коренной Россіи обветшавшихъ или вслѣдствіе какого либо несчастнаго случая разрушившихся, а также обветшавшихъ и разрушившихся филій и каплицъ, производится съ разрѣшенія духовнаго начальства, а между тѣмъ, въ силу того же циркуляра графа Тотлебена лица римско-католическаго духовенства въ Западномъ краѣ за починку, не говоря уже объ обновленіи, костеловъ филій и каплицъ безъ разрѣшенія гражданскаго начальства под-

[1] За Nr. 326—328.

вергаются штрафамъ до ста рублей. Сверхъ сего, по закону (ст. 422 зак. о. сост. Св. Зак. т. IX изд. 1876 г.) лица римско-католическаго духовенства за преступленія и проступки въ кругу ихъ духовнаго званія и исполненія ими своихъ духовныхъ обязанностей подлежатъ суду духовному. Поэтому и нарушеніе ими различныхъ воспрещеній, относящихся къ совершенію богослуженія, совершенію требъ и обрядовъ церковныхъ, какъ проступки исключительно въ кругу отправленія ими своихъ служебныхъ обязанностей въ тѣсномъ смыслѣ слова должны, безъ всякаго сомѣнія, подлежать суду духовному или расправѣ духовной.

Кому именно должно быть предоставлено наложеніе за нарушеніе этихъ воспрещеній наказаній въ видѣ штрафовъ и т. д., это дѣло внутреннихъ распорядковъ римско-католической церкви. Суть дѣла заключается въ томъ, чтобы за нарушеніе служебныхъ обязанностей, а равно въ томъ числѣ и обязанности соблюдать относящіяся къ исполненію этихъ обязанностей правительственныя воспрещенія, римско-католическое духовенство, согласно точному предписанію закона, подвергалось взысканіямъ по распоряженію своего духовнаго начальства, а не по усмотрѣнію властей гражданскихъ. Когда въ исходѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ исполненіе Высочайше утвержденнаго 11 іюня 1872 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта о введеніи въ Западномъ краѣ мировыхъ учрежденій, шло производство объ утвержденіи Высочайшей властью всѣхъ ранѣе изданныхъ и не отмѣненныхъ генералъ-губернаторскихъ распоряженій съ тѣмъ, чтобы, по таковомъ утвержденіи, взысканія за ихъ нарушеніе налагались уже впредь по

рѣшеніямъ мировыхъ судебныхъ установленій, а не по распоряженіямъ генералъ-губернаторовъ, то въ число проступковъ, подлежавшихъ разбирательству мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ были включены также и проступки ксендзовъ въ кругу отправленія ими обязанностей своего духовнаго званія, какъ то: отлучка въ другіе приходы безъ разрѣшенія полиціи и участіе тамъ въ совершеніи богослуженія, совершеніе крестныхъ ходовъ въ костельной оградѣ въ дни, не обозначенные въ особой утвержденной генералъ-губернаторомъ табели и т. д.

Конечно наложеніе за нарушенія эти взысканій мировыми судебными установленіями въ сравненіи съ наложеніемъ ихъ по усмотрѣнію администраціи составлялобы значительный шагъ впередъ на почвѣ закономѣрности.

По основнымъ началамъ русскаго законодательства наложеніе всякихъ вообще взысканій за проступки, хотябы и въ административномъ порядкѣ, должно совмѣщать въ себѣ слѣдующія условія: 1) проступокъ этотъ долженъ быть предусмотрѣнъ и воспрещенъ общимъ распоряженіемъ подлежащей и компетентной административной власти и 2) распоряженіе это должно быть объявлено во всеобщее свѣдѣніе, дабы всѣмъ было извѣстно. Оба эти элементарныя условія наложенія взысканій, установленныя закономъ, нарушаются администраціей въ Западномъ краѣ. Огромное большинство воспретительныхъ генералъ-губернаторскихъ распоряженій по этому краю издано секретно и мѣстному нселенію совершенно неизвѣстно. Кромѣ проступковъ, исчисленныхъ въ циркулярѣ генералъ-губернатора графа Тотлебена отъ 29 апрѣля 1881 г.,

послѣднимъ изъ всѣхъ запретительныхъ распоряженій генералъ-губернаторовъ Сѣверо-Западнаго края, послѣ котораго всѣ ранѣе изданныя воспретительныя распоряженія отмѣняются, генералъ-губернаторы сверхъ того штрафуютъ римско-католическихъ священниковъ и за дѣйствія ранѣе генералъ-губернаторскими распоряженіями непредусмотрѣнныя и вовсе не воспрещенныя.

Эта административная мнительность, это улавливаніе ксендзовскихъ проступковъ и ихъ штрафованіе администраціей Западнаго края доведено до положительной изобрѣтательности, образчики которой мы и приводимъ здѣсь же.

Если бы мы вздумали изложить лишь тѣ штрафованія римско-католическихъ священниковъ и декановъ Сѣверо-Западнаго края, которыя постигли ихъ на основаніи циркуляра графа Тотлебена отъ 29 апрѣля 1881 г., послѣдняго изъ воспретительныхъ генералъ-губернаторскихъ распоряженій, отмѣнившаго всѣ предшествовавшія, и лишь за послѣдніе только годы, то намъ пришлось бы исписать нѣсколько томовъ. Оставляя по этому въ сторонѣ эти ординарныя ежедневныя штрафованія, мы коснемся здѣсь тѣхъ лишь штрафованій, которыя не основываются ни на законахъ, ни на административныхъ даже распоряженіяхъ, а единственно лишь на административномъ усмотрѣніи и вдохновеніи. Изъ штрафованій этихъ мы изложимъ самыя найхарактернѣйшія за время генералъ-губернаторства генералъ-лейтенанта Оржевскаго, т. е. за послѣдніе два года (1893—1894).

Лынтупское католическое кладбище, расположенное въ полуверстѣ отъ м. Лынтупъ Свенцянскаго

уѣзда, Виленской губерніи, при своихъ значительныхъ размѣрахъ было вовсе неогорожено. Естественно, прихожане старались хоронить своихъ покойниковъ по срединѣ, разрывая нерѣдко старыя могилы и крайне неохотно подвигаясь къ пустымъ его окраинамъ. Во избѣжаніе этого мѣстный приходскій ксендзъ Іосифъ Рауба построилъ вокругъ кладбища каменную ограду, а по угламъ и вдоль стѣнъ ея устроилъ надъ погребенными въ этихъ мѣстахъ по желанію ихъ родственниковъ, каменные памятники. Такимъ образомъ въ теченіи пяти лѣтъ Лынтупское кладбище было обнесено оградой и украшено симметрически устроенными по краямъ его памятниками. Но вдругъ полиціи показалось, по истеченіи пяти лѣтъ, что памятники эти похожи на часовни. Виленскій губернаторъ представилъ генералъ-губернатору[1], что «памятники эти имѣютъ видъ часовенъ, а число ихъ и порядокъ расположенія даютъ поводъ предполагать устройство ксендзомъ Раубою кальваріи безъ вѣдома и разрѣшенія гражданскаго начальства». За это губернаторское предположеніе ксендзъ Рауба въ февралѣ 1893 г. генералъ-лейтенантомъ Оржевскимъ оштрафованъ 100 рублями.

Мѣщанка г. Вилкомира Лукерія Василевская, живя много лѣтъ въ католическомъ семействѣ, тщательно скрывала свою принадлежность къ православной вѣрѣ и потому, когда родила незаконнорожденнаго ребенка, не желая, какъ дѣвица, разглашенія случившагося въ своемъ околоткѣ, отправила его для крещенія въ м. Полепы, гдѣ онъ по заявленію кумовей-католиковъ,

---

[1] Отъ 17 февраля 1893 г. за Nr. 389.

хорошо ксендзу извѣстныхъ, что мать новорожденнаго католичка, ксендзомъ этимъ и былъ окрещенъ по римско-католическому обряду. Чрезъ годъ узналъ объ этомъ уѣздный исправникъ и донесъ губернатору. Губернаторъ Ковенскій[1] заявляетъ генералъ-губернатору, что ксендзъ Викентій Богдышенко, введенный въ заблужденіе кумовьями, въ свою очередь обманутыми матерью новорожденнаго, здѣсь собственно ни при чемъ и потому, хотя и можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности по улож. о наказ., но, какъ введенный въ заблужденіе, будетъ навѣрно оправданъ, и что по этимъ соображеніямъ онъ полагалъ бы, не возбуждая противъ ксендза Богдышенко судебнаго преслѣдованія, подвергнуть его въ административномъ порядкѣ штрафу въ 50 рублей. Представленіе это уважено, и ксендзъ Богдышенко въ мартѣ 1893 г., свыше года спустя послѣ крещенія незаконнорожденнаго дѣвицы Василевской, оштрафованъ 50 рублями.

Крестьяне Оникштынской волости Вилкомирскаго уѣзда Ковенской губерніи жаловались губернатору на становаго пристава за то, что онъ воспрещаетъ имъ во время проводовъ покойниковъ по улицамъ м. Оникшты пѣть погребальныя пѣснопѣнія. На сдѣланный запросъ, почему ксендзомъ не сообщено народу о запрещеніи пѣть при погребеніи покойниковъ пѣсни на польскомъ языкѣ, ксендзъ Уссель разъяснилъ, что распоряженія, воспрещающаго пѣть погребальныя молитвы по-польски, не существуетъ. Губернаторъ поручилъ исправнику объявить ксендзу Усселю подъ

---

[1] Отъ 25 февраля 1893 г. за Nr. 2134.

росписку распоряженіе бывшаго генералъ-губернатора края отъ 24 ноября 1887 г., ксендзъ Уссель отъ дачи подписки отказался. За отказъ этотъ, не предусмотрѣнный никакими законами ни распоряженіями, ксендзъ Уссель по представленію губернатора[1] въ апрѣлѣ 1893 г. оштрафованъ генералъ-губернаторомъ на 25 рублей.

Преподаватель тельшевской духовной семинаріи ксендзъ Петръ Боровскій съ 20 декабря 1892 г. по 10 января 1893 г., находясь въ отпуску въ им. Дветенъ курляндской губерніи, участвовалъ тамъ въ совершеніи богослуженія. Хотя воспрещеніе католическимъ священникамъ, какъ отлучаться въ другіе приходы, такъ и совершать тамъ богослуженіе безъ разрѣшенія полиціи, существуетъ лишь въ Западномъ краѣ и на курляндскую губернію власть виленскаго генералъ-губератора вовсе не распространяется, тѣмъ не менѣе за участіе въ совершеніи богослуженія въ курляндской губерніи ксендзъ Боровскій оштрафованъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ[2] въ сентябрѣ 1893 г. 50 рублями.

Въ Налибокскомъ римско-католическомъ приходѣ ошмянскаго уѣзда виленской губерніи лѣтомъ 1893 г. строилась съ разрѣшенія генералъ-губернатора новая каменная ограда, въ замѣнъ старой деревянной. Нагрянувъ въ самомъ началѣ работы, когда разсчеты за доставленный кирпичъ и работы, только что начатыя, естественно, не были еще произведены, уѣздный исправикъ призналъ какъ доставку кирпича, такъ и

---

[1] Отъ 13 апрѣля 1893 г. за Nr. 4230.

[2] Предложеніе ковенскому губернатору отъ 7 сентября 1893 г. за Nr. 1527.

производство работъ безплатными и при этомъ въ самомъ костелѣ усмотрѣлъ на стѣнѣ портретъ бывшаго виленскаго римско-католическаго епископа Гриневицкаго и донесъ объ этомъ генералъ-губернатору. Ксендзъ Сидоровичъ за устройство ограды не на собственныя средства оштрафованъ 100 рублями, а за нахожденіе въ костелѣ портрета бывшаго епископа Гриневицкаго еще 100 рублями, такъ что за устройство костельной ограды ксендзъ Сидоровичъ по представленію виленскаго губернатора[1] поплатился 200 рублями.

Можно, конечно найти, что религіозное благочестіе народа, побуждающее его приносить свою лепту въ видѣ одного рабочаго дня или кубика кирпича на поправку костела либо постройкою костельной ограды не соотвѣтствуетъ видамъ правительства, но, пока нѣтъ этого запрещенія и не сообщено объ этомъ приходскимъ священникамъ, взысканіе за это денежныхъ штрафовъ представляется изумительнымъ.

Филіалистъ Радзивилишскаго костела поневѣжскаго уѣзда ковенской губерніи ксендзъ Альбинъ Ольсейко въ апрѣлѣ 1893 г. по предписанію врачей долженъ былъ безотлагательно уѣхать въ г. Ригу для производства ему въ клиникѣ операціи снятія нароста, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ образовавшагося на темянной части головы и постепенно углублявшагося въ черепъ. Заявивъ въ установленномъ порядкѣ ходатайство о выдачѣ ему билета на поѣздку въ г. Ригу и долго не получая таковаго, ксендзъ Ольсейко въ виду опасности смертельнаго исхода таковаго замедленія уѣхалъ, не дождавшись этого билета и объ отъ-

[1] Отъ 12 іюня 1893 г. за Nr. 1396.

ѣздѣ своемъ послалъ рапортъ губернатору и заявленіе становому приставу. По поводу поѣздки этой губернаторъ ковенскій представилъ генералъ-губернатору[1], что, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ поѣздку ксендза Ольсейко въ г. Ригу безъ разрѣшенія гражданской власти и снисходя къ болѣзненному состоянію его здоровья, полагалъ бы взысканію за означенную отлучку ксендза Ольсейко не подвергать. Тѣмъ не менѣе за отлучку эту ксендзъ Ольсейко былъ подвергнутъ генералъ-губернаторомъ штрафу въ 25 рублей.

Въ исходѣ іюля 1893 г. виленскій губернаторъ донесъ генералъ-губернатору[2], что вновь назначенный настоятелемъ Задоружскаго костела дисненскаго уѣзда, ксендзъ Матвѣй Юзефовичъ распространилъ слухъ о томъ, что правительство въ настоящее время само сознаетъ преимущество католической религіи передъ православной, что еще лучшія времена настанутъ, что его настоятеля, лично знаетъ Государь Императоръ, что онъ съ Его Величествомъ даже обѣдалъ вмѣстѣ, что былъ случай, когда сосѣдній черневичскій православный священникъ безъ шапки бѣжалъ за нимъ отъ квартиры своей на большое разстояніе и просилъ у него прощенія, но онъ даже не остановился и поѣхалъ домой. «По провѣркѣ свѣдѣній о распространенномъ кс. Юзефовичемъ слухѣ дисненскимъ уѣзднымъ исправникомъ — пишетъ далѣе губернаторъ въ своемъ представленіи — выяснилось, что ксендзъ Юзефовичъ успѣлъ вызвать среди прихожанъ особенную къ себѣ

---

[1] Отъ 28 іюня 1893 г. за Nr. 7805.
[2] Отъ 29 іюня 1893 г. за Nr. 1848.

симпатію и довѣріе, такъ что прихожане отзываются о немъ съ какимъ то благоговѣніемъ, что со времени назначенія, какъ замѣтилъ черневичскій православный священникъ, стали отсутствовать въ церкви многіе изъ прихожанъ этого послѣдняго, еще неокрѣпшихъ въ православной религіи, отправляясь, надо полагать, въ Задорожскій костелъ, что, какъ передалъ этотъ священникъ, кс. Юзефовичъ какъ то поѣхалъ къ его дому, постоялъ съ минуту на крыльцѣ и сейчасъ же уѣхалъ, а потомъ распустилъ слухъ, будто-бы онъ священникъ бѣжалъ за нимъ и просилъ прощенія, что установить дознаніемъ прописанныя дѣянія ксендза не представляется возможнымъ, что обстоятельствомъ подтверждающимъ неблагонадежность ксендза служитъ приведенный расказъ священника, согласный съ обстоятельствами дѣла, что 24 іюня кс. Юзефовичъ, отпѣвая въ Борисковичской часовнѣ, въ которой разрѣшено совершать богослуженіе лишь во время отпѣванія мертвыхъ тѣлъ, покойную дворянку Юзефу Зарембо, совершилъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ похоронъ торжественную обѣдню и акаѳистъ Св. Іоанну Предтечѣ, а нѣкоторыхъ прихожанъ исповѣдывалъ и пріобщалъ. Такъ какъ — заканчиваетъ губернаторъ свое представленіе — фактическихъ данныхъ къ обвиненію кс. Юзефовича въ распространеніи ложныхъ слуховъ съ цѣлью унизить православіе не добыто, то я съ своей стороны полагалъ бы подвергнуть кс. Юзефовича за неумѣстный и оскорбительный поступокъ его по отношенію къ православному священнику черневичской церкви, а также и за совершеніе имъ 24 минувшаго іюня въ Борисковичской часовнѣ богослуженія — денежному штрафу въ размѣрѣ 100 рублей.

За дѣянія эти кс. Юзефовичъ тотчасъ оштрафованъ 100 рублями по распоряженію генералъ-губернатора.

Въ августѣ 1893 г. настоятель парафіановскаго костела виленскаго уѣзда ксендзъ Адольфъ Мочульскій и органистъ Матвѣй Скрынскій, по представленію виленскаго губернатора[1] оштрафованы генералъ-губернаторомъ первый 20 руб., а послѣдній 5-ю, за развозъ послѣднимъ передъ Рождествомъ предъидущаго года по приходу облатковъ, между тѣмъ какъ развозъ такой вовсе не воспрещенъ никакими распоряженіями.

Въ февралѣ 1893 г. въ радзивилишскомъ приходѣ шавельскаго уѣзда ковенской губерніи происходили похороны землевладѣльца Довята. При похоронахъ присутствовалъ безъ разрѣшенія гражданской власти филіалистъ Боланскаго костела ксендзъ Кржижевичъ и при опусканіи тѣла въ могилу произнесъ рѣчь. Губернаторъ представилъ[2] ксендза Кржижевича за отлучку въ другой приходъ безъ разрѣшенія гражданскаго начальства къ штрафу въ 25 рублей. Но генералъ-губернаторъ на губернаторскомъ представленіи положилъ слѣдующую резолюцію: «за отлучки безъ разрѣшенія согласенъ оштрафовать 25 рублями, а за произнесеніе рѣчи на польскомъ языкѣ еще 75 рублями всего 100 рублей. При этомъ выразить г. губернатору мое сожалѣніе, что Его Превосходительство не изволилъ обратить должнаго вниманія на мой циркуляръ и не придалъ особаго, какъ бы слѣдовало, значенія польской рѣчи ксендза. Безъ объясненія мотивовъ подвергнуть ксендза должному штрафу въ

---

[1] Отъ 2 августа 1893 г. за Nr. 1911.
[2] Отъ 4 августа 1893 г. за Nr. 9506.

100 рублей.» Эта генералъ-губернаторская резолюція въ высокой степени любопытна. Хотя генералъ-лейтенантъ Оржевскій изобрѣлъ нѣкоторыя новыя воспрещенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, никогда не существовавшія, тѣмъ не менѣе воспрещенія — произносить по польскомъ помѣщикѣ надгробное слово по польски — не было.

Въ 1886 г. ксендзъ Юхневичъ, за возбужденіе крестьянъ при закрытіи Кейстантускаго костела тельшевскаго уѣзда ковенской губерніи, сосланъ былъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ въ Яренскъ Вологодской губерніи на пять лѣтъ. Въ декабрѣ 1889 г. ксендзъ Юхневичъ препровожденъ былъ для заключенія въ аглонскій доминиканскій монастырь Витебской губерніи срокомъ на два года. Въ декабрѣ 1891 г. по освобожденіи изъ монастыря, ксендзъ Юхневичъ прибылъ къ своему епархіальному начальству въ г. Ковно. Епископъ съ согласія губернатора помѣстилъ его въ хвейданской алтаріи при Хвейданскомъ приходскомъ костелѣ. Полиція усмотрѣла, что ксендзъ Юхневичъ совершаетъ требы въ хвейданскомъ приходѣ и губернаторъ потребовалъ, какъ отъ хвейданскаго приходскаго ксендза Бартошевича, такъ и отъ самого Юхневича объясненій, на какомъ основаніи послѣдній совершаетъ требы. На требованіе это оба они объяснили, что, какъ ксендзъ, этотъ послѣдній имѣетъ право совершать требы и о воспрещеніи ему совершенія таковыхъ никакого распоряженія не было. Губернаторъ запрашиваетъ епископа, были ли ксендзы Бартошевичъ и Юхневичъ поставлены имъ въ извѣстность, что послѣдній поселяется при хвейданскомъ костелѣ подъ условіемъ не принимать участія въ бо-

гослуженіи и не совершатъ требъ. На запросъ этотъ епископъ отвѣтилъ, что ксендзъ Юхневичъ по обязанности алтариста обязанъ помогать приходскому ксендзу въ исполненіи требъ, что божественный законъ обязываетъ всякаго священника совершать литургію, святыя таинства и другія священнодѣйствія, что, не совершая требъ, ксендзъ Юхневичъ не имѣлъ бы никакихъ средствъ къ существованію, а по этому онъ епископъ, не могъ поставить въ извѣстность ксендзовъ Бартошевича и Юхневича, чтобы послѣдній не священнодѣйствовалъ, какъ это было отъ него епископа потребовано губернаторомъ при поселеніи ксендза Юхневича въ хвейданской алтаріи.

Хотя такимъ образомъ виновнымъ могъ быть признанъ единственно только епископъ, тѣмъ не менѣе за допущеніе ксендза Юхневича къ исполненію требъ въ хвейданскомъ приходѣ по представленію ковенскаго губернатора[1] оштрафованъ былъ генералъ-губернаторомъ[2] приходской ксендзъ Бартошевичъ 100 рублями, а наказать самого Юхневича предоставлено губернатору по его усмотрѣнію.

Лѣтомъ 1893 г. настоятель Будславскаго костела вилейскаго уѣзда Виленской губерніи ксендзъ Бучинскій, объѣзжая свой приходъ для повѣрки списковъ прихожанъ, посѣтилъ между прочимъ, смѣшанныя, т. е. состоящія изъ католиковъ и православныхъ, семейства крестьянъ деревни Денисово Ивана Барановскаго и Игнатія Богуцкаго, въ которыхъ большинство членовъ составляютъ православные, относящіеся

---

[1] Отъ 27 іюля 1893 г. за Nr. 9077.

[2] Предложеніе губернатору отъ 12 августа 1893 г. за Nr. 1363.

къ приходу кривичской церкви. Посѣтивъ эти семьи, ксендзъ вмѣстѣ съ тѣмъ освятилъ дома ихъ, а за это освященіе ксендзъ Бучинскій по представленію виленскаго губернатора[1] въ августѣ того же года оштрафованъ генералъ-губернаторомъ 100 рублями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, губернаторъ виленскій, по уполномочію генералъ-губернатора, отнесся къ виленскому римско-католическому епископу съ требованіемъ, чтобы ксендзы при объѣздахъ своихъ приходовъ для повѣрки списковъ прихожанъ, не смѣли заходить въ тѣ крестьянскія семейства, гдѣ на ряду съ католиками имѣются и православные члены, а членовъ католиковъ этихъ семействъ вызывали бы къ себѣ въ сосѣднія исключительно католическія семьи. Требованіе это не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

Въ числѣ присоединенныхъ къ православію въ 1866 г., но остающихся до сего времени «упорствующими въ латинствѣ» и отрицающими свою принадлежность къ православной вѣрѣ, состоитъ семья крестьянина деревни Большихъ Кошевникъ виленскаго уѣзда Мартина Матусевича. Лѣтомъ 1891 г. едва прибылъ въ Лебедевскій римско-католическій приходъ настоятель кс. Корнъ, какъ къ нему тотчасъ явились изъ деревни этой два лица съ новорожденнымъ ребенкомъ и, увѣривъ его въ принадлежности его къ католической церкви достигли его окрещенія. Лишь около года спустя, получивъ отъ священника сосѣдней молодечнянской церкви списокъ присоединенныхъ къ православію и «упорствующихъ въ латинствѣ» крестьянъ молодечнянскаго прихода, ксендзъ Корнъ узналъ, что

---

[1] Отъ 13 августа 1893 г. за Nr. 2006.

онъ обманутъ кумовьями Мартина Матусевича, о чемъ самъ же и сообщилъ уѣздному исправнику. Не смотря однако на явную невиновность въ происшедшемъ, ксендзъ Корнъ по представленію виленскаго губернатора[1] оштрафованъ генералъ-губернаторомъ, за несоблюденіе предосторожности 100 рублями.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 29 іюня 1892 г. разрѣшенъ былъ въ Россіи сборъ пожертвованій на юбилей Папы Льва XIII подъ условіемъ, чтобы о сборѣ этомъ не было дѣлаемо объявленій въ костелахъ и публикацій въ газетахъ. Въ январѣ слѣдующаго 1893 г. настоятель Шавлянскаго костела шавельскаго уѣзда ксендзъ Викторъ Рустейко съ амвона объявилъ прихожанамъ своимъ о празднованіи юбилея пятидесятилѣтія служенія въ епископскомъ санѣ Льва XIII будущаго 17 февраля, а викарный того же костела, разъѣзжая по приходу для провѣрки списковъ прихожанъ, принималъ, между прочимъ, и добровольныя пожертвованія на Папскій юбилей. Это объявленіе ксендза Рустейко о празднованіи юбилея 17 февраля 1893 г. было приравнено къ объявленію и напоминанію о пожертвованіяхъ, и какъ ксендзъ Рустейко, такъ и викарный Кревертовичъ оштрафованы генералъ-губернаторомъ. Первый на сто пятьдесятъ рублей, а второй на 50 рублей.[2]

Крестьяне Вобольникскаго костела поневѣжскаго уѣзда ковенской губерніи пожертвовали для своего костела большой новый колоколъ. Настоятель костела ксендзъ Павловскій въ декабрѣ 1892 г., получивъ

---

[1] Отъ 12 августа 1893 г. за Nr. 2005.

[2] Предложеніе ковенскому губернатору отъ 7 сентября 1893 г. за Nr. 1523.

указъ своей духовной консисторіи, что столь незначительныя въ костелахъ исправленія, какъ пробитіе въ стѣнахъ колокольни дыръ и вставленіе въ нихъ новыхъ балокъ для повѣшенія сверхъ старыхъ еще и новаго колокола согласно генералъ-губернаторскимъ распоряженіямъ не требуютъ разрѣшенія гражданской власти, приступилъ къ работамъ по установкѣ новыхъ балокъ. Но вдругъ полиція работы эти пріостановила. Губернаторъ ковенскій объявилъ тельшевской духовной консисторіи, что по его толкованію генералъ-губернаторскихъ распоряженій, хотя эти послѣднія и освобождаютъ римско-католическое духовенство края отъ обязанности испрашивать на работы подобнаго рода предварительное разрѣшеніе высшаго гражданскаго начальства, не освобождаютъ однако отъ обязанности испрашивать такое разрѣшеніе отъ мѣстнаго губернатора. Хотя, очевидно, ксендзъ Павловскій дѣйствовалъ на основаніи указа своей духовной консисторіи и ссылался на то, что повѣшеніе новаго колокола на колокольнѣ своего костела предположено главнымъ образомъ въ видахъ установленнаго Высочайшимъ повелѣніемъ 7 августа 1851 г. мятельнаго звона, тѣмъ не менѣе онъ былъ оштрафованъ по представленію того же губернатора[1] генералъ-губернаторомъ 100 рублями. Такимъ образомъ, губернаторское толкованіе обошлось ксендзу ни болѣе ни менѣе какъ въ сотню рублей.

Настоятель Таурогенскаго костела ксендзъ Іоаннъ Видмонтъ въ іюнѣ 1893 г., будучи приглашенъ похоронить покойника къ дому, въ которомъ тотъ нахо-

[1] Отъ 23 августа 1893 г. за Nr. 10490.

дился, прошелъ чрезъ мѣстечко въ облаченіи съ преднесеніемъ деревяннаго креста. По донесенію россіенскаго уѣзднаго исправника губернаторъ ковенскій, находя, что шествіе ксендза Видмонта чрезъ мѣстеко Таурогенъ къ дому, гдѣ находился покойникъ, для погребенія послѣдняго, не можетъ считаться сопровожденіемъ его, а составляетъ торжественное шествіе, неразрѣшенное гражданскою властью, представилъ этого ксендза[1] къ оштрафованію, и онъ былъ оштрафованъ за это 50 рублями.

Филіалисту Великскаго филіальнаго костеда поневѣжскаго уѣзда ксендзу Давидовичу разрѣшено было губернаторомъ на крышѣ этого костела гнилыя гонты замѣнить новыми. Такъ какъ старая костельная крыша была окрашена, то ксендзъ Давидовичъ, считая разрѣшеніе замѣнить старую крышу новой разрѣшеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ покрасить послѣднюю, перемѣнивъ старыя гонты на новыя, приступилъ и къ окраскѣ послѣдней. Но краска крыши была пріостановлена, а ксендзъ Давидовичъ по представленію ковенскаго губернатора[2] оштрафованъ генералъ-губернаторомъ на 25 рублей, такъ какъ разрѣшено было перемѣнить гонты, а на окраску не было испрошено особаго разрѣшенія.

Шатейковскій филіальный костелъ тельшевскаго уѣзда построенъ на средства графовъ, которые непосредственно завѣдываютъ хозяйственною частью и его содержаніемъ. Въ началѣ 1893 г. графъ Владиславъ Плятеръ приступилъ къ ремонту этого костела и сдалъ

---

[1] Отъ 7 сентября 1893 г. за Nr. 11162.
[2] Отъ 14 сентября 1893 г. за Nr. 11620.

таковой подрядчику за 750 рублей. Уѣздный исправникъ провѣдалъ вскорѣ, что въ костелѣ этомъ произведена побѣлка и отдѣлка внутреннихъ стѣнъ и потолка, и донесъ объ этомъ губернатору. Губернаторъ ковенскій признавая, что работы эти не могли быть произведены графомъ Плятеромъ безъ согласія ксендза филіалиста, представилъ послѣдняго[1] къ штрафу, и ксендзъ Давидовичъ былъ оштрафованъ за ремонтъ, произведенный графомъ, 50 рублями.

Мы не признаемъ возможнымъ утомлять болѣе вниманіе читателя перечисленіемъ и описаніемъ разныхъ экстраординарныхъ, никакими даже административными распоряженіями не предусмотренныхъ и ни съ чѣмъ не сообразныхъ оштрафованій ксендзовъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ за послѣдніе два года, т. е. времена генералъ-губернаторства генералъ-лейтенанта Оржевскаго. Скажемъ лишь, что изъ штрафовъ ординарныхъ, повседневныхъ категорій, которыхъ нами выше уже указаны, наиболѣе тяжелыми являются для римско-католическаго приходскаго духовенства въ Западномъ краѣ штрафы за такъ называемыя самовольныя отлучки изъ приходовъ. Дѣло въ томъ, что католическій священникъ не имѣетъ права по каноническимъ правиламъ римско-католической церкви совершать таинство евхаристіи, предварительно самъ не исповѣдавшись и не пріобщившись, т. е. не очистившись отъ грѣховъ. Получать своевременно разрѣшеніе полиціи на отлучки въ сосѣдній приходъ для исповѣди и причастія не представляетъ никакой возможности, да и разрѣшенія такія на постоянныя либо

[1] Отъ 22 ноября 1893 г. за Nr. 14734.

періодическія отлучки не были бы даны. Остается по этому для сельскихъ приходскихъ ксендзовъ Западнаго края лишь два исхода. Либо подвергаться безпрестаннымъ штрафамъ, либо совершать таинство евхаристіи, составляющее главный моментъ и суть литургіи, не надлежащимъ образомъ, такъ сказать, лишь дла вида, т. е. правильнѣе говоря, отнимать отъ таинства этого, важнѣйшаго изъ таинствъ всѣхъ христіанскихъ церквей, должную священнодѣйственную его силу и божественное значеніе, выжидая, пока полицейское разрѣшеніе хотя черезъ четыре недѣли въ пятое воскресенье дастъ возможность приступить къ совершенію литургіи съ такими приготовленіями, которыя даютъ ксендзу право совершить это таинство надлежащимъ образомъ.

Въ отношеніи штрафовъ вообще, налагаемыхъ на римско-католическое приходское духовенство, необходимо замѣтить, что весьма нерѣдко штрафы эти уплачиваются прихожанами оштрафованныхъ, и такимъ образомъ является по существу не взысканіемъ съ этого духовенства, а своеобразнымъ государственнымъ косвеннымъ налогомъ, или, выражаясь языкомъ русскаго законодательства, неокладнымъ сборомъ, съ исповѣданія римско-католической религіи въ Западномъ краѣ.

Ни сколько не лучше, если только не хуже еще положеніе римско-католической церкви и римско-католическаго духовенства и въ Царствѣ Польскомъ. Если въ Западномъ краѣ и коренной Россіи должности приходскихъ священниковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія замѣщаются епископомъ по соглашенію съ губернаторомъ, другія духовныя должности по соглашенію его съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и третьи

наконецъ, по его собственному усмотрѣнію (ст. 39 уст. дух. дѣл. иностр. исп. по очер. прод. т. XI ч. 1 Св. Зак. изд. 1893 г. прил.) то въ Царствѣ Польскомъ всѣ положительно должности по приходамъ, епархіальному управленію и семинаріямъ римско-католическаго вѣроисповѣданія замѣщаются непосредственно генералъ-губернаторомъ по представленію епископовъ, восходящему при томъ къ главному начальнику края не непосредственно, а чрезъ губернаторовъ съ ихъ заключеніемъ (тамъ же ст. 122, 126, 129 — и т. д.).

Такимъ образомъ римско-католическіе епископы Царства Польскаго постановлены русскимъ закономъ въ служебно епархическую и церковно-распорядительную зависимость отъ генералъ-губернатора варшавскаго и въ извѣстную ему подчиненность. Затѣмъ въ то время какъ въ Западномъ краѣ правительственный надзоръ и административное тяготѣніе надъ римско-католическою церковью и извѣстная зависимость римско-католической духовной іерархіи отъ властей гражданскихъ вызваны, созданы и обусловлены военнымъ положеніемъ, и по нынѣ фактически какъ бы продолжающимся, и самимъ правительствомъ признаются какъ бы временными и преходящими, регулируясь и опредѣляясь почти исключительно административными разпоряженіями и актами, которые безъ особаго труда, при желаніи правительства могутъ быть измѣнены и даже вовсе отмѣнены. — Тѣ же: зависимость, надзоръ и тяготѣніе въ Царствѣ Польскомъ опредѣляются самимъ закономъ (уст. дух. дѣлъ иностр. исп. по очер. прод. т. XI ч. 1 Св. Зак. изд. 1893 г.).

Отъ положенія римско-католической церкви въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ переходимъ къ

положенію самого вѣроисповѣданія. Положеніе это сказывается и осуществляется прежде всего, конечно, въ той общественной единицѣ, которая называется приходомъ. Римско-католическій приходъ, какъ городской, такъ въ особенности сельскій, въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ выдерживаетъ на себѣ и отражаетъ въ себѣ всѣ законы во всемъ ихъ хаосѣ, русскія административныя распоряженія и безчисленныя мѣропріятія во всей ихъ строгости, во всемъ ихъ напорѣ, всѣ стремленія, желаніа и даже прихоти лицъ, стоящихъ у измѣнчиваго кормила руской административной власти.

Довольно рельефно обнаруживается отношеніе этой власти къ римско-католическому приходу въ Западномъ краѣ въ слѣдующемъ событіи самого позднѣйшаго времени. Какъ уже извѣстно, крестный ходъ вокругъ костела ни коимъ образомъ не разрѣшается, если у него не имѣется ограды. Съ утвержденіемъ генералъ-губернаторомъ виленскимъ выше помянутыхъ реестровъ крестныхъ ходовъ по римско-католическимъ сельскимъ приходамъ края въ костельныхъ оградахъ, многіе изъ приходовъ лишились такихъ крестныхъ ходовъ единственно вслѣдствіе отсутствія у нихъ костельныхъ оградъ. Къ числу приходовъ такихъ принадлежалъ между прочимъ, Корвенскій приходъ виленскаго уѣзда. Генералъ-губернаторскимъ распоряженіемъ, послѣдовавшимъ въ ноябрѣ 1887 г., воспрещены наружные крестные ходы вокругъ Корвенскаго костела по неимѣнію при немъ ограды. По ходатайству прихожанъ въ январѣ 1890 г. имъ было разрѣшено генералъ-губернаторомъ устроитъ вокругъ своего костела каменную ограду. Къ концу 1892 г. вокругъ Корвен-

скаго костела воздвигнута была сплошная каменная ограда выше человѣческаго роста, и настоятель его обратился съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему совершать наружные крестные ходы въ этой оградѣ къ виленскому губернатору чрезъ своего епископа. Губернаторъ виленскій[1] представилъ ходатайство это на разрѣшеніе генералъ-губернатора, и распоряженіемъ послѣдняго отъ 23 декабря того же 1892 г.[2] наружные крестные ходы вокругъ Корвенскаго костела были разрѣшены. Но вотъ 1 января 1893 г., т. е. всего недѣлю спустя, генералъ отъ артиллеріи Кохановъ назначается Членомъ Государственнаго Совѣта и на постъ виленскаго генералъ-губернатора назначается генералъ-лейтенантъ Оржевскій. Тотъ же губернаторъ виленскій, который 17 декабря предшествующаго года прежнему генерадъ-губернатору представлялъ на разрѣшеніе ходатайство прихожанъ Корвенскаго костела совершенно въ благопріятномъ смыслѣ 13 января 1893 г.[3] представляетъ уже новому генералъ-губернатору о встрѣченныхъ имъ къ исполненію разрѣшительнаго распоряженія его предшественника важныхъ препятствіяхъ, а именно: Корвенскій римско-католическій приходъ находится въ центрѣ образованныхъ въ 60-хъ годахъ православныхъ приходовъ интурскаго и подберезскаго, въ которыхъ значительное число присоединенныхъ тогда къ православію вскорѣ отпало отъ него и возвратилось въ католицизмъ, почему наружные крестные ходы вокругъ Корвенскаго костела могутъ оказать вредное вліяніе на присоединенныхъ къ православію. По этимъ при-

[1] Отъ 17 декабря 1892 г. за Nr. 3464.
[2] За Nr. 5968.
[3] За Nr. 44.

чинамъ онъ, губернаторъ, прежде исполненія предложенія прежняго генералъ-губернатора отъ 23 декабря по разрѣшеніи этихъ крестныхъ ходовъ, о выше изложенныхъ препятствіяхъ представляетъ на благоусмотрѣніе новаго генералъ-губернатора.

По представленію этому послѣдній разрѣшеніе предмѣстника своего Корвенскому римско-католическому приходу на совершеніе крестныхъ ходовъ вокругъ костела отмѣнилъ[1] и таковыхъ не разрѣшилъ. А, вѣдь, приходъ этотъ выстроилъ эту ограду единственно ради полученія такого разрѣшенія, въ которомъ разъ постройка ея была разрѣшена, нельзя уже было сомнѣваться — вѣдь, ограда эта, ограда сплошная и выше роста человѣческаго такъ, что православные и обращенные въ православіе видѣть католическіе крестные ходы вокругъ Корвенскаго костела и ими соблазняться никакъ не могутъ — вѣдь, всего лишь еще въ половинѣ ноября предшествовавшаго 1892 г. виленскій губернаторъ не находилъ препятствій къ разрѣшенію этихъ ходовъ, а въ половинѣ января 1893 г. нашелъ важныя препятствія существующія будтобы, по его же собственному увѣренію, съ 60 годовъ, т. е. цѣлыхъ 30 лѣтъ — вѣдь, наконецъ, постройка сплошной каменной ограды выше человѣческаго роста вокругъ костела вызвала расходы, для какого нибудь сельскаго прихода довольно чувствительные.

Факты натиска на религіозно бытовую жизнь католическаго населенія Западнаго края на столько повседневные и многочисленные, что мы имѣемъ возможность привести изъ нихъ наиболѣе характерные.

---

[1] Предложеніе виленскому губернатору отъ 21 апрѣля 1893 г. за Nr. 1482.

Въ исходѣ лѣта 1893 г. умеръ въ деревнѣ Шлавейтахъ тельшевскаго уѣзда ковенской губерніи крестьянинъ Антонъ Мартиновъ Каспутисъ. Согласно волѣ покойнаго, по приглашенію сына его Ивана Каспутиса, друзья и однодеревенцы его Іосифъ Серафинъ, Осипъ Островскій, Леонъ Букшисъ, Иванъ Букшисъ и Владиславъ Урбанъ проводили тѣло отъ дома до мѣстечка Дорбянъ, гдѣ находится приходской костелъ, вплоть до этого послѣдняго играя на духовыхъ инструментахъ. Затѣмъ послѣ отпѣванія тѣла покойнаго Каспутиса въ дорбянскомъ костелѣ тотъ же хоръ музыки проводилъ гробъ отъ костела на кладбище въ предшествіи викарнаго дорбянскаго костела ксендза Жербиса.

На возбужденномъ тельшевскимъ уѣзднымъ исправникомъ дознаніи сынъ покойнаго Иванъ Каспутисъ и музыканты объяснили полиціи, что о существованіи распоряженія, воспрещающаго похороны съ музыкой, они никогда не слыхали и о распоряженіи такомъ ровно ничего не знаютъ. Хотя распоряженія такого въ дѣйствительности и не существуетъ, тѣмъ не менѣе за эту музыку при погребеніи покойнаго Каспутиса, какъ сынъ его Иванъ, пригласившій музыкантовъ изъ друзей покойнаго, такъ и сами музыканты эти и даже ксендзъ Жебрисъ, по представленію ковенскаго губернатора[1] были наказаны по распоряженію генералъ-лейтенанта Оржевскаго. Ксендзъ Жебрисъ уплатилъ штрафа 100 рублей, музыканты отсидѣли подъ арестомъ при полиціи три дня, а Иванъ Каспутисъ за ихъ приглашеніе высидѣлъ при полиціи цѣлую недѣлю.

---

[1] Отъ 6 августа 1893 г. за Nr. 10148.

Всякому маломальски знакомому съ законами россійской имперіи, понятно, что, если генералъ-губернатору виленскому и принадлежитъ право оштрафованія за извѣстныя полицейскія нарушенія, хотя за отмѣной военнаго положенія края подлежащее сомнѣнію, то безъ всякаго уже сомнѣнія право наложенія ареста въ административномъ порядкѣ ему не принадлежитъ, и арестованіе Каспутиса и его однодеревенцевъ представляетъ явное съ его стороны превышеніе власти.

Не менѣе характерно и другое нововведеніе генералъ-лейтенанта Оржевскаго, также касающееся погребенія покойниковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Въ ноябрѣ 1887 г. губернаторъ гродненскій вошелъ къ генералъ-губернатору съ представленіемъ[1], что, онъ, полагалъ бы необходимымъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи во ввѣренной ему губерніи пѣніе крестьянами молитвъ во время погребальныхъ шествій, допуская таковое только на кладбищѣ, такъ какъ отъ публичнаго пѣнія на улицахъ хотя бы и молитвъ весьма не далеко и до пѣнія воспрещенныхъ гимновъ.

Замѣчательно, что представленіе это, какъ въ немъ опредѣлительно выражено, вызвано погребеніемъ покойниковъ самими крестьянами за неимѣніемъ у нихъ ксендзовъ вслѣдствіе закрытія костеловъ въ разныхъ мѣстностяхъ края. По представленію этому послѣдовалъ генералъ-губернаторскій циркуляръ отъ 24 ноября 1887 г.[2], которымъ пѣніе при проводахъ покойниковъ

---

[1] Отъ 6 ноября за Nr. 10177.

[2] За Nr. 1421—1429.

погребальныхъ молитвъ на польскомъ языкѣ на улицахъ строго воспрещается и допускается лишь на самихъ кладбищахъ.

Вслѣдъ, затѣмъ, генералъ-губернаторскимъ циркуляромъ отъ 30 того же ноября разъяснено, что воспрещеніе это распространяется лишь на города и многолюдныя мѣстечки, въ которыхъ имѣются православныя церкви; что же касается остальныхъ мѣстностей, то воспрещать или невоспрещать въ нихъ пѣніе погребальныхъ молитвословій по польски предоставляется усмотрѣнію мѣстныхъ губернаторовъ.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь также, что выше упомянутымъ циркуляромъ отъ 24 ноября воспрещено также употребленіе при римско-католическомъ погребеніи какихъ бы то ни было процессіональныхъ знаковъ кромѣ креста. Подъ этыми, недозволяемыми процессіональными, знаками разумѣются хоругви Св. иконы и т. п. Однако администрація Сѣверо-Западнаго края и на этомъ не остановилась. Приведеннымъ распоряженіемъ виленскаго генералъ-губернатора отъ 24 ноября 1887 г. воспрещено пѣніе при римско-католическихъ погребальныхъ шествіяхъ похоронныхъ пѣснопѣній на польскомъ языкѣ и при томъ самимъ составляющимъ шествіе народомъ безъ участія ксендза. Поэтому послѣ изданія этого распоряженія католики Сѣверо-Западнаго края стали провожать своихъ покойниковъ на кладбища непремѣнно въ предшествіи ксендза, который пѣлъ погребальныя молитвы по-латыни, а сопровождавшій гробъ народъ подпѣвалъ за нимъ также по латыни. Такимъ образомъ, римско-католическое населеніе края выполняло свой обрядъ погребенія не нарушая буквы административно-поли-

цейскихъ воспрещеній. Однако чины уѣздной полиціи набрасывались на католическія погребальныя шествія даже изъ за латинскаго пѣнія съ ксендзомъ во главѣ и требовали его прекращенія. Толпа молитвенно настроенная и до нельзя возмущенная прерваніемъ обряда погребенія, вступала съ полицейскими чинами въ серьезныя пререканія и такимъ образомъ происходили крупныя столкновенія между этими послѣдними и народомъ, заканчивавшіяся оштрафованіемъ ксендзовъ не менѣе 100 рублей.

Но вотъ циркулярнымъ на имя губернаторовъ распоряженіемъ нынѣшняго виленскаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта Оржевскаго отъ 14 октября 1894 г.[1] воспрещено при католическихъ погребальныхъ шествіяхъ какія бы то ни было пѣснопѣнія, причемъ предписано вмѣстѣ съ тѣмъ полиціи не допускать при шествіяхъ этихъ несенія какихъ бы то ни было, кромѣ креста, процессіональныхъ знаковъ. Это совершенно новое и безусловное воспрещеніе наложило полный запретъ на должное религіозное напутствіе католика въ жизнь вѣчную. Генералъ-губернаторскій штрафъ слѣдуетъ за этимъ католикомъ даже за предѣлы его земного существованія и останавливается лишь у его открытой могилы.

Наиболѣе рельефнымъ образомъ сказывается, наконецъ административное воздѣйствіе на римско-католическое населеніе Сѣверо-Западнаго края въ закрытіи костеловъ и упраздненіи приходовъ. Закрытіе такое совершается администраціей по разнымъ мотивамъ и соображеніямъ. Мотивы политическіе могли имѣть

---

[1] За Nr. 1610.

мѣсто лишь во время возстанія и то лишь собственно въ отношеніи католическихъ монастырей, а не приходскихъ костеловъ и мы по этому мотивовъ этихъ касаться не будемъ. Ближайшей, вслѣдъ за прекращеніемъ возстанія, причиной закрытія костеловъ и уничтоженія римско-католическихъ приходовъ явился отпоръ, оказанный прихожанами введенію русскаго языка въ такъ называемое дополнительное богослуженіе римско-католической церкви.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 25 декабря 1869 г. существовавшее до того времени правительственное воспрещеніе употреблять русскій языкъ въ католическомъ богослуженіи отмѣнено и такое употребленіе разрѣшено, причемъ употребленіе это предоставлено желанію самихъ прихожанъ, которые о желаніи такомъ въ сельскихъ приходахъ должны были составить общественные приговоры. Несмотря на рвеніе чиновъ полиціи въ весьма немногихъ лишь приходахъ, составлены были такіе приговоры и то лишь въ одной минской губерніи. Приходовъ, давшихъ свое согласіе употреблять русскій языкъ въ дополнительномъ богослуженіи оказалось всего 16, такъ какъ однако согласіе такое было вынужденнымъ, не искреннимъ и совершенно призрачнымъ, то тѣ же римско-католическіе приходы минской губерніи, которые его дали тотчасъ же отъ него отступились: однако отступленіе это отъ вынужденнаго согласія имѣло весьма серьезныя послѣдствія. Въ приходы отказавшіеся отъ употребленія русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи, администрація вовсе не допускала назначенія ксендзовъ. Если же какой либо ксендзъ, назначенный изъ этихъ приходовъ, пообѣщавъ губернатору соблюдать ранѣе вынужденный

у общества приговоръ и допускался въ приходъ, то затѣмъ, поставленный въ необходимость предъ своими прихожанами отказатьзя отъ такого соблюденія высылался изъ прихода въ административномъ порядкѣ. Приходы оставались безъ ксендзовъ, новорожденные безъ крещенія, умершіе безъ напутствія, но римско-католическое населеніе отстаивало свою римско-католическую церковь.

Не успѣвъ сломать этого упорства, администрація нѣсколько такихъ упорствующихъ приходовъ вовсе уничтожила и костелы ихъ закрыла.

Другой причиной уничтоженія римско-католическихъ приходовъ въ Западномъ краѣ и закрытія ихъ костеловъ послужило близкое сосѣдство ихъ съ бывшими католическими и уніятскими приходами, насильственно обращенными въ православіе. Подобные, обращенные естественно, выражаясь языкомъ русскаго правительства, упорствовали въ вѣрѣ, въ которой родились и старались удовлетворить свои религіозныя потребности въ ближайшихъ католическихъ приходахъ.

Не имѣя никакой возможности совершенно пресѣчъ и окончательно прекратить такое удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ греко-уніатовъ въ ближайшихъ католическихъ приходахъ, администрація прямо уничтожала эти послѣдніе, закрывая костелы. Типичнымъ образцомъ закрытій этого рода является закрытіе Следзяновскаго и Гранновскаго костеловъ, послѣдовавшее въ 1886 г.

Генералъ-губернаторы варшавскій и виленскій признали, что римско-католическіе костелы гродненской губерніи расположенные вдоль теченія рѣки Западнаго

Буга, по границѣ этой губерніи съ сѣдлецкой губерніей Царства польскаго служатъ мѣстами удовлетворенія церковно-религіозныхъ нуждъ и потребностей бывшихъ уніатовъ этой послѣдней губерніи, обращенныхъ въ православіе въ 1876 г. и упорствующихъ въ уніи. Хотя никакихъ сколько нибудь достаточныхъ доказательствъ того, что въ пяти костелахъ по границѣ бѣльскаго уѣзда гродненской губерніи и бѣльскаго же уѣзда сѣдлецой губерніи совершаются ксендзами требы для упорствующихъ уніатовъ, не добыто, тѣмъ не менѣе министромъ внутреннихъ дѣлъ было испрошено Высочайшее повелѣніе два изъ этихъ пяти костеловъ, Следзяновскій и Гранновскій, закрыть. Высочайшее повелѣніе это состоялось 5 іюня 1886 г. и 4 іюля, т. е. чрезъ 29 дней закрытіе было уже совершено гродненскимъ губернаторомъ. Въ сопровожденіи мироваго посредника, становаго пристава, бѣльскаго декана и настоятеля Гранновскаго костела прибылъ губернаторъ гродненскій въ селенія Следзяново и Гранно и собравъ мѣстныхъ прихожанъ въ присутствіи своей свиты и шести сельскихъ старостъ, объявилъ собравшемуся народу, что за исполненіе ксендзами Следзяновскаго и Гранновскаго костеловъ требъ уніатамъ, пріѣзжающимъ изъ за Буга, костелы эти по Высочайшему повелѣнію закрываются и такая же участь постигнетъ и всѣ прочіе мѣстные костелы, ксендзы которыхъ рѣшатся принимать у себя уніатовъ и исполнять имъ какія бы то ни было требы. Послѣ объявленія этого костелы были опечатаны казенными печатями и закрыты. Закрытіе обошлось безъ всякихъ инциндентовъ: въ безмолвіи подчинился народъ лишенію его старинныхъ храмовъ.

Есть, наконецъ, и такія закрытія костеловъ въ Западномъ краѣ, которыя не вызываются уже положительно никакими причинами и не имѣютъ вовсе никакихъ мотивовъ, а представляютъ голое и необузданное самопроизволеніе генералъ-губернаторской власти. Найпозднѣйшимъ и знаменательнѣйшимъ изъ такихъ закрытій, является закрытіе оставшагося отъ упраздненнаго монастыря величественнаго костела въ м. Крожахъ росіенскаго уѣзда ковенской губерніи, стоившее многихъ человѣческихъ жертвъ и прогремѣвшее на всю Европу. Оно имѣло мѣсто въ ночь на 10 Ноября 1893 г., оно является крупнымъ достояніемъ новѣйшей исторіи.

По ходу нашего изложенія мы будемъ еще говорить о немъ, и потому ограничиваемся здѣсь лишь нѣсколькими словами.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ОГРАНИЧЕНІЯ УЧЕБНЫХЪ ПРАВЪ ПОЛЯКОВЪ.

Во всякомъ государствѣ и для всякаго народа система государственнаго образованія, составляющая одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ и двигателей общественнаго воспитанія, имѣетъ первостепенное значеніе. Въ государствахъ, въ которыхъ имѣются среди его народонаселія народности, особо покровительствуемыя и народности, особо угнетаемыя, система эта пріобрѣтаетъ значеніе еще большее. Отсюда вытекаетъ, что система образованія польскаго юношества въ Россіи имѣетъ значеніе въ полномъ смыслѣ слова громадное. Такъ какъ система эта, нынѣ дѣйствую-

щая слагалась отдѣльно и неодинаково въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ, то мы и поставлены въ необходимость разсмотрѣть эти двѣ системы въ нѣкоторой отдѣльности, начиная снизу, съ начальныхъ училищъ.

Наилучшимъ показателемъ ихъ положенія и учебно-воспитательнаго знанія въ Царствѣ Польскомъ служитъ исторія довольно замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ вопроса о допущеніи Римско-Католическаго духовенства къ преподаванію Закона Божія въ этихъ начальныхъ училищахъ.

Уставъ объ общественномъ воспитаніи въ Царствѣ Польскомъ 1862 г. предоставлялъ римско-католическому духовенству религіозное обученіе подрастающихъ поколѣній въ начальныхъ училищахъ. Но уже 30 августа 1864 г. воспослѣдовалъ Высочайшій указъ о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ, которымъ установлено, что въ начальныхъ училищахъ, какъ гминныхъ такъ и сельскихъ, Закону Божію, молитвамъ и священной исторіи обучаетъ либо учитель, преподающій другіе предметы, либо мѣстный приходскій священникъ, по усмотрѣнію общества, завѣдывающаго училищемъ и съ разрѣшенія начальника учебной дирекціи. Чтоже касается училищъ городскихъ, то въ нихъ этотъ начальникъ назначаетъ для преподаванія Закона Божія особого законоучителя, либо поручаетъ этотъ предметъ учителю, принимая при этомъ въ соображеніе желаніе мѣстныхъ жителей и средства училища (ст. 54). Представляется очевиднымъ, что хотя Высочайшій указъ этотъ религіозное обученіе юношества въ начальныхъ училищахъ коренной Польши изъемлетъ уже изъ исключительной

компетенціи мѣстнаго приходскаго духовника, которому было оно предоставлено уставомъ 1862 г., тѣмъ не менѣе однако, разбивая это обученіе между мѣстнымъ приходскимъ священникомъ и учителемъ училища, выборъ преподавателя Закона Божія изъ этихъ двухъ лицъ, онъ предоставляетъ училищнымъ обществамъ т. е. общинамъ гминнымъ и сельскимъ, въ лицѣ ихъ школьныхъ комитетовъ, признаваемымъ указомъ этимъ инстанціей, завѣдывающей училищемъ. Такъ русскій законъ назначеніе законоучителя въ начальныя сельскія училища Царства Польскаго предоставляетъ усмотрѣнію того гминнаго или сельскаго общества, которое по буквальному смыслу того же закона, является инстанціей завѣдывающей этимъ училищемъ; при чемъ разрѣшеніе учебной дирекціи представляется условіемъ назначенія ксендза въ законоучители начальнаго училища совершенно второстепеннымъ и главнѣйшимъ образомъ формальнымъ такъ, что неразрѣшеніе можетъ имѣть мѣсто лишь въ случаяхъ совершенно исключительныхъ.

Несмотря однако на столь ясный смыслъ закона, въ 1879 г., при назначеніи на должность нынѣшняго попечителя варшавскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Апухтина, было ему предложено министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Толстымъ не допускать вовсе римско-католическихъ священниковъ къ преподаванію Закона Божія въ начальныхъ училищахъ. Совершенно отвергнувъ и игнорируя то желаніе и усмотрѣніе училищныхъ обществъ, которое согласно выше приведенному указу, обусловливаетъ вполнѣ опредѣлительно назначеніе законоучителемъ мѣстнаго приходскаго ксендза, либо предоставленіе преподаванія

Закона Божія училищнымъ учителямъ, графъ Толстой однимъ словеснымъ распоряженіемъ своимъ отмѣняетъ силу и дѣйствіе закона 30 августа 1864 г., исшедшаго отъ Имени Верховной Власти.

Съ того времени, т. е. уже 15 лѣтъ подъ рядъ римско-католическіе приходскіе священники Царства Польскаго систематически устраняются отъ преподаванія Закона Божія и религіознаго обученія юношества въ начальныхъ училищахъ какъ городскихъ такъ и сельскихъ, т. е. гминныхъ и собственно сельскихъ. Постепенно ксендзы законоучители были почти совершенно вытеснены изъ начальныхъ школъ Царства, и въ однихъ изъ этихъ училищъ Законъ Божій вовсе не преподавался дѣтямъ-католикамъ, а въ другихъ преподавался свѣтскими учителями, не рѣдко евангеликами и по преимуществу православными. Противоестественность и ненормальность подобнаго порядка вещей были на столько очевидны и осязательны, что обратили вниманіе бывшаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Гурко.

Во всеподданнѣйшей запискѣ своей о состояніи ввѣреннаго ему края за 1889 г. варшавскій генералъ-губернаторъ заявилъ, что въ то время какъ въ прежніе годы начиная съ 1864 г. участіе ксендза въ нашемъ народномъ образованіи не будучи обязательнымъ, было тѣмъ не менѣе почти повсемѣстнымъ, за послѣдніе годы учебное начальство систематически удаляетъ ксендзовъ отъ преподаванія Закона Божія въ народныхъ школахъ, поручая преподаваніе этого предмета свѣтскимъ лицамъ, иногда не католическаго вѣроисповѣданія, вслѣдствіе чего посѣщеніе школъ дѣтьми стало изъ года въ годъ уменьшаться. Отсюда про-

истекаетъ множество вредныхъ явленій и до крайности нежелательныхъ послѣдствій, для устраненія которыхъ онъ, генералъ-губернаторъ, признаетъ необходимымъ повсемѣстное допущеніе римско-католическаго духовенства къ обученію правиламъ вѣры въ народныхъ училищахъ края. Для разсмотрѣнія этихъ заявленій варшавскаго генералъ-губернатора образована была особая комисія изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, которая въ засѣданіи 27 февраля 1890 г., происходившемъ подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, и въ присутствіи самого генералъ-губернатора, постановила просить этого министра предложить попечителю варшавскаго учебнаго округа о томъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда училищныя общества ходатайствуютъ о назначеніи законоучителями въ народныя училища римско-католическихъ приходскихъ священниковъ, удовлетворять эти ходатайства, на сколько это признано будетъ возможнымъ.

Не смотря однако на такое постановленіе означенной коммисіи, прежній порядокъ продолжался и попечитель варшавскаго учебнаго округа постановленіе это совершенно игнорировалъ, что вызвало вторичный протестъ генералъ-губернатора варшавскаго. Заслуживаетъ конечно вниманія то, что подобное открытое, упорное и совершенно безцеремонное попраніе закона учебнымъ управленіемъ Царства Польскаго вызвало двукратный протестъ даже со стороны самого варшавскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Гурко и въ то время, какъ вслѣдствіе перваго изъ этихъ протестовъ разсматривалось въ 1890 г. въ особой коммисіи изъ высшихъ сановниковъ при участіи самого

генералъ-губернатора и подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, по второму изъ нихъ въ 1892 г. восходило уже на разсмотрѣніе и законное разрѣшеніе комитета министровъ.

Не смотря на то, что какъ особая коммисія, такъ и комитетъ министровъ, то есть двѣ высшія правительственныя инстанціи, одна вслѣдъ за другой на протяженіи всего какихъ нибудь двухъ лѣтъ, единогласно признали образъ дѣйствій попечителя варшавскаго учебнаго округа и подвѣдомственныхъ ему учебныхъ начальствъ безусловно неправильнымъ и противузаконнымъ, тѣмъ не менѣе однако прежній порядокъ, осужденный обоими этими инстанціями, продолжается до сего времени и систематическое изгнаніе римско-католическаго духовенства изъ начальной школы Царства Польскаго не только не ослабло, но даже еще болѣе усилилось. Результаты такого изгнанія къ 1892 г. оказались слѣдующими.

Изъ 2863 начальныхъ училищъ Царства лишь въ 154 законъ Божій римско-католическаго вѣроисповѣданія преподавался ксендзами, а въ остальныхъ 2709 религіозное обученіе дѣтей-католиковъ велось свѣтскими учителями, нерѣдко православными и евангеликами, т. е. совсѣмъ другаго исповѣданія.

На сколько ненормаленъ и въ общественномъ отношеніи вреденъ подобный порядокъ вещей врядъ ли представляется надобность объяснять. Если даже представитель высшей правительственной власти въ краѣ, въ лицѣ варшавскаго генералъ-губернатора, во всеподданнѣйшей запискѣ своей о состояніи Царства Польскаго отъ 4 февраля 1890 г. заявляетъ предъ лицомъ самаго Монарха, что не говоря уже о томъ, что безвѣріе, это

страшное зло, охватившее значительную часть Западной Европы, не можетъ быть поощряемо правительствомъ по тѣмъ пагубнымъ послѣдствіямъ въ дѣлѣ общественной нравственности, которыя оно влечетъ за собою, но уже преслѣдованіе вѣры никогда и ни гдѣ не возвышало угнетателей, а лишь замѣняло спокойныхъ вѣрующихъ ослѣпленными фанатиками», то мы съ своей стороны не можемъ ничего прибавить къ этому достопримѣчательному отзыву и намъ остается лишь подписаться подъ нимъ обѣими руками.

Если такимъ образомъ свѣтъ вѣры и религіознаго просвѣщенія въ начальныхъ училищахъ Царства Польскаго совершенно закрытъ для польскихъ дѣтей, ибо въ однихъ изъ нихъ Законъ Божій преподается лишь свѣтскими учителями, нерѣдко некатолическаго вѣроисповѣданія, а въ другихъ вовсе не преподается, то не представляется ничего удивительнаго въ томъ, что общее число учащихся въ школахъ начиная съ 1879 г. въ теченіи 15 лѣтъ, въ сравненіи съ общимъ приростомъ народонаселенія края изъ года въ годъ значительно уменьшается. Благодаря произволу одного лишь лица, хотя бы и являющагося представителемъ учебнаго вѣдомства въ Царствѣ Польскомъ, капризу и произволу осужденнымъ и отмѣненнымъ двумя высшими правительственными инстанціями, и, не смотря на то, продолжающимъ разыгрываться во всю ширь, цѣлый народъ польскій лишенъ главнаго изъ основныхъ элементовъ образованія и свѣта, религіознаго просвѣщенія въ начальной школѣ.

Столь же необузданный произволъ царствуетъ и во всѣхъ другихъ сторонахъ школьнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ. Такъ, не приведено въ исполненіе

до самого 1885 г. законоположеніе заключающееся въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 30 августа 1864 г., по которому выборъ начальныхъ учителей предоставляется мѣстнымъ гминнымъ и сельскимъ обществамъ (ст. 38). Въ 1871 г. министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой дѣлаетъ словесное распоряженіе, чтобы учителя начальныхъ училищъ назначались по возможности начальниками учебныхъ дирекцій собственною властью, и съ тѣхъ поръ, вопреки буквальному смыслу закона, учителя назначались въ эти училища не по выбору обществъ, а по усмотрѣнію учебныхъ дирекцій вплоть до 1885 г., когда Высочайше утвержденнымъ 5 марта сего года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено, что учителя начальныхъ училищъ городскихъ, гминныхъ и сельскихъ, назначаются непосредственно начальниками учебныхъ дирекцій.

Такимъ образомъ законоположеніе Высочайшаго повелѣнія отъ 30 августа 1864 г., отмѣненое новымъ закономъ отъ 5 марта 1885 г., въ продолженіи 24 лѣтъ не было вовсе приведено въ исполненіе. По тому же Высочайшему указу отъ 30 августа 1864 г. преподаваніе во всѣхъ начальныхъ училищахъ должно производиться на природномъ языкѣ жителей (ст. 49). Между тѣмъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой въ 1871 г. сдѣлалъ словесное же распоряженіе о постепенномъ введеніи въ этихъ училищахъ преподаванія на русскомъ языкѣ. Само собою разумѣется, что такое словесное распоряженіе министра, отмѣнившее письменный Высочайшій указъ Государя Императора, было приведено въ исполненіе, и въ то время какъ законъ утвержденный Верховной Самодержавной Властью 30 лѣтъ тому назадъ, даро-

валъ польскимъ дѣтямъ право въ начальныхъ училищахъ обучаться на родномъ своемъ польскомъ языкѣ, въ дѣйствительности законъ этотъ вовсе не приведенъ въ исполненіе до сихъ поръ. Представляется очевиднымъ, что Высочайшее повелѣніе отъ 30 августа 1864 г., — основной законъ о начальномъ народномъ образованіи въ Царствѣ Польскомъ — въ самыхъ существенныхъ законоположеніяхъ вовсе неприведено въ исполненіе, отчасти въ силу словесныхъ распоряженій бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Толстого, отчасти вслѣдствіе словесныхъ же распоряженій нынѣшняго попечителя варшавскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Апухтина.

Тождественное явленіе наблюдается также и въ области средняго и высшаго образованія.

Высочайше утвержденнымъ 1 мая 1869 г. положеніемъ комитета министровъ съ начала 1869—70 г. во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ коренной Польши введено преподаваніе на русскомъ языкѣ всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія, преподающагося по прежнему на польскомъ языкѣ. Въ тоже время, Высочайше утвержденнымъ 8 іюня 1869 г. уставомъ варшавскаго университета, введено въ немъ также преподаваніе на русскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ народностей Европы народъ польскій въ предѣлахъ русскаго государства является единственнымъ народомъ, лишеннымъ одного изъ основныхъ національныхъ правъ — права обученія и образованія на своемъ родномъ языкѣ.

Еслибъ однако попраніе національныхъ правъ поляковъ въ области народнаго просвѣщенія ограничивалось тѣми предѣлами, которые положены для него

положеніемъ комитета министровъ отъ 1 мая 1869 г. и уставомъ Варшавскаго университета отъ 8 іюня того же года, т. е. преподаваніемъ на русскомъ языкѣ лишь въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ коренной Польши, то подобный порядокъ вещей, основанный хотя на суровомъ законѣ, но всетаки законѣ, не могъ бы лечь столь тяжкимъ бременемъ на культурную жизнь польскаго народа въ предѣлахъ Россіи, какъ лишеніе его первоначальнаго обученія на своемъ языкѣ по произволу учебной администраціи, вопреки буквальному смыслу и требованію закона 30 августа 1864 г.

Но трудность положенія этимъ далеко не ограничивается. Какъ извѣстно, на всемъ земномъ шарѣ система лѣтосчисленія или такъ называемъ календарь вводится и измѣняется въ законодательномъ порядкѣ. Извѣстно также, что въ Царствѣ Польскомъ оставлено русскимъ правительствомъ въ силѣ издавна въ Предѣлахъ Рѣчи Посполитой введенное лѣтосчисленіе по новому стилю и до послѣдняго времени никому не приходило въ голову измѣнять его. Но вотъ въ 1881 г. тотъ же попечитель варшавскаго учебнаго округа, т. е. Апухтинъ издалъ распоряженіе о введеніи во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ варшавскаго учебнаго округа стараго календаря, который конечно тотчасъ и былъ въ нихъ введенъ.

Невозможно представить себѣ тотъ хаосъ и ту путаницу, какіе внесло въ мѣстную общественную жизнь замѣчательное распоряженіе это, не имѣющее ничего общаго съ народнимъ просвѣщеніемъ и его задачами. Въ силу этого распоряженія о празднованіи на будущее время учебными заведеніями Царства Польскаго праздниковъ по юльянскому стилю, воспитанники

всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній стали отпускаться домой тогда, когда въ краѣ нѣтъ уже никакихъ празднико въ. Нововведеніе это поставило въ крайне затруднительное положеніе учащихся, ибо огромное большинство учениковъ въ Царствѣ составляютъ католики. Получая отпуски по большей части въ самый день праздника учащіеся не могли поспѣть домой во время и такимъ образомъ лишены были участія въ религіозно-семейныхъ праздненствахъ, какими являются въ Польшѣ праздники Рождества Христова и Св. Пасхи. Неудивительно по этому, что подобное распоряженіе учебнаго начальства произвело на все польское общество крайне удручающее впечатлѣніе. Къ попечителю учебнаго округа было отправлено нѣсколько депутацій съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ этого распоряженія. Депутаты представляли на усмотрѣніе попечителя, что по мѣстному обычаю, освященному вѣками, эти два большихъ годовыхъ праздника должны проводить вмѣстѣ у семейнаго очага всѣ члены семьи, что обычай такой имѣетъ связующее и нравственно-воспитательное значеніе для семейнаго союза и семейнаго начала, на которыхъ по указанію самихъ властей и въ числѣ ихъ и учебнаго начальства сыждется весь общественный порядокъ.

Положимъ въ концѣ концовъ, требованіе это было уважено учебнымъ начальствомъ, въ силу чего всѣми учебными заведеніями Царства Польскаго праздники Рождества и Св. Пасхи празднуются совмѣстно и по новому и по старому стилямъ. Конечно, ничего нельзя имѣть противъ этого, но тѣмъ не менѣе представляется всетаки довольно страннымъ тотъ фактъ, что измѣненіе календаря въ целой области русскаго государ-

ства произошло, хотябы въ предѣлахъ учебнаго міра, не въ законодательномъ порядкѣ, а потому усмотрѣнію такихъ второстепенныхъ органовъ русскаго правительства, какимъ является нѣсомнѣнно попечитель учебнаго округа. Нельзя удивляться послѣ этого, что въ предѣлахъ варшавскаго учебнаго округа соблюденіе уставовъ и учрежденій народнаго просвѣщенія составляетъ рѣдчайшее и совершенно выдающееся исключеніе, между тѣмъ какъ нарушеніе этихъ уставовъ и учрежденій представляетъ явленіе постоянное, заурядное, систематическое, обратившееся въ законный порядокъ. Факты такихъ нарушеній настолько многочисленны и повседневны, что изчислить и описать ихъ не представляется никакой возможности, а потому мы отмѣтимъ здѣсь лишь найболѣе характерные изъ нихъ.

По уставамъ и штатамъ польскихъ гимназій и прогимназій, въ числѣ предметовъ преподаванія значится также и церковное пѣніе. Однако въ огромномъ большинствѣ среднихъ учебныхъ заведеній Царства съ чистопольскимъ и католическимъ составомъ учащихся, церковное пѣніе, т. е. пѣніе духовныхъ гимновъ, вовсе не преподается, а вмѣсто него установлено обученіе свѣтскому пѣнію и притомъ довольно специфическаго характера. Вмѣсто пѣнія религіозныхъ пѣснопѣній, которое какъ по существу дѣла, такъ и по мысли законодателя, должно нравственно вліять на учащуюся польскую молодежь, польское юношество привислянскаго края вынуждено распѣвать: «эй дубинушка, ухнемъ» и тому подобныя бурлацкія и простонародныя пѣсни. Не говоря уже о существѣ дѣла, о томъ, что религіозно нравственное вліяніе религіозныхъ гимновъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ воспита-

тельно нравственнымъ вліяніемъ бурлацкихъ и простонародныхъ пѣсень, невольно возникаетъ вопросъ другого рода, вопросъ хотя и формальный законоизмѣрительный, но имѣющій тѣмъ не менѣе огромное жизненное и общественное значеніе: Неужели тамъ, гдѣ дѣло идетъ о цвѣтѣ польскаго народа, о воспитаніи польскаго юношества, объ образованіи польской молодежи, могутъ имѣть законы государства меньшее значеніе, нежели необузданный произволъ второстепеннаго представителя правительственной власти, произволъ и капризъ доходящіе до того, что даже первостепенный представитель этой самой власти въ лицѣ варшавскаго генералъ-губернатора, считаетъ своимъ служебнымъ долгомъ протестовать противъ нихъ предъ высшими правительственными установленіями и даже предъ лицомъ самого Монарха. И этотъ произволъ тянется уже полтора десятка лѣтъ, олицетворяя и воплощая всебѣ живое постоянное и систематическое отрицаніе закона, который признается изходящимъ отъ Верховной Самодержавной Власти.

Можно ли удивляться послѣ этого, если бы нѣкоторые изъ учащихся въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ пошли по стопамъ представителя учебнаго вѣдомоства въ краѣ, если бы въ нихъ развилось неуваженіе къ закону и требованіямъ властей, если бы они впали въ тотъ такъ называемый нигилизмъ, котораго такъ опасается само правительство?

Съ тѣмъ же порядкомъ встрѣчаемся мы, переѣхавъ отъ Царства Польскаго къ Западному краю. Польскій языкъ изгнанъ здѣсь изъ преподаванія, т. е. пересталъ быть языкомъ учебнымъ, въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Конечно Западный край не представляетъ сплошнаго польскаго народонаселенія, какъ коренная Польша, т. е. Царство Польское, и потому замѣна въ немъ преподаванія на польскомъ языкѣ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ не могла имѣть тѣхъ тяжкихъ общественныхъ послѣдствій, какія замѣна такая повлекла за собой для Царства Польскаго. Но за то русская администрація избрала школу въ Западномъ краѣ основой, опорой и проводникомъ всѣхъ своихъ мѣропріятій, направленныхъ противъ самостоятельности коренныхъ устоевъ римско-католической церкви и основъ римско-католической религіи, насколько ими опредѣляется и обусловливается устройство этой церкви. Главнымъ изъ этихъ мѣропріятій является введеніе русскаго языка въ дополнительное богослуженіе римско-католичеслой церкви.

Гимназіи Западнаго края были избраны русской администраціей орудіемъ проведенія русскаго молитвенника въ среду римско-католическаго населенія края. Проведеніе такое, ровно какъ и введеніе русскаго языка въ католическое богослуженіе, началось въ 1869 г. Въ этомъ году, по порученію поручителя виленскаго учебнаго округа, католическій молитвенникъ на польскомъ языкѣ прелатомъ Нѣмекшею переведенъ на русскій языкъ и управленіемъ округа въ такомъ переводѣ разосланъ во всѣ гимназіи края. Нѣкоторые изъ ксендзовъ-законоучителей приняли этотъ русскій молитвенникъ къ употребленію и раздали его учащимся — католикамъ, дгугіе же, руководствуясь тѣмъ, что русскій языкъ уставами римско-католической церкви не разрѣшенъ къ употребленію, ни въ дополнительномъ богослуженіи, ни въ обиходныхъ молитво-

словіяхъ, отъ принятія и роздачи новаго молитвенника отказались. Само собой разумѣется, что первые изъ ксендзовъ получили ордена и награды, а вторые были наказаны. Во всякомъ случаѣ, средняя школа явилась здѣсь опорой и орудіемъ проведенія русскаго языка, какъ языка государственнаго, въ богослужебную и молитвенную область жизни римско-католическаго населенія Западнаго края подобно тому, какъ въ Царствѣ Польскомъ, замѣнена положеннаго закономъ для гимназій католическаго, церковнаго пѣнія распѣваніемъ бурлацкихъ пѣсень произведена несомнѣнно въ видахъ насильственнаго обрусенія.

Но всѣ эти попытки воздѣйствія на римско-католическую религію въ Западномъ краѣ и ея коренные устои посредствомъ школы, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ дальнѣйшимъ образомъ дѣйствій виленскаго учебнаго округа въ томъ же направленіи.

Начиная съ 1880 г. по распоряженію попечителя этого округа, начальство учебныхъ заведеній стало вынуждать учениковъ католическаго вѣроисповѣданія въ высоко-торжественные дни отправляться къ богослуженію въ православныя церкви вмѣсто костеловъ. Это необычайное и совершенно неожиданное нововведеніе, естественно, произвело сильнѣшее смятеніе среди католическаго населенія шести губерній Сѣверо-Западнаго края, входящихъ въ составъ виленскаго учебнаго округа. Основными каноническими законоположеніями римско-католической религіи участіе въ богослуженіи иновѣрныхъ христіанскихъ церквей католикамъ безусловно воспрещается, равно какъ и участіе въ молитвахъ, религіозныхъ обрядахъ, и т. д. Такимъ образомъ религіозный долгъ и велѣнія св. церкви не до-

зволяютъ католику присутствовать при православномъ богослуженіи.

Естественно по этому, что, какъ учащіеся среднихъ и даже нисшихъ учебныхъ заведеній Сѣверо-Западнаго края стали уклоняться отъ посѣщенія православныхъ храмовъ въ высоко-торжественные дни, отправляясь въ эти дни въ свои костелы, такъ и изъ среды римско-католическаго духовенства того края стали исходить протесты противъ подобнаго распоряженія учебнаго начальства. Такой протестъ и такое уклоненіе естественно, сосредоточилось въ ковенской губерніи, какъ сплошь населенной католиками.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что начальства учебныхъ заведеній задолго еще до 1880 г. стали пробовать водить учениковъ католиковъ въ высокоторжественные дни въ православные храмы. Но только лишь въ 1880 г. сдѣлано было распоряженіе объ обязательномъ выполненіи этого.

Въ 1884 г. епископъ Тельшевскій Паллюліонъ отнесся къ попечителю Виленскаго учебнаго округа съ оффиціальной бумагой[1], въ которой просилъ послѣдняго воспретить начальствамъ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній настояніями и угрозами принуждать учениковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія посѣщать въ высоко-торжественные дни православные храмы, а предоставить имъ ходить въ эти дни въ свои костелы, гдѣ по правиламъ римско-католической церкви и на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 5 февраля 1862 г. также совершается для всѣхъ католиковъ молебствіе о здравіи и благодѣнствіи Госу-

[1] Отношеніе епископа къ попечителю отъ 2 августа 1884 г. за Nr. 1677.

даря Императора и Царствующаго Дома. При этомъ епископъ указывалъ попечителю, что грубость принужденія и неразборчивость угрозъ оказываютъ самое пагубное нравственное вліяніе на учащихся и окончательно ихъ деморализируютъ.

На отношеніе это попечитель виленскаго учебнаго округа отвѣтилъ телшевскому римско-католическому епископу[1], что наравнѣ съ представителями разныхъ вѣдомствъ учащіеся католики обязаны въ высокоторжественные дни присутствовать на молебствіи въ церкви, а не въ костелѣ — и что взводимое имъ, епископомъ, на начальства учебныхъ заведеній обвиненіе въ неуваженіи къ римско-католической религіи несправедливо, почему отношеніе его, епископа, ему и возвращается обратно.

Такимъ образомъ первая попытка католическаго епископа защитить учащуюся молодежъ католическаго исповѣданія отъ принужденія къ нарушенію ея религіознаго долга, окончилась обличеніемъ его епископа представителемъ учебнаго вѣдомства края во лжи и даже возвращеніемъ ему, вопреки всякому законному порядку, подлинной оффиціальной его бумаги по этому предмету. Небольшей успѣшностью отличались и другія ходатайства епископа предъ другими органами русскаго правительства о томъ же устраненіи религіознаго насилія надъ учащимися католиками.

Министръ народнаго просвѣщенія отвѣтилъ ему[2], что распоряженіе начальствъ учебныхъ заведеній о присутствованіи всѣхъ учениковъ, безъ различія ихъ

---

[1] Отношеніе попечителя къ епископу отъ 28 августа 1887 г. за Nr. 67.

[2] Отношеніе его къ епископу отъ 26 октября 1887 г. за Nr. 14842.

вѣроисповѣданія, при богослуженіи въ православныхъ церквяхъ за Государя Императора и Царствующій Домъ, онъ считаетъ совершенно правильнымъ и дѣлать какія либо въ этомъ отношеніи исключенія для воспитанниковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія и тѣмъ лишить ихъ права присутствовать на общей молитвѣ о здравіи Государя Императора онъ не находитъ основанія.

Виленскій генералъ-губернаторъ[1] и министръ внутреннихъ дѣлъ[2] стали также на сторону противокатолическаго и противо-законнаго требованія попечителя виленскаго учебнаго округа. Между тѣмъ уклоненія самихъ учащихся отъ его исполненія стали повторяться все чаще и чаще и принимать все болѣе и болѣе острый характеръ. Положеніе законоучителей римско-католическаго вѣроисповѣданія въ учебныхъ заведеніяхъ сдѣлалось совершенно безвыходнымъ. Не имѣя ни права ни возможности въ угоду учебному начальству и властямъ вообще поступиться основными законоположеніями съ своего исповѣданія, ксендзы-законоучители впадали въ неизбѣжныя и по преимуществу острыя столкновенія съ начальствами своихъ учебныхъ заведеній, между тѣмъ какъ ученики-католики переходили уже въ открытое ослушаніе требованіямъ своего начальства о посѣщеніи православныхъ церквей.

Наиболѣе характерными въ этомъ отношеніи являются событія, происшедшія въ мартѣ 1889 г. въ ковенскихъ мужской и женской гимназіяхъ. 1-го марта

---

[1] Письмо его къ епископу тельшевскому отъ 10 января 1889 г. за Nr. 52.
[2] Тамъ же.

ученики 3 класса гимназіи съ законоучителемъ ксендзомъ Ячиновскимъ во главѣ отправились на панихиду по Государѣ Императорѣ Александрѣ II не въ православную церковъ а въ костелъ. На слѣдующій же день восшествія на престолъ Императора Александра III ни одинъ изъ учениковъ католиковъ неявился на молебствіе въ церковь, а всѣ были на богослуженіи въ костелѣ. По этому предмету 11 и 12 того же марта состоялось засѣданіе педагогическаго совѣта гимназіи, въ которомъ назначены ученикамъ католикамъ за оказанное ими ослушаніе начальства различныя наказанія. Въ этомъ постановленіи педагогическаго совѣта наиболѣе достопримѣчательной представляется слѣдующая его часть: «Ученика 3 класса 2 отд. Явловскаго, подстрекавшаго своихъ товарищей къ безпорядкамъ и неоднократно заявлявшаго себя въ такой именно роли еще въ прошломъ году по поводу общей ученической молитвы, педагогическій совѣтъ постановилъ: уволить изъ гимназіи по прошенію.»[1] Изъ постановленія этого обнаруживается, что ребенокъ 11—12 лѣтъ, проходящій еще лишь 2-й и 3-й классы гимназическаго курса, признается уже подстрекателемъ къ безпорядкамъ и карается столь тяжкимъ наказаніемъ какъ увольненіе изъ гимназіи. Также достопримѣчательной является и слѣдующая часть того же постановленія педагогическаго совѣта ковенской мужской гимназіи: «Ученика VI класса Юновича, въ виду того, что въ своемъ письменномъ показаніи онъ безъ колебанія заявилъ о твердомъ рѣшеніи,

---

[1] Протоколъ засѣданія педагогическаго совѣта ковенской гимназіи отъ 11 и 12 марта 1889 г.

въ вопросѣ о посѣщеніи въ высоко-торжественные дни православныхъ храмовъ, не подчиняться требованіямъ начальства, не получивъ на сей предметъ разрѣшенія Главы католической церкви, а также въ виду того, что при допросѣ Юновичъ позволилъ себѣ выразить въ непочтительной и даже дерзкой формѣ недовѣріе къ словамъ Его Превосходительства г. Окружнаго Инспектора, педагогическій совѣтъ принимая во вниманіе примѣрное повѣденіе, которымъ Юновичъ отличался до этого времени, а также и умаляющее его вину вліяніе ксендзовъ, единогласно постановилъ: уволить его изъ гимназіи по прошенію.»[1]

Заслуживаетъ вниманія, что педагогическій совѣтъ вовсе не остановился на томъ, гдѣ и въ чемъ кроется причина подобнаго недовѣрія ученика къ словамъ и увѣреніямъ своего начальства и кто является истиннымъ виновникомъ такого недовѣрія, несмотря на то, что именно это недовѣріе и повлекло за собой для ученика Юновича столь тяжкое взысканіе, какъ увольненіе изъ гимназіи.

Вообще этимъ постановленіемъ совѣта уволены изъ гимназіи 4 ученика-католика и въ томъ числѣ ребенокъ Явловскій, остальные же подвергнуты за учиненные ими безпорядки уменьшенію отмѣтокъ по поведенію, заключенію въ карцеръ и лишенію права на освобожденіе отъ платы за ученіе и на полученіе стипендій.

Невозможно пройти молчаніемъ, что постановленіемъ педагогическаго совѣта ковенской мужской гимназіи, по поводу вышеупомянутыхъ безпорядковъ

---

[1] Тотъ же.

подстрекателями къ онымъ признаются все ксендзы съ одной стороны, а съ другой въ тоже время отдѣльные ученики-католики.

Въ концѣ концовъ оказывается больше подстрекателей чѣмъ простыхъ виновныхъ.[1] Подобное изобиліе подстрекателей свидѣтельствуетъ о крайней мнительности и подозрительности педагогическаго совѣта во время рѣшенія судьбы учениковъ католиковъ, дерзнувшихъ защищать свободу своей совѣсти предъ русскими казенными начальниками.

Между тѣмъ, подъ впечатлѣніемъ происшествія 1 марта въ мужской гимназіи, ковенскій губернаторъ отдалъ начальнику женской гимназіи распоряженіе: всѣхъ ученицъ этой гимназіи 2 марта вести въ православную церковь, а въ томъ числѣ и католичекъ, чего ранѣе никогда не дѣлалось.[2] Конечно распоряженіе губернатора было исполнено, но дойдя до церкви, большинство католичекъ повернуло и ушло въ костелъ.

Подобные же факты имѣли мѣсто въ поневѣжскомъ реальномъ училищѣ, шавельской гимназіи, въ городскихъ училищахъ и даже во многихъ народныхъ училищахъ ковенской губерніи. Всѣ ходатайства и доводы тельшевскаго римско-католическаго епископа предъ всѣми органами общей учебной администраціи объ отмѣнѣ требованія, которое воспитаніе юношества въ учебныхъ заведеніяхъ ставить въ зависимость отъ нарушенія имъ его религіознаго довода, остались гласа

---

[1] Протоколъ засѣданія педагогическаго совѣта ковенской гимназіи отъ 11 и 12 марта 1889 г.

[2] Письмо ковенскаго губернатора къ виленскому генералъ-губернатору отъ 11 марта 1889 г. за Nr. 2247.

вопіющаго въ пустынѣ. Ксендзы рѣшавшіеся отстаивать своихъ питомцевъ отъ религіознаго населенія, разосланы въ заключеніе по монастырямъ и высланы въ отдаленныя губерніи, а тельшевскій римско-католическій епископъ въ томъ же мартѣ 1889 г., по испрошенному министромъ внутреннихъ дѣлъ Высочайшему повелѣнію, лишенъ половины содержанія.[1]

Тогда уже изъ среды некатоликовъ поднялись протесты противъ лишенія административными властями и ихъ распоряженіями учащагося католическаго отрочества и юношества свободы вѣроисповѣданія, дарованной основными законами имперіи всѣмъ иновѣрцамъ. Уже въ апрѣлѣ того же 1889 г. курляндская евангелическо-лютеранская духовная консисторія отнеслась въ управленіе виленскаго учебнаго округа[2] съ жалобой на то, что нѣкоторые народные учителя поневѣжскаго уѣзда ковенской губерніи въ высокоторжественные дни водятъ учениковъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ православныя церкви и тамъ вынуждаютъ ихъ прикладываться ко кресту и исполнять другіе обряды православнаго исповѣданія. На этотъ протестъ евангелической консисторіи управленіе учебнаго округа отвѣтило голословнымъ отрицаніемъ фактовъ. Въ началѣ іюля того же 1889 г. попечительница женскаго пенсіона въ г. Шавляхъ графиня Зубова, урожденная княжна Олсуфьева, обратилась къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ письмомъ ниже слѣдующаго содержанія.

---

[1] Письмо министра внутреннихъ дѣлъ гр. Толстого тельшевскому римско-католическому епископу отъ 19 Марта 1889 г. за Nr. 1572.

[2] Отъ 27 января 1889 г. за Nr. 253.

«Ваше Императорское Величество
Всемилостивѣйшій Государь!

«Званіе попечительницы женскаго пенсіона въ г. Шавляхъ дарованное мнѣ въ Бозѣ почивающей Императрицею Маріею Александровною и соединенная съ нимъ обязанность опекать по мѣрѣ силъ моихъ воспитанницъ этого заведенія, даютъ мнѣ смѣлость довести до свѣдѣнія Вашего Величества въ нижеслѣдующемъ: Въ нашей мѣстности возникъ вопросъ административно-религіозный; меня касается только его заключительный исходъ, вся тяжесть котораго падаетъ на бѣдныхъ дѣтей и создаетъ для нихъ положеніе трагическое, непосильное ихъ дѣтскому возрасту. Директоры и директорисы учебныхъ заведеній повинуясь долгу своей служебной обязанности, понуждаютъ воспитанницъ католическаго вѣроисповѣданія ходить въ царскіе дни молиться о благоденствіи Августѣйшаго Дома въ православную церковъ; священники же католики, повинуясь требованіямъ своей церкви, внушаютъ дѣтямъ идти молиться за Царя въ костелъ, такъ какъ молиться въ иновѣрческой церкви строго возбраняется католической религіей и признается ею за грѣхъ. Исключеніе дѣлается только для служащихъ, какими воспитанники, а тѣмъ болѣе воспитанницы, ни какъ не могутъ быть признаваемы. И вотъ бѣдные дѣти находятся въ положеніи по истинѣ прискорбномъ. Съ одной стороны страхъ предъ начальствомъ, угрозы наказанія и даже исключенія изъ школы заставляютъ ихъ идти въ православную церковь; съ другой же стороны увѣщанія духовнаго наставника, который ко-

нечно употребляетъ всевозможныя средства, чтобы подѣйствовать на умъ и сердце ребенка, влекутъ его въ костелъ. Въ дѣтской душѣ возникаетъ сильная борьба, борьба страха міра сего и страха гнѣва Божія, и подъ гнетомъ этого смущенія нерѣдко дѣти рыдаютъ на взрыдъ, другіе же заболѣваютъ. Бываютъ случаи, что ребенокъ, послушный начальнику, идетъ въ православную церковь, возвращается домой и терпитъ тяжкое наказаніе отъ родителей, объясняющихъ поступокъ ребенка ненавистнымъ равнодушіемъ къ родной католической религіи. Бываютъ и другіе случаи, когда дитя, подъ вліяніемъ религіознаго чувства, столь сильнаго въ юномъ возрастѣ, уклоняется отъ посѣщенія православнаго храма и оставаясь послушнымъ голосу своего духовнаго начальника, молится за Царя въ костелѣ; по возвращеніи же домой, встрѣчаетъ упреки и укоры отъ родителей, которые, не будучи въ состояніи воспитывать дѣтей дома, боятся исключенія его изъ школы. Такая рознь, такое пререканіе между авторитетомъ, которыхъ воспитанницамъ слѣдовало бы равно почитать, порождаетъ главныя послѣдствія въ нравственномъ ихъ развитіи, если онѣ, будучи въ юныхъ годахъ болѣе склонными къ религіозному настроенію, остаются послушными голосу духовнаго отца, то въ нихъ развивается раздраженіе противъ правительства и озлобленіе противъ родителей; если же онѣ сдаются на увѣщанія начальства и остаются глухи къ словамъ ксендза, то въ нихъ подрывается всѣ основы религіознаго чувства, такъ какъ въ ихъ возрастѣ служитель алтаря трудно отличается отъ самого алтаря, и, утративъ довѣріе къ своему духовному руководителю, онѣ начинаютъ критически отно-

ситься къ самой религіи, и эта несвоевременная критика незрѣлаго ума, это насильственно вырванное уваженіе къ своей религіи убиваютъ религіозное чувство и ничѣмъ его не замѣняютъ. Наконецъ, что всего хуже, ребенокъ дѣлается лицемѣромъ: онъ старается обойти начальство и заглушить совѣсть, вопреки совѣтамъ духовенства, онъ идетъ въ православную церковь, но не съ молитвой въ душѣ а съ ироніей къ храму православному и съ враждебнымъ чувствомъ къ начальству. Это лицемѣріе, усвоенное въ школѣ, сопутствуетъ ему во всей дальнѣйшей жизни и дѣлаетъ изъ него не полезнаго слугу отечества, а вреднаго члена общества. Положеніе вполнѣ грустное, прекратить которое можетъ только Ваше Императорское Величество. Да будетъ дозволено каждому молиться за Царя въ своемъ родномъ храмѣ и сотни молодыхъ сердецъ вознесутъ искреннія молитвы за Ваше Императорское Величество предъ своими алтарями къ Единому Богу всѣхъ.»

На письмѣ этомъ попечительницы графини Зубовой Государь Императоръ собственноручно начертать соизволилъ. «Я думаю, никто не мѣшаетъ имъ послѣ службы православной отправляться въ свои костелы, но если дѣйствительно оно такъ пагубно дѣйствуетъ на дѣтей, то объ этомъ стоитъ подумать.»[1]

Въ силу такой Высочайшей резолюціи письмо было въ копіи препровождено попечителю виленскаго учебнаго округа и этотъ послѣдній представилъ министру народнаго просвѣщенія свои на него возраженія. Сущ-

[1] Копія всеподданнѣйшаго письма гр. Зубовой отъ 5 іюля 1889 г. и Высочайшей на оном резолюціи, сообщенныхъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа виленскому генералъ-губернатору отъ 20 августа 1889 г. за Nr. 71.

ность этихъ возраженій сводится къ тому, что, если чиновники католическаго вѣроисповѣданія могутъ безпрепятственно въ высоко-торжественные дни присутствовать при православномъ богослуженіи, то и учащіеся должны дѣлать тоже, — и что отмѣна этого распоряженія смутила бы русскихъ людей въ ковенской губерніи, склонныхъ видѣть въ торжествѣ римско-католическаго епископа ударъ для значенія русскаго дѣла въ краѣ.[1]

Несмотря на то, что учениковъ и въ особенности ученицъ никоимъ образомъ нельзя приравнивать къ состоящимъ на государственной службѣ, — что отмѣна разсматриваемаго распоряженія попечителя была бы торжествомъ закона надъ административнымъ произволомъ основныхъ законовъ имперіи, надъ распоряженіями второстепенныхъ органовъ управленія, а не торжествомъ католическаго епископа, — что среди русскихъ людей ковенской губерніи, какъ показываетъ вышеприведенное письмо графини Зубовой, являющейся ихъ представительницей, имѣются лица, вовсе не склонныя видѣть значеніе такъ называемаго русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ насиліи надъ римско-католической религіей, и — что наконецъ, такая склонность людей уровень умственнаго и нравственнаго развитія общественнаго пониманія, которыхъ представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, не можетъ опредѣлять образа дѣйствій какихъ бы то ни было органовъ русскаго управленія, обязанныхъ прежде всего руководствоваться въ дѣятельности своей законами государства, не взирая на чьи-либо склонности, не-

---

[1] Та же.

смотря на все эти оправдательныя возраженія попечителя, восторжествовали — и распоряженіе его по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отмѣнено лишь въ отношеніи учениковъ народныхъ училищъ, ковенской губерніи.

Между тѣмъ 28 іюня того же 1889 г. одобрѣно и утверждено было въ Римѣ Главою римско-католической церкви заключеніе верховной конгрегаціи, что католики не могутъ присутствовать при религіозныхъ отправленіяхъ некатоликовъ. Извѣщеніе римско-католическому духовенству по этому предмету на латинскомъ языкѣ получено было начальниками учебныхъ заведеній ковенской губерніи непосредственно по почтѣ и представлено губернатору. Конечно, это постановленіе куріи римской, полученное не установленнымъ путемъ чрезъ Вѣну, нисколько не повліяло на измѣненіе заведеннаго русскими властями въ Сѣверо-Западномъ краѣ порядка, не смотря даже на то, что этотъ самый порядокъ, по протесту римско-католическаго духовенства, былъ измѣненъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ.

Параллельно съ вышеописанными мѣрами, предпринятыми учебнымъ вѣдомствомъ въ видахъ воздѣйствія школы на римско-католическое населеніе Сѣверо-Западнаго края, были имъ же по собственной иниціативѣ предпринимаемы, проводимы и осуществляемы также и многія другія. Такъ по постановленію педагогическаго совѣта ковенской гимназіи въ 1887 г. установлена была въ рекреаціонномъ залѣ ежедневная общая молитва предъ ученіемъ для учениковъ всѣхъ исповѣданій, совершаемая православнымъ священникомъ. Ученики католики естественно уклонялись отъ этой

молитвы и за уклоненіе такое подвергались болѣе или менѣе тяжкимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ. Въ особенности стѣсняло этихъ послѣднихъ то обстоятельство, что, послѣ молитвы предъ ученіемъ, православный священникъ читалъ и толковалъ дневное евангеліе, между тѣмъ какъ толкованіе Священнаго Писанія для мірянъ римско-католической церковью безусловно не допускается.

Тельшевскій римско-католическій епископъ отнесся объ отмѣнѣ такого нововведенія какъ къ попечителю виленскаго учебнаго округа[1], такъ и къ министру народнаго просвѣщенія[2], а католическій законоучитель, признавая, что при подобномъ стѣсненіи совѣсти учениковъ католиковъ нахожденіе его въ стѣнахъ учебнаго заведенія былобы равносильно одобрѣнію такого стѣсненія, прекратилъ посѣщеніе гимназіи. На ходатайство епископа отъ попечителя послѣдовалъ отвѣтъ[3], что постановленіе педагогическаго совѣта ковенской гимназіи, о введеніи общей молитвы предъ ученіемъ, министромъ народнаго просвѣщенія признано правильнымъ, но тѣмъ не менѣе вслѣдствіе недостаточной вмѣстительности рекреаціонной залы гимназіи молитва эта отмѣняется.

Такимъ образомъ, не желая сознаться естественно въ совершенной незаконности своего нововведенія, попечитель виленскаго учебнаго округа не сумѣлъ указать другого основанія либо повода къ его отмѣнѣ, какъ невмѣстительность рекреаціоннаго зала гимназіи.

---

[1] Отъ 10 декабря 1887 г. за Nr. 1959.
[2] Отъ 10 декабря 1887 г. за Nr. 1958.
[3] Отъ 22 февраля 1888 г. за Nr. 1429.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что присутствованіе учениковъ-католиковъ среднихъ и нисшихъ учебныхъ заведеній при православномъ богослуженіи, не ограничивается однимъ лишь ихъ нахожденіемъ въ православномъ храмѣ и созерцаніемъ происходящаго богослуженія, а они понуждаются сверхъ того наблюдающими за ними наставниками становиться на колѣни, держать свѣчи, прикладываться ко кресту и исполнять другія обряды православной церкви.

Неудивительно послѣ этого, что народные учителя и учительницы Западнаго края почувствовали и самосознали себя насадителями и миссіонерами православія среди католическаго населенія этого края, а такъ какъ эти учителя и эти учительницы суть тѣ же крестьяне православнаго исповѣданія, получившіе лишь элементарное образованіе, то и проявляютъ естественно въ миссіонерской своей роли грубость пріемовъ и крайнюю произвольность дѣйствій. Такъ учительница женскаго отдѣленія видзскаго народнаго училища въ февралѣ 1889 г. роздала ученицамъ католичкамъ: «Первое наставленіе въ православной вѣрѣ» священника Соколова и пользуясь временнымъ перерывомъ въ занятіяхъ ксендза съ дѣтьми Закономъ Божіимъ, задала даже дѣвочкамъ по этому православному руководству нѣсколько уроковъ.[1] Учебники эти были впослѣдствіи отъ ученицъ отобраны и препровождены въ дирекцію народныхъ училищъ.

Надзоръ надъ преподаваніемъ Закона Божія ксендзами въ народныхъ училищахъ порученъ учителямъ,

---

[1] Отношеніе попечителя виленскаго учебнаго округа къ виленскому генералъ-губернатору отъ 3 іюня 1889 г. за Nr. 59.

стоящимъ сравнительно съ первыми на несравненно нисшей ступени образованія и умственнаго развитія. Не говоря уже о томъ, что подобный надзоръ и подобное наблюденіе представляются для католическаго законоучителя весьма оскорбительными и создаютъ множество неудобствъ и недоразумѣній, народные учителя прямо позволяютъ себѣ вмѣшиваться въ самое преподаваніе предмета.

Учебное начальство требуетъ отъ учениковъ католиковъ среднихъ и нисшихъ учебныхъ заведеній Сѣверо-Западнаго края заучиванія и знанія молитвы за Государя Императора, помѣщенной въ изданномъ учебнымъ округомъ спеціально для учащихся католиковъ молитвенникѣ на русскомъ языкѣ подъ наименованіемъ «алтарикъ», между тѣмъ какъ тельшевскій римско-католическій епископъ предписалъ ксендзамъ, преподающимъ Законъ-Божій какъ въ среднихъ такъ и въ нисшихъ учебныхъ заведеніяхъ, разучивать съ учащимися ту молитву за Государя на русскомъ же языкѣ, которая помѣщена въ такъ называемой «рубрицеллѣ», т. е. наставительно руководственной книжкѣ, ежегодно издаваемой въ каждой католической епархіи. И вотъ, изъ за этого возникаетъ слѣдующіе инциденты. Ксендзъ напишетъ на доскѣ молитву за Государя изъ рубрицеллы, учитель же народнаго училища присутствующій на урокѣ, требуетъ написанія ея въ томъ видѣ, въ какомъ помѣщена она въ «алтарикѣ». Возникаетъ споръ. Учитель вскакиваетъ съ своего мѣста и стираетъ молитву съ доски.[1] Само собою разумѣется что подобныя выходки и столкно-

[1] Тоже отношеніе.

венія оказываютъ крайне вредное нравственное вліяніе на дѣтей.

Вмѣшательство народныхъ учителей въ преподаваніе Закона-Божія католическаго исповѣданія простирается однако далеко за вышеописанные предѣлы. Не говоря уже о томъ, что они въ значительной степени успѣли ввести въ обращеніе и употребленіе между дѣтьми-католиками православныя руководства Соколова и Базарова, всякая попытка ксендза ввести въ школьное употребленіе по преподаваемому имъ предмету католическое руководство встрѣчаетъ съ ихъ стороны открытое противодѣйствіе.

Такъ, когда въ исходѣ восьмидесятыхъ годовъ ксендзы законоучители народныхъ училищъ Сѣверо-Западнаго края стали раздавать дѣтямъ извѣстные католическіе учебники, одобренные ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія къ употребленію въ начальныхъ училищахъ «Священная исторія ветхаго и новаго завѣта, соч. Шустера» и «Краткій катехизисъ для учащагося юношества римско-католическаго исповѣданія», то учителя книги эти отъ нихъ отбирали и представляли въ дирекцію народныхъ училищъ.[1] Между тѣмъ «Краткую священную исторію ветхаго и новаго завѣта съ приложеніемъ важнѣйшихъ молитвъ и краткаго катехизиса» соч. Малышевича, не одобрѣнную ни ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, ни духовной властью римско-католической церкви, народные учители, по предписанію дирекціи народныхъ училищъ, вызванному

---

[1] Отношеніе попечителя виленскаго учебнаго округа къ виленскому генералъ-губернатору отъ 3 іюня 1889 г. за Nr. 59.

настояніемъ управленія виленскаго учебнаго округа, старались всѣми силами навязать какъ дѣтямъ, такъ даже и самимъ ксендзамъ законоучителямъ въ руководство.

Ксендзъ Малышевичъ, бывшій настоятель гродненскаго фарнаго костела и архидіаконъ бѣлостокскій, пользовался особымъ покровительствомъ русскихъ властей за открытое попраніе основныхъ католическихъ законоположеній римско-католической церкви и открытое же противодѣйствіе и ослушаніе епископской власти, почему и книга его была особо покровительствуема. Послѣ того, какъ въ 1879 г. особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія введеніе этой книги въ число руководствъ для преподаванія закона Божія римско-католическаго исповѣданія въ учебныхъ заведеніяхъ не призналъ полезнымъ[1], министерство внутреннихъ дѣлъ стало настаивать на такомъ введеніи. Подъ давленіемъ подобныхъ настояній министерство народнаго просвѣщенія отвѣтило первоначально[2], что съ его стороны не встрѣчается препятствій къ допущенію труда Малышевича, какъ руководства въ учебныя заведенія, такъ какъ замѣченные въ ономъ недостатки касаются почти исключительно вопросовъ строго церковнаго характера, а въ концѣ концовъ отозвалось, что право окончательнаго сужденія о пригодности труда Малышевича, съ точки зрѣнія церковной, принадлежитъ власти завѣдывающей церковными дѣлами римско-католическаго исповѣданія.

---

[1] Тоже отношеніе.
[2] Тоже отношеніе.

Такимъ образомъ въ угоду министерства внутреннихъ дѣлъ протежировавшему кс. Малышевича, а за нимъ и трудъ его, не взирая вовсе на его непригодность какъ съ церковной, такъ и съ учебной точки зрѣнія, министерство народнаго просвѣщенія отказалось отъ всѣхъ своихъ учено-учебныхъ компетенцій во всемъ ихъ объемѣ.

Неудивительно послѣ этого, что инспекторы народныхъ училищъ, будучи почему либо недовольны преподаваніемъ ксендзовъ, или, правильнѣе говоря, ихъ манерой держать себя въ классѣ и внѣ классовъ, поручаютъ учителямъ преподавать дѣтямъ Законъ Божій наряду съ ксендзами. Такимъ образомъ въ то время, какъ въ Царствѣ Польскомъ римско-католическое духовенство произволомъ попечителя учебнаго округа вовсе почти устранено, вопреки закону отъ преподаванія Закона Божія въ начальныхъ училищахъ, въ Западномъ краѣ произволомъ начальныхъ учителей и инспекторовъ народныхъ училищъ, поддерживаемыхъ, поощряемыхъ и награждаемыхъ управленіемъ виленскаго учебнаго округа, ксендзы-законоучители, также вопреки закону, фактически устраняются нерѣдко отъ того же преподаванія. Здѣсь именно надо искать объясненія тому крайне прискорбному явленію, что въ Западномъ краѣ и въ особенности въ ковенской губерніи, представляющей сплошное католическое населеніе, оканчивающія курсъ народныхъ училищъ крестьянскія дѣти римско-католическаго исповѣданія, не получаютъ свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности единственно вслѣдствіе обнаруженныхъ на экзаменахъ крайне слабыхъ познаній по Закону Божію.

Параллельно съ этимъ въ виду протестовъ католическихъ епископовъ Западнаго края и отказа ихъ отъ назначенія законоучителями въ гимназіи тѣхъ ксендзовъ, какихъ угодно имѣть въ стѣнахъ учебныхъ заведеній учебному начальству, министерство народнаго просвѣщенія въ началѣ 1890 г. рѣшило вовсе отказаться отъ законоучительства ксендзовъ въ гимназіяхъ, и на этотъ случай выработало правило снабжать аттестатами учениковъ-католиковъ разныхъ учебныхъ заведеній, вовсе не проходившихъ закона Божія и не державшихъ изъ него экзаменовъ, о чемъ Тельшевскій римско-католическій епископъ и былъ увѣдомленъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ мартѣ того же 1890 года.[1]

Изъ изложеннаго представляется совершенно очевиднымъ, что администрація предпочитаетъ отказаться вовсе отъ религіознаго обученія и религіозно-нравственнаго воспитанія католическаго отречества и юношества, нежели прекратить насилственное чрезъ нихъ давленіе и разлагающій натискъ на католическую религію. Что по отношенію къ учащимся римско-католическаго исповѣданія въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ учиняется учебнымъ вѣдомствомъ и другими органами русскаго правительства насиліе, это сознается какъ римско-католическимъ населеніемъ края съ одной стороны, такъ и самимъ учебнымъ вѣдомствомъ съ другой. Когда въ мартѣ 1890 г. Тельшевскій римско-католическій епископъ Паллюліонъ былъ по испрошенному министромъ внутреннихъ дѣлъ Вы-

---

[1] Письмо виленскаго генералъ-губернатора къ Тельшевскому епископу отъ 7 октября 1890 г. за Nr. 1275.

сочайшему повелѣнію, лишенъ половины содержанія, именно за противодѣйствіе распоряженію попечителя виленскаго учебнаго округа о посѣщеніи въ высокоторжественные дни учениками католиками православныхъ храмовъ — и лѣтомъ того же года, когда крестьянское населеніе Литвы узнало о постигшемъ епископа наказаніи, между нимъ начались денежные сборы въ пользу епископа, для пресѣченія и прекращенія которыхъ полиціей и администраціей края предприняты были всѣ зависящія отъ нихъ мѣры[1].

Такимъ образомъ даже крестьянство Сѣверо-Западнаго края сознаетъ несправедливость и противуестественное значеніе постигшаго епископа наказанія и правоту отстаиваемаго послѣднимъ дѣла. Что, съ другой стороны высшее управленіе учебнаго вѣдомства и органы русскаго правительства также сознаютъ насильственность этой политики и этихъ дѣйствій въ отношеніи учащихся католиковъ въ Западномъ краѣ, доказываетъ слѣдующій весьма знаменательный фактъ:

Въ томъ же 1889 г., отмѣченномъ сплошь многими достопримѣчательными фактами, нами уже помянутыми и разъясненными, предстояло 17 октября первое благочинное благодарственное молебствіе по поводу избавленіи Царской семьи отъ опасности при крушеніи поѣзда близь ст. Борки. День этотъ не былъ отнесенъ еще къ числу высокоторжественныхъ и потому возникалъ вопросъ: имѣютъ ли ученики католики право присутствовать при благодарственномъ богослуженіи въ костелѣ, или обязаны на молебствіи въ православной

---

[1] Представленіе ковенскаго губернатора виленскому генералъ-губернатору отъ 30 іюня 1889 г. за Nr. 6057.

церкви. О разрѣшеніи возникающаго такимъ образомъ недоумѣнія попечитель виленскаго учебнаго округа обратился съ письмомъ къ министру народнаго просвѣщенія. На письмо это получена въ Вильнѣ на имя попечителя учебнаго округа 16 октября въ 9 ч. 40 мин. вечера отвѣтная телегамма графа Делянова нижеслѣдующаго весьма лаконическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ многовыразительнаго содержанія: «Поступите какъ въ высокоторжественные дни, но безъ насилія». Какое же можетъ быть еще болѣе выразительное и болѣе доказательное свидѣтелство, что въ высокоторжественные дни съ учениками католиками поступаютъ «съ насиліемъ».

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что, согласно Высочайше утвержденному 22 мая 1864 г. положенію Западнаго Комитета, допускается пріемъ въ русскія учебныя заведенія не свыше 1/10 части лицъ польскаго происхожденія. Хотя положеніе это, имѣющее силу и значеніе закона, гласитъ лишь объ учебныхъ заведеніяхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, но тѣмъ не менѣе были попытки примѣненія его и къ Западному краю во всякомъ случаѣ, по букальному его смыслу; даже за предѣлами этого края образовательныя права поляковъ подвергнуты серьезнымъ ограниченіямъ. Хотя даже въ составѣ б. Западнаго Комитета нашелся одинъ сановникъ, статсъ-секретарь Головинъ, который противъ ограниченія такого представилъ весьма вѣскія и серьезныя возраженія, тѣмъ не менѣе однако оно воплотилось въ законъ. Хотя онъ былъ утвержденъ Высочайшею властью лишь «какъ мѣра временная впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія» тѣмъ не менѣе законоположеніе это не отмѣнено и не измѣнено даже до сего времени. Такимъ образомъ, образовательное притѣ-

сненіе и уничиженіе не покидаетъ поляка даже за предѣлами б. Рѣчи Посполитой, за рубежомъ Западнаго края въ коренной Россіи, превращаясь лишь въ образовательное правоограниченіе.

Правда, въ представленіи своемъ министру внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшемъ въ сентябрѣ 1885 г.[1], виленскій генералъ-губернаторъ настаивалъ, равно какъ и въ поданной ранѣе того всеподданнѣйшей запискѣ Государю Императору, на воспрещеніе лицамъ мѣстнаго не крестьянскаго происхожденія поступать въ семинаріи Сѣверо-Западнаго края, или на ограниченіи по-крайнѣй мѣрѣ числа воспитанниковъ не крестьянскаго происхожденія въ виленской семинаріи 26% (а въ тельшевской 30%), соотвѣтственно процентному отношенію не крестьянъ къ общему числу католиковъ въ краѣ, признанному мѣстной администраціей; но представленіе это Высочайше утвержденными 1 ноября 1886 г. и 11 мая 1887 г. положеніями комитета министровъ рѣшительно отвергнуто.

Замѣчательно, что въ первомъ изъ засѣданій комитета министровъ по этому предмету бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстой рѣшительно высказался, что «ограниченіе числа воспитанниковъ семинарій изъ поляковъ какимъ-либо процентомъ къ воспитанникамъ другихъ народностей, подобно тому какъ это установлено въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, представляется неосуществимымъ въ краѣ, преимущественно населенномъ поляками.[2]»

---

[1] 23 сентября за Nr. 4515.

[2] Высочайше утвержденное 1 ноября 1886 г. положеніе комитета министровъ, сообщенное виленскому генералъ-губернатору товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ при письмѣ отъ 28 ноября 1886 г. за Nr. 6042.

Отражаемымъ для участія въ пріемныхъ переводныхъ и выпускныхъ экзаменахъ въ семинаріяхъ окружнымъ инспекторамъ вмѣняется въ объязанность всячески «срѣзывать», наиболѣе способныхъ и знающихъ изъ добивающихся поступленія въ семинарію, а изъ обучающихся уже тѣхъ, которые могутъ быть заподозрѣны въ «фанатическомъ направленіи» въ будущей своей священнической дѣятельности.

Этотъ образъ дѣйствій учебныхъ начальствъ виленскаго учебнаго округа, по отношенію къ экзаменамъ въ католическихъ семинаріяхъ, получитъ надлежащее освѣщеніе, если мы укажемъ, что при обсужденіи въ комитетѣ министровъ въ октябрѣ 1886 г., возбужденныхъ представленіемъ виленскаго генералъ-губернатора вопросовъ о католическихъ семинаріяхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Толстой высказался, между прочимъ, что «во всякомъ случаѣ не въ интересахъ русскаго правительства заботиться о возвышеніи научнаго уровня выпускаемыхъ католическими семинаріями ксендзовъ, такъ какъ болѣе высокій уровень ихъ образованія можетъ лишь содѣйствовать ихъ успѣхамъ въ борьбѣ съ духовенствомъ православнымъ».[1]

Возвращаясь къ общимъ учебнымъ заведеніямъ, необходимо указать, что все управленіе и учительскій персоналъ виленскаго учебнаго округа набранный спеціально и исключительно изъ лицъ духовнаго званія православнаго исповѣданія, ни мало не стѣсняясь ни видами высшаго правительства, ни намѣреніями мѣстныхъ представителей высшей правительственной власти въ лицѣ генералъ-губернатора и губернаторовъ,

---

[1] Тоже.

и даже не справляясь съ таковыми по собственной иниціативѣ, и на собственный страхъ и рискъ затѣваетъ и предпринимаетъ многоразличные обруситель-ные и оправославительные эксперименти. Всегда почти, въ видахъ поддержанія авторитета власти и ея достоинства, высше правительство бываетъ поставлено въ необходимость мѣропріятія эти санкціонировать и утверждать, такъ что учебное вѣдомство виленскаго округа представляется какимъ то своеобразнымъ правительствомъ въ правительствѣ, пропитаннымъ крайнимъ фанатизмомъ по отношенію къ иновѣрцамъ, и въ особенности къ католикамъ, совершенно несвойственнымъ ни характеру русскаго народа, ни духу исповѣдуемой имъ религіи. Эта своеобразная духовно-учебная республика вмѣшивается во всѣ положительно отправленія общественной жизни обширнаго Сѣверо-Западнаго края и является истиннымъ хозяиномъ положенія.

Нечего говорить уже о томъ, что не только въ Западномъ краѣ, но и въ коренной Польшѣ, т. е. Царствѣ Польскомъ, всякій даже частный разговоръ между учащимися на польскомъ языкѣ строго преслѣдуется, а всякое проявленіе симпатій къ своему языку къ своей народности, къ своей культурѣ, къ своей національной религіи, къ своему историческому прошлому, признается преступнымъ и влечетъ за собой весьма тяжкія послѣдствія.

Русскіе учебники и курсы всеобщей и русской исторіи наполнены извращеніемъ историческихъ фактовъ и направлены спеціально къ затемненію, осужденію, омраченію, и уничиженію польской государственной общественной народной, даже церковной исторіи.

Преклоненіе предъ польскими государственными дѣятелями, благоговѣніе къ двигателямъ польской науки и культуры, уваженіе къ великимъ историческимъ личностямъ Рѣчи Посполитой, даже въ общеславянскомъ смыслѣ, въ родѣ короля Яна Собѣскаго, все то словомъ, что такъ цѣнятъ и такъ стараются развить съ малыхъ лѣтъ въ русскомъ юношествѣ по отношенію къ своей государственной и народной исторіи, признается въ польскомъ порокомъ и проступкомъ, вызывающими всевозможныя искоренительныя и карательныя мѣры.

Изъ всего изложеннаго вытекаетъ одинъ только неизбѣжный и прискорбный выводъ: Въ законодательныхъ своихъ актахъ и правительственныхъ мѣропріятіяхъ русская высшая государственная власть и русское правительство проводили неоднократно и проводятъ до сихъ поръ тотъ основной принципъ, что школа отъ высшей до нисшей должна служить исключительно цѣлямъ образованія и нравственнаго воспитанія; всякія же иныя цѣли и задачи должны быть ей безусловно чужды и не могутъ быть примѣшиваемы къ ея святому дѣлу. Между тѣмъ русская школа въ Западномъ краѣ и Царствѣ Цольскомъ, въ большей даже еще степени нежели администрація со всѣми ея органами, является той почвой всевозможныхъ правительственныхъ мѣропріятій, на которыхъ должно происходить разложеніе польской стихіи, польской народности и польской національной религіи. Школа, построенная на подобныхъ основаніяхъ, естественно, не можетъ удовлетворять своему прямому и святому назначенію; кое-что давая польскому юношеству въ чисто образовательномъ отношеніи, она служитъ въ несравненно боль-

шей степени къ его нравственному развращенію, его общественной деморализаціи и разложенію его характеровъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ХОДЪ ПОЛЬСКО-РУССКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

Вѣковая борьба между Польшею и Русью, вѣчная вражда между поляками и русскими — это одна изъ тѣхъ избитыхъ истинъ, одно изъ тѣхъ общихъ мѣстъ, которыя всѣми повторяются, но ни кѣмъ не провѣряются. Никто по крайнѣй мѣрѣ не старался до сихъ поръ разслѣдовать, дѣйствительно ли государственное единоборство съ Русью наполняетъ собой сплошь всю исторію бывшей Рѣчи Посполитой польской, дѣйствительно ли вражда между русскими и поляками проистекаетъ изъ причинъ въ теченіи столькихъ вѣковъ нисколько не измѣнившихся, причинъ не устранимыхъ, причинъ неизбѣжныхъ, причинъ, такъ сказать, роковыхъ.

Подходя къ этому историческому прошлому польскаго государства и польскаго народа съ одной стороны, и государства и народа русскаго съ другой, безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякаго предубѣжденія, безъ всякихъ предразсудковъ, съ одной лишь готовностью найти истину, съ однимъ лишь желаніемъ ее видѣть и осязать, мы невольно останавливаемся передъ историческими фактами, оказывающимися въ рѣзкомъ и не примѣримомъ противорѣчіи съ обычными и общераспространенными пред-

ставленіями о вѣковой народной враждѣ и ненависти между поляками и русскими.

Замѣчательно польское посольство, снаряженное въ Москву въ 1600 г. отъ имени короля польскаго. Глава посольства канцлеръ Левъ Сапѣга поздравилъ Царя Бориса Ѳедоровича со вступленіемъ на престолъ, а отъ имени народа польскаго изъявилъ желаніе жить съ русскими на вѣчныя времена въ согласіи, любви и единствѣ, о чемъ просилъ заключить договоръ, поясняя, что поляки искони добиваются такого договора.[1] Отъ имени царя московскаго царевичъ Ѳедоръ Борисовичъ объявилъ польскому посольству, что «великій государь, царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всея Руси самодержецъ и многихъ государствъ владѣлецъ и обладатель, велѣлъ своимъ боярамъ думнымъ съ ними, послами, договоръ чинить». 3 декабря 1600 г. собралось въ московской отвѣтной палатѣ посольство польское и боярство русское. Левъ Сапѣга, великій канцлеръ литовскій, собравшемуся въ отвѣтной палатѣ русскому боярству прочиталъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи условія вѣчнаго мира и соединеніе между русскими и поляками. Условія эти заключались въ 24 пунктахъ, изъ которыхъ главнѣйшіе слѣдующіе:

1) Поляки и русскіе должны жить между собою въ согласіи и вѣчной и нераздѣльной любви, какъ люди одной вѣры христіанской, одного языка и одного народа славянскаго.

2) Договоры, союзы и перемирія должны заключаться впредь какъ государствомъ польскимъ, такъ и

---

[1] Poselstwo Lwa Sapiehy w roku 1600 do Moskwy podług dyaryusza Eliasza Pielgrzymowskiego sekretarza Poselstwa. Grodno, 1846.

царствомъ московскимъ не иначе, какъ съ общаго согласія русскихъ и поляковъ.

3) Враги русскихъ должны быть врагами поляковъ и, на оборотъ, враги поляковъ должны быть врагами русскихъ.

4) Оба народа должны всѣми силами помогать другъ другу во время нашествія внѣшнихъ враговъ.

5) Всѣ земельныя посредствомъ войни пріобрѣтенія оба народа должны дѣлить между собою поровну либо владѣть ими сообща.

6) Полякамъ въ государствѣ русскомъ и русскимъ въ государствѣ польскомъ предоставляется свободное проживательство и право службы какъ гражданской такъ и военной.

7) Полякамъ въ государствѣ русскомъ и русскимъ въ государствѣ польскомъ предоставляется свободное право жениться, родниться и дружиться.

8) Полякамъ въ государствѣ русскомъ и русскимъ въ государствѣ польскомъ предоставляется свободное право закупать помѣстія, а равно получать за службу, брать ихъ въ приданное за женой и наслѣдовать.

9) Полякамъ въ государствѣ русскомъ и русскимъ въ государствѣ польскомъ предоставляется безпрепятственно посылать дѣтей для обученія и на службу, съ правомъ возврата въ свое отечество.

10) Полякамъ въ государствѣ русскомъ и русскимъ въ государствѣ польскомъ предоставляется полная свобода вѣроисповѣданія, съ правомъ свободной постройки церквей своей вѣры.

11) Поляки въ государствѣ русскомъ и русскіе въ государствѣ польскомъ пользуются ничѣмъ неограниченнымъ правомъ торговли.

12) Поляки и русскіе обязаны взаимно выдавать бѣглыхъ, разбойниковъ и всякихъ преступниковъ.

13) Поляки и русскіе содержатъ на южной границѣ общее войско противъ татаръ, а равно содержатъ сообща артиллерію и морскія суда.

14) Въ государствѣ польскомъ и государствѣ русскомъ вводится монета однообразная по вѣсу и цѣнѣ.

Таковы главнѣйшія изъ условій вѣчнаго мира и соединенія между поляками и русскими, предложенныхъ посольствомъ польскимъ боярству русскому. Это послѣднее съ предложенными условіями не согласилось, и вѣчный миръ между двумя главнѣйшими государствами и народами славянскими не состоялся. Тѣмъ не менѣе самая попытка эта, исходившая съ польской стороны, представляетъ фактъ огромной исторической важности. Изъ рѣчи великаго канцлера литовскаго мы узнаемъ, что поляки искони желали жить въ любви, единствѣ и дружбѣ съ народомъ русскимъ.

При всей ихъ сравнительно немногочисленности изложенные историческіе факты свидѣтельствуютъ съ непреложностью, что въ польскомъ обществѣ издревле жило сознаніе племеннаго родства съ народомъ русскимъ.

Очевидно, такимъ образомъ, что та вражда и ненависть, которыя нынѣ считаются между русскими и польскими отношеніями нормальными, неизбѣжными и исконными, суть позднѣйшаго происхожденія и вовсе не представляются ни неизбѣжными, ни неизмѣнными. Дружба, пріязнь, доброжелательство также имѣли свое мѣсто въ этихъ отношеніяхъ.

Для правильнаго уразумленія и должнаго разъясненія русско-польскихъ отношеній представляется

необходимымъ прослѣдить исторію польской государственности и общественности до паденія польскаго государства, а равно исторію русской государственности и общественности послѣ паденія Рѣчи Посполитой Польской. Задача эта представляется весьма трудной, ибо общіе законы, управляющіе общественнымъ бытомъ вообще и жизьню государственной въ частности, до сего времени не установлены и не разъяснены въ должной степени. По этому во многомъ намъ прійдется идти по пути, еще никѣмъ не проложенному:

Распра между народностями польской и русской впервые возникаетъ въ исторіи на почвѣ пререканій и столкновеній польскаго дворянства и русскаго казачества въ бывшей Рѣчи Посполитой Польской. Мы не станемъ доискиваться здѣсь, какъ, когда и почему возникло казачество въ той части польской Руси, которая получила впослѣдствіи наименованія Малой, какимъ образомъ и почему оно сплотилось и какими путями стало такой силой, какъ физической, такъ и нравственной, съ которой приходилось считаться серьезно не только правящему шляхетскому классу и государственнымъ властямъ Рѣчи Посполитой, но и сосѣднимъ государствамъ. Для насъ достаточно указать лишь, что, какъ нѣчто органически цѣлостное, казачество выдѣлилось изъ остальнаго русскаго населенія государства польско-литовско-русскаго, около 1360 г., при польскомъ Королѣ Казимірѣ великомъ и что, разъ образовавшись въ государственномъ строѣ древней польской республики, эта своеобразная общественная организація казацкой вольницы нѣсколько вѣковъ вела упорную борьбу за свою самостоятельность политическую, вѣроисповѣдную и экономическую.

Первый слѣдъ юридическихъ гарантій, данныхъ казацкой вольницѣ государствомъ польскимъ, находимъ въ привилегіи дарованной королемъ Владиславомъ Ягелло за услуги, ими оказанныя въ битвѣ подъ Грюнвальдомъ, гдѣ казацкіе полки склонили непріятеля къ бѣгствіи. Въ привилегіи этой устанавляется, между прочимъ, что рицарство русское съ рыцарствомъ польскимъ и литовскимъ должно считаться за одно, какъ равные съ равными и вольные съ вольными, а заканчивается она изъятіемъ казаковъ изъ зависимости литовской на томъ основаніи, что, какъ буквально выражено въ этой привилегіи «рыцарство русское многократно проливаемою кровью искупило свою независимость». Такимъ образомъ казачество именуемое уже въ государственныхъ актахъ Рѣчи Посполитой, рыцарствомъ русскимъ, получило большія и широкія права и всѣ тѣ преимущества, какія принадлежали дворянству польскому и литовскому. Однако равенство это не пошло много далѣе грамоты, въ которой было начертано, и оставалось мертвой буквой.

Разные историки, какъ русскіе, такъ даже и польскіе, винятъ въ этомъ необузданность, своеволіе и общественную нечестность польскаго шляхетства. Однако объясненіе такое чрезъ чуръ поверхностно, несерьезно и лишено научныхъ основаній. Дѣло въ томъ, что общечеловѣческая цивилизація или, собственно говоря, внѣшняя ея сторона слабо прививалась къ тогдашней Руси. Патріархальный строй міровоззрѣнія, взаимоотношеній и правоотношеній русскаго казачества не могъ приспособиться къ той культурной высотѣ, на которой стояло тогдашнее польское шляхетство, состоявшее тогда еще изъ представителей

лучшихъ польскихъ дворянскихъ фамилій, безъ той позднѣйшей служилой и однодворческой примѣси, которая впослѣдствіи опошлила и унизила самое историческое наименованіе польскаго дворянства.

Такимъ образомъ гордая внутренними доблестями, но лишенная уваженія къ закону и внѣшнимъ условіямъ общежитія, выработаннымъ обще-человѣческой цивилизаціей, несогрѣтая преданностью наукѣ и искусству и творчеству высшаго порядка, непочатая, такъ сказать, сила русскаго казачества въ XV вѣкѣ стала рядомъ съ дворянствомъ польскимъ, столь же гордымъ своими внутренними доблестями, но и гордымъ также вмѣстѣ съ тѣмъ преданностью высшимъ условіямъ общежитія, чести, приличію, вѣжливости, обязанностямъ семейнымъ, родственнымъ, патріотическимъ и обще-человѣческимъ уваженіемъ законовъ, стремленіями къ славѣ защитниковъ и ревнителей христіанства. Естественно, что доблестное, но сравнительно очень мало просвѣщенное сообщество казацкое не могло чувствовать и считать себя равнымъ рядомъ съ сообществомъ шляхетскимъ, одинаково доблестнымъ, но обладавшимъ гораздо большими естественными, нравственными и наконецъ общественными гарантіями своей доблести. Здѣсь то и кроется истинная, жизненная причина того, что провозглашенное грамотой короля Владислава Ягелло «равенство рыцарства русскаго съ рыцарствомъ польскимъ» не воплотилось въ жизнь и неосуществилось въ дѣйствительности. Къ этому присоединились еще и причины иного рода.

Въ тѣ давнопрошедшія времена различія вѣроисповѣданія, національности и обычаевъ имѣли въ установленіи и развитіи взаимныхъ правъ, обязанностей и

отношеній гораздо большее и несравненно серьезнѣйшее значеніе, нежели въ настоящее время. По этому различіе вѣроисповѣданія, національности и обычаевъ русскаго казачества и польскаго шляхетства въ значительной степени препятствовало осуществленію того общественнаго и юридическаго между ними равенства, начало которому положено привилегіей дарованной казачеству Владиславомъ Ягелло. — Такимъ образомъ неосуществленіе этой грамоты вызвано было двумя параллельно дѣйствовавшими причинами. Первая, основная, заключалась въ большей разницѣ культурно-общественнаго развитія казачества русскаго и шляхетства польскаго, а вторая, случайная въ томъ общественно-государственномъ значеніи, какое имѣли въ то время формальныя различія.

Однако, несмотря на то, что всѣ факторы, какъ внутренняго, личнаго такъ и внѣшняго, общественнаго характера сложились крайне неблагопріятно и ставили оба первенствующія сословія Рѣчи Посполитой другъ противъ друга, до открытаго столкновенія между ними дѣло еще не доходило.

Между тѣмъ, Люблинская унія 1569 г. окончательно отмѣняетъ ленную зависимость Руси отъ Великаго Княжества Литовскаго. «Землю русскую — гласитъ актъ ея и Княжество кіевское съ ихъ жителями вообще и въ частности изъ подъ верховеньства Великаго Княжества Литовскаго освобождаемъ, а въ Королевство Польское, какъ въ первоначальное тѣло и какъ равныхъ и свободныхъ, включаемъ со всѣми городами, мѣстечками и селами.» Далѣе тотъ же актъ гласитъ: «Какъ русскому, такъ и польскому вѣроисповѣданіямъ гарантируемъ неприкосновенность и членамъ обѣихъ

народностей открываемъ одинаковый доступъ къ сенаторскимъ и другимъ полномочіямъ и должностямъ.»

Такимъ образомъ какъ національности польская и русская, такъ и національныя ихъ вѣроисповѣданія актомъ люблинской уніи совершенно уравнены другъ съ другомъ.

Затѣмъ въ 1572 г. въ періодъ междуцарствія, наступившій послѣ смерти короля Сигизмунда-Августа, польскій сеймъ объявляетъ въ Рѣчи Посполитой полную свободу совѣсти и равноправность всѣхъ диссидентовъ, какъ въ гражданскомъ такъ и въ политическомъ отношеніи. Въ самый разгаръ религіозныхъ страстей въ Европѣ, разразившійся кровавой тридцатилѣтней войной, сеймъ полскій, сеймъ католической Польши, столь преданной римскому католицизму и Папскому Престолу, объявляетъ всенародно полную равноправность всѣхъ разновѣрцевъ въ предѣлахъ польскаго государства и полную въ немъ свободу совѣсти. Вотъ подлинный текстъ этой сеймовой конституціи 1572 г.

«Такъ какъ въ Рѣчи Посполитой нашей есть не мало разногласныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, то предупреждая, дабы вслѣдствіе того не возникли безпорядки, какія видимъ въ другихъ королевствахъ, всѣ сообща постановляемъ, именемъ нашимъ и преемниковъ нашихъ на вѣчныя времена подъ страхомъ закона вѣры, чести и совѣсти нашей, что мы всѣ, религіозные диссиденты, должны жить между собою въ мирѣ и согласіи и по поводу разной вѣры и разныхъ церковныхъ обрядовъ недолжны ни крови проливать, ни карать кого бы то ни было конфискаціей имущества, лишеніемъ чести, заключеніемъ и ссылкою

и никакой власти въ такомъ дѣлѣ не помогать, а если бы дѣло до того доходило, то всѣ всѣми силами до того не допускать.»[1]

Это постановленіе генеральнаго сейма варшавскаго вошло въ «pacta conventa» и стало обязательнымъ для королей польскихъ. Такимъ образомъ, ни различіе правъ гражданскихъ, ни различіе правъ политическихъ, ни различіе правъ вѣроисповѣдныхъ, не могли возстановить Руси противъ Польши, казачество противъ шляхетства, ибо различій такихъ вовсе не существовало. Актъ люблинской уніи 1569 г. и сеймовая конституція 1572 г. совершенно уровняли народности русскую и польскую, вѣроисповѣданія русское и польское въ предѣлахъ государства польско-литовско-русскаго. По этому, если впослѣдствіи между шляхетствомъ и казачествомъ, рыцарствомъ польскимъ и рыцарствомъ русскимъ возникли распри, дошедшія до вооруженныхъ столкновеній, то причинъ ихъ надобно искать очевидно не въ различіи правъ, ни въ неравенствѣ вѣроисповѣданій, а въ иномъ, постороннемъ государственно-общественномъ факторѣ.

При королѣ Стефанѣ Баторію розыгрывается въ Рѣчи Посполитой первая борьба монархической королевской власти съ польскимъ сеймомъ. Въ этой борьбѣ и обрисовалось впервые самымъ рельефнымъ образомъ взаимное положеніе народностей польской и русской въ государствѣ польско-литовско-русскомъ. Польское шляхетство пропитанное духомъ нравственной независимости католицизма, обуреваемое идеями граждан-

---

[1] Volumina legum, T. II. Interregnum Confoederatio generalis Varsaviensis, 1572, pag. 841—842.

ской свободы, причастное къ ученіямъ греческихъ философовъ, усвоившее себѣ найпозднѣйшія пріобрѣтенія европейской цивилизаціи, встало на защиту полноправности гражданина дворянскаго достоинства, политическихъ привилегій высшаго сословія и верховенства сейма. Наоборотъ, представители русской народности въ лицѣ тогдашняго казачества, вслѣдствіе патріархальнаго склада своей семейной, политической и общественной жизни, стали на сторону отеческаго самодержавія королей. Такимъ образомъ въ двухъ передовыхъ силахъ тогдашнихъ народностей польской и русской, въ шляхетствѣ польскомъ и казачествѣ русскомъ, вплотились два противоположныя политическія движенія, два разнорѣчивыя теченія цивилизаціи, два противоположныхъ политическихъ склада. Имъ суждено было сразиться на почвѣ польской государственности при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для этой послѣдней. Народъ польскій, закрѣпощенный и безгласный, въ то время, какъ сила государственно-общественная, уже вовсе не существовалъ, и потому монархическая власть польскаго государства естественно стала искать себѣ опоры въ народѣ русскомъ. Такой опорой явилось русское казачество. Но разъ попытавшись опереться на Русь, королевская власть дискредитировала себя въ глазахъ тогдашнихъ представителей польской народности т. е. шляхетства. Вотъ съ этого-то времени, когда короли польскіе, начавъ борьбу съ защищавшею въ то время самоуправленіе польскою шляхетскою олигархіей, вздумали опереться на передовую силу теченія монархическаго, т. е. на казачество, съ этого времени въ столкновеніе чисто государственное, въ борьбу чисто политическую вводятся совер-

шенно побочные для нея элементы національный и религіозный.

Народность русская, съ ея греко-католическимъ вѣроисповѣданіемъ, становится опорой, сообщникомъ, сотрудникомъ и знаменемъ монархическаго начала въ польскомъ государствѣ, — а народность польская, съ ея римско-католическимъ вѣроисповѣданіемъ, становится опорой и знаменемъ начала сословно-представительнаго, шляхетско-республиканскаго. Конечно и высшее сословіе русской народности, потомки боярства западно-южной Руси, примыкало къ тенденціямъ и стремленіямъ шляхетства польскаго и потому оно ополячилось и окатоличилось настолько скоро, что ко времени разыгравшагося въ Рѣчи Посполитой въ XVI вѣкѣ конфликта между монархизмомъ и шляхетскимъ самоуправленіемъ его, этого исконняго дворянства русскаго уже почти не существовало. Оно сѫлилось во всѣхъ внѣшнихъ признакахъ со шляхетствомъ польскимъ. Тогда въ качествѣ передовой силы русской народности въ государствѣ польскомъ появляется и выступаетъ казачество. Поборники верховенства шляхетскаго самоуправленія въ Рѣчи Посполитой, увидя, что монархическое начало и монархическая власть въ государствѣ уже рѣшительно опираются на народность, раздѣленную отъ главной народности государства вѣроисповѣданіемъ, обычаями, языкомъ, культурой и симпатіями, открыли гоненіе на эту крамольную противогосударственную въ ихъ глазахъ народность. Отсюда то и проистекаетъ начавшаяся съ того времени вражда Польши и Руси.

Такимъ образомъ, со временъ Стефана Баторія монархическая власть въ Рѣчи Посполитой Польской

и общественная ея опора — казацкое сословіе — пришли въ столкновеніе съ представительной олигархіей и ея общественной основой — шляхетствомъ. Борьба между ними продолжалась цѣлыхъ 200 лѣтъ.

Мы не станемъ слѣдить здѣсъ за всѣми перипетіями этой борьбы и отмѣтимъ лишь ея главнѣйшіе моменты и результаты. Поборники верховенства сейма сознавали хорошо, что при тѣхъ традиціяхъ, на которыя опирается наслѣдственная власть, верховенство самоуправленія не можетъ должнымъ образомъ осуществляться и воплотиться въ дѣйствительность. Вмѣстѣ съ тѣмъ они также сознавали, что преданность казачества наслѣдственному престолу и всегда готовая ихъ боевая сила являются постоянной угрозой тому же верховенству. Поэтому прежде всего, было создано и проведено новое государственное начало, начало избираемости королей. При наступившихъ, вслѣдствіе принятія этого начала, элекціяхъ шляхетское сословіе составляло уже съ избираемыми имъ королями «pacta conventa» и въ нихъ выговаривало себѣ всемозможныя вольности. Затѣмъ, дабы привлечь и русское населеніе государства къ сочувствію и содѣйствію дѣлу шляхетско-государственнаго представительства и верховенства сейма, была введена Брестская унія въ 1595 г. Унія греко-католической и римско-католической церквей была установлена еще въ 1439 г., но объединеніе такое не вызвало однако никакихъ столкновеній либо замѣшательствъ, ибо введено было съ дѣйствительно религіозною цѣлью. Брестская же церковная унія 1595 г. создана была несомнѣнно въ видахъ политическихъ.

Если бы радость примиренія и соединенія церквей

воодушевляла тогдашнѣе польское общество, то фактъ неравенства епископовъ римско-католическихъ и грекоуніятскихъ, само собою разумѣется не имѣлъ бы мѣста. Въ уніи этой, получивъ средство привлеченія извѣстныхъ элементовъ тогдашняго русскаго общества въ польскомъ государствѣ къ дѣлу польскихъ политическихъ вольностей путемъ постепенной и малозамѣтной ихъ католицизаціи и вооружившись правомъ элекціи королей, тогдашнее польское шляхетское представительство приступило уже къ систематическому нейтрализованію монархической власти и къ систематическому давленію на русскую народность, какъ опору, носительницу и выразительницу монархическаго начала, столь ненавистнаго поборникамъ, и въ особенности, къ фанатикамъ государственнаго верховенства шляхетскаго самоуправленія. Съ этого именно момента рѣшительный поворотъ въ отношеніяхъ обѣихъ народностей былъ уже сдѣланъ на многіе вѣка. Борьба разгоряется и принимаетъ ожесточенный характеръ. Казачество, этотъ защитникъ трона и радѣтель самодержавія въ польскомъ государствѣ, въ глазахъ польскаго шляхетства обуреваемаго идеаломъ сеймоваго верховенства, является полчищемъ варваровъ, оскверняющимъ его народную политическую святыню и не заслуживающимъ ни малѣйшей пощады. Здѣсь то и кроется причина безчисленныхъ нарушеній торжественныхъ клятвъ, обѣтовъ и соглашеній, арестованія вопреки выданнымъ видамъ безопасности, убиванія пословъ и заложниковъ и всевозможнымъ жестокостей. Въ свою очередь, въ критическій моментъ это чисто политической борьбы универсалъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго призывалъ всѣхъ крестьянъ Рѣчи По-

сполитой, безъ различія вѣроисповѣданія и національности, на защиту королевской самодержавной власти на борьбу со шляхетскими войсками.

Такимъ образомъ, насильственное давленіе на русскій элементъ въ Рѣчи Посполитой порождено было обоготвореніемъ верховенства сейма и вольностей, внѣ которыхъ польское шляхетство и польская интеллигенція того времени не видѣли отечества. Въ то время, какъ въ глазахъ казачества, представителя русской общественности того времени въ польскомъ государствѣ, шляхетскій сеймъ являлся сборищемъ своевольниковъ и ослушниковъ королевской власти — въ глазахъ шляхетства казацкое войско являлось притономъ рабства и варварства. Отсюда то и проистекаетъ эта безпощадность взаимныхъ отношеній двухъ борющихся сторонъ. Это не безчеловѣчность, кровожадность, отсутствіе христіанскаго братолюбія, а ожесточеніе политическихъ противниковъ.

Когда воевода Кисель отъ имени сейма польскаго явился къ гетману войскъ казацкихъ Богдану Хмѣльницкому для переговоровъ, то этотъ послѣдній выслушавъ длинныя рѣчи воеводы, отвѣтилъ: «Однимъ словомъ, изъ всей этой коммисіи ничего не будетъ; переверну васъ всѣхъ въ верхъ ногами, потоплю или продамъ въ неволю турецкому султану. Король пусть себѣ будетъ королемъ, но если бы онъ рѣшился вырѣзать шляхетство, то былъ бы свободенъ. Провинится князь — усѣчь ему голову, согрѣшилъ казакъ — съ нимъ сдѣлать тоже.» Хотя въ этомъ отвѣтѣ гетмана войскъ россійскихъ сейму Рѣчи Посполитой и сквозитъ идея государственнаго и гражданскаго равенства, но вмѣстѣ съ тѣмъ на мѣсто несправедливыхъ и устарѣ-

лыхъ привиллегій одной государственно-общественной крайности, ставится здѣсь совершенная безправность и равенство въ безправіи — другая же такая же крайность. Вмѣсто самодержавія сейма и верховенства верхняго слоя, предлагается здѣсь абсолютизмъ королевской власти и верховенство слоя нисшаго. Какія, именно возраженія сдѣланы воеводомъ Киселемъ гетману Хмѣльницкому на этотъ отвѣтъ сейму, исторія не даетъ намъ никакихъ указаній, но извѣстно однако, что выслушавъ эти возраженія и увѣщанія, гетманъ прослезился. Нельзя не видѣть отсюда, что, слѣдовательно, ненависти тутъ небыло, а было непримиримое противорѣчіе двухъ политическихъ и культурно общественныхъ идеаловъ.

Тогдашняя Русь убѣдилась, наконецъ, что она преслѣдуется не вслѣдствіе вспышки національной и религіозной ненависти, а какъ носительница монархическаго начала и сторонница королевскаго самодержавія, и что по этому ожидать пощады и примиренія невозможно. Правда, послѣдовавшій въ скоромъ времени Галячскій уставъ распространилъ дворянское достоинство Рѣчи Посполитой на десятки тысячь казаковъ, но эта общественная среда перешагнуть сразу отъ безправія къ привилегіямъ, отъ подчиненія королевской власти къ участію въ общественномъ верховенствѣ, отъ простого естественнаго, демократическаго уклада общественной жизни къ укладу условному, формальному, аристократическому — не помогла, и потому опыть Галячскаго устава и попытка примиренія на почвѣ реформы государственныхъ учрежденій Рѣчи Посполитой не удались. Русь отдѣлилась и сословная республика польско-литовско-рус[illegible]я пошатнулась въ

самыхъ своихъ основаніяхъ. Послѣ отдѣленія этого государство польско-литовское ударилось въ сеймовыя крайности, впало въ анархію и пошло къ окончательному распаденію и разрушенію. Дальнѣшая судьба Рѣчи Посполитой на столько общеизвѣстна, что считаемъ излишнимъ здѣсь говорить о ней.

Упомянемъ лишь, что борьба польскаго общества того времени съ русскою народностью находящейся внѣ предѣлахъ государства польско-литовско-русскаго, т. е. съ государствомъ московскимъ, носила характеръ чисто государственный, политическій.

Итакъ коренная причина розни, раздѣлившей когда то и по нынѣ продолжающей раздѣлять народности польскую и русскую, нынѣ для насъ совершенно понятна и ясна. Причина эта — рѣзкое и непримиримое различіе и нѣкоторая противоположность государственныхъ и государственно-общественныхъ идеаловъ, понятій и стремленій. Антагонизма національнаго и религіознаго здѣсь въ дѣйствительности, въ существѣ дѣла не было и нѣтъ. Сознаніе пламеннаго родства народовъ польскаго и русскаго, столь рельефно выразившееся въ рѣчи великаго канцлера литовскаго Льва Сапѣги предъ боярствомъ московско-русскимъ въ отвѣтной палатѣ московскаго государства въ 1600 г., т. е. около 300 лѣтъ тому назадъ, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка пробудилось въ обществахъ какъ польскомъ, такъ и въ особенности русскомъ и продолжаетъ укрѣпляться и созрѣвать до настоящихъ дней. Необходимо поэтому изъ области политической, породившей рознь и непріязнь между этими двумя народностями, перейти къ области чисто культурной. Прежде однако чѣмъ обратиться къ

выясненію культурныхъ соотношеній Руси и Польши, какъ въ прежніе вѣка такъ и въ позднѣйшее время, необходимо сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній, характеризующихъ культурный обликъ и уровень польской народности какъ въ исторіи, такъ и въ новѣйшія времена.

Вопреки обще-распространенному мнѣнію, поляки много вѣковъ отстаивали славянство противъ германизаціи. Хотя польское племя явилось въ свое время главнымъ двигателемъ, распространителемъ и проводникомъ европейской цивилизаціи въ словянскомъ мирѣ, тѣмъ не менѣе начала этой цивилизаціи на почвѣ польской народности сочитались съ основами славяно-польской культуры и цивилизаціи и создали самостоятельный культурный типъ передовой европейской славянской націи. Начала европейской цивилизаціи, римская церковь и книжный латинскій языкъ, не помѣшали развитію и расцвѣту польской литературы, а затѣмъ, науки на національномъ языкѣ и развитія здоровыхъ началъ славяно-польской культуры и общественности. Естественно поэтому, что такая культура и такая цивилизація стали на стражѣ независимости и самостоятельности славянской культуры и цивилизаціи и давали рѣшительный отпоръ всѣмъ попыткамъ германизаціи. Полабское славянство было залито и поглощено нѣмецкимъ разливомъ и отъ всей славянщины той части Европы лишь лужицкіе сербы крохотнымъ одинокимъ островкомъ уцѣлѣли и еле виднѣются среди необозримаго тевтонскаго моря; но Польша, съ ея самостоятельной и прочной славянско-польской культурой и цивилизаціей, сумѣла и успѣла удержать на-

поръ нѣмецкаго моря при обстоятельствахъ самыхъ неблагопріятныхъ.

Море это залило уже берега Одера, Эльбы, Вислы, Нѣмана, Дуная и достигало береговъ Волхова. Въ Новгородѣ, во Псковѣ и другихъ городахъ древней Руси осѣло уже нѣмецкое купечество и утвердилось магдебургское право, а въ Чехіи и Моравіи господствовала династія Люксенбурговъ. Польша съ трехъ сторонъ была уже окружена нѣмецкимъ моремъ, а внутри ея пришлый нѣмецкій элементъ господствовалъ въ городахъ и монастыряхъ, церквахъ и школахъ, разселяясь все ширѣ и ширѣ на земляхъ главнѣйшей въ то время изъ славянскихъ націй. Но въ эту роковую для славянства минуту соединенныя силы Польщи, Литвы и Руси, подъ главенствомъ первой, разбили на повалъ нѣмецкія силы подъ Грюнвальденомъ и Танненбергомъ. Замѣчательно, что въ битвѣ подъ Грюнвальденомъ казацкія полки первые сломили непріятеля, за что отъ короля Владислава Ягелло и получили первую привиллегію.

Такимъ образомъ передовая сила русской тогдашней общественности высшей, слой которой тогда успѣлъ уже пріобщиться къ высшей культурѣ и цивилизаціи польской по оси польской государственности, была направлена на защиту славянской независимости и самостоятельности.

Въ этихъ двухъ славныхъ битвахъ рѣшался роковой вопросъ, быть или небыть славянству, и еслибы въ нихъ Польша не восторжествовала надъ цвѣтомъ нѣмецкаго рыцерства, то слявянская рѣчь вскорѣ исчезла бы до самого Днѣпра, а быть можетъ даже и далеко за Днѣпромъ. Въ эту роковую для слявянства

минуту, когда казалось, ударилъ надъ нимъ часъ суда Божьяго, спасли его соединенныя силы Польши, Литвы и Руси, т. е. унія Польши съ Литвою. Съ этихъ поръ соединенныя въ одно цѣлое и нераздѣльное государственное тѣло Польша и Литва твердо стали на стражѣ славянскаго существованія, и сдерживая неумолкающій прибой нѣмецкихъ волнъ, съ честью стояли на своемъ тяжеломъ посту вплоть до самого перваго раздѣла Польши, т. е. до 1772 г. Эта великая историческая заслуга польской государственности и польской цивилизаціи должнымъ образомъ не оцѣнена еще до сего времени.

Но въ великомъ дѣлѣ славянства Цольша не ограничивалась одной лишь пассивной ролью обороны его напора нѣмецкихъ волнъ, съ минуты на минуту грозившихъ залить и поглотить его. Когда въ первой половинѣ XV вѣка турецкая орда въ грозномъ своемъ нашествіи разгромила Болгарію въ битвѣ на Коссовомъ полѣ и окончательно уничтожила Сербію, паническій страхъ овладѣлъ всей Европой. Не только ни одинъ народъ и ни одинъ правитель Европы не отважился подать руку помощи задунайскимъ страдальцамъ, но даже со дня на день всѣ народы и государи ея ожидали порабощенія турецкими полчищами Венгріи, Чехіи, а за ними и другихъ государствъ Запада. Европейской цивилизаціи угрожала неминуемая гибель подъ лавиной турецкаго нашествія и разгрома. Но какъ въ роковую для славянства минуту Польша встала на его защиту, такъ и въ эту роковую минуту, для всей Европы со всѣмъ ея могуществомъ и всей ея цивилизаціей, государь-юноша, отрокъ между тогдашними государями и правителями европейскаго материка, всталъ

на ея защиту и показалъ примѣръ мужества и истинной неустрашимости. Это былъ юный король польскій Владиславъ III. Онъ собралъ войско и двинулся съ нимъ за Дунай спасать Сербію и Болгарію отъ турецкаго ига. Богъ благословилъ его святыя начинанія. Владиславъ III побѣдилъ непобѣдимаго до того времени султана турецкаго Амурата, принудилъ его къ выгодному для порабощенныхъ имъ славянъ миру, вытѣснилъ турецкія полчища изъ Сербіи и Болгаріи и возвратилъ имъ ихъ земли, крѣпости и военноплѣнныхъ. Но вскорѣ разгорѣлась новая борьба съ турками. Въ ней отважный вѣнценосный юноша погибъ подъ стѣнами крѣпости Варны, почему и отошелъ въ исторію подъ наименованіемъ Варненчика. И не разъ въ тѣ тяжелыя времена Польша по своему географическому положенію, лежащая на пути турецкихъ и татарскихъ набѣговъ на Европу, принимала на грудь свою тяжкія удары ордъ турецкихъ и татарскихъ, стоя на стражѣ христіанства и европейской цивилизаціи; спасала ихъ отъ дикаго насилія и варварства полчищъ мусульманскихъ, о чемъ до сихъ поръ свидѣтельствуютъ поля Лигницы, стѣны Варны и равнины Вѣны, облитыя полькой кровью.

Съ самого вступленія своего на историческое поприще Польское государство и польскій народъ являются носителями и провѣдниками христіанской любви, братолюбивой пріязни, свободнаго братскаго общенія и объединенія народовъ, какъ политическаго и общественнаго. Въ то время какъ всѣ европейскія государства того времени слагались и разширялись отчасти путемъ естественнаго племеннаго родства, а главнѣйшимъ и преимущественныхъ образомъ путемъ крови

и желѣза, путемъ насильственныхъ захватовъ и завоеваній, Польша являетъ впервые примѣръ соединенія съ собой своего бывшаго врага — Литвы — путемъ свободнаго, по обоюдному соглашенію, братскаго союза, путемъ политической федераціи, въ то время въ Европѣ еще не виданной.

Вотъ выдержки изъ славянскаго акта уніи Литвы съ Польшей въ 1413 г.

«Христіанская любовъ не дѣйствуетъ безплодно, она кончаетъ споры и несогласія, усмиряетъ страсти, даритъ всѣхъ миромъ. Подъ сѣнью этой любви каждый живетъ безопасно, не боится ни чьихъ угрозъ. Желая отдохнуть подъ щитомъ этой любви, соединить на вѣчныя времена наши дома, поколѣнія, роды и гербы, шляхта и боярство Литовскія, да сольются съ нашею братнею любовью и да сдѣлаются намъ равными. Завѣряемъ ихъ словомъ чести и присяги не оставлять ихъ ни въ какой нуждѣ и опасности. Обязуемся ихъ защищать и помогать имъ всѣми силами противъ нашествія враговъ. Обязуемся развивать ихъ права и вольности. Будемъ радоваться ихъ счастью.»

На такихъ принципахъ, для своего времени въ высшей степени замѣчательныхъ, зыждется политическое соединеніе Польши съ Литвою въ единое государство. Принципы эти дали богатые плоды, которые мы отчасти видѣли уже.

Но не только въ жизни политической и во внутреннемъ строеніи государства польская общественность того времени руководствовалась и направлялась принципами братолюбивой пріязни, добровольнаго объединенія, свободнаго общенія, но тѣ же возвышенные, зиждительные принципы одушевляли ее и въ отно-

шеніяхъ къ другимъ народамъ и ихъ общественнымъ елементомъ. Евреи нашли себѣ въ Польшѣ новую землю обѣтованную и нынѣшней чертой своей осѣдлости обозначаютъ довольно точно былыя границы Польскаго государства. На территоріи государства Польскаго, подъ его вліяніемъ и покровительствомъ его законовъ, изъ изгнанниковъ и скитальцевъ всѣхъ націй образовалось казачество, хотя къ сожалѣнію правящій классъ Рѣчи Посполитой того времени не сумѣлъ воспользоваться этой силой и направить ее на благо государственное. Въ самую тяжелую годину для народа чешскаго, когда послѣ пораженія нанесеннаго ему баварскимъ княземъ Максиміліаномъ, онъ подвергся страшному преслѣдованію, Польша приняла въ свои предѣлы и подъ свою защиту чешскихъ выходцевъ и изгнанниковъ и тридцать тысячь лучшихъ фамилій чешскихъ и моравскихъ, какъ свободные и равноправные граждане, поселились на земляхъ польскихъ. Угнѣтенные, тѣснимые и политическіе изгнанники всѣхъ странъ и всѣхъ безъ исключенія націй въ Польшѣ находили себѣ пріютъ, пріязнь, гражданскія и политическія права.

Знаменитый князь Андрей Курбскій, извѣстный своей перепиской съ московскимъ царемъ, въ землѣ польской обрѣлъ хлѣбъ-соль и должный почетъ и здѣсь закончилъ свою скитальческую жизнь, отъ короля польскаго получивъ въ обезпеченіе существованія староство ковельское на Волыни. Когда послѣ извѣстнаго московскаго собора 1564 г. объ исправленіи богослужебныхъ книгъ возникъ въ государствѣ московскомъ расколъ и раскольники подверглись жестокимъ преслѣдованіямъ, они массами устремились въ Польшу

и здѣсь нашли себѣ пріютъ, земли и гражданскія права.

Наука и письменность получили вѣсьма раннѣе и блестящее развитіе въ Польшѣ. Въ 1364 г. поляки имѣли уже свою академію наукъ въ Краковѣ. Свобода слова и свобода печати утвердились и получили широкое распространеніе въ Польшѣ тогда еще, когда Европа исполнена была нетерпимости и мыслебоязни. Въ 1574 г. открывается польская академія наукъ въ Вильнѣ. Притянувъ къ себѣ лучшія силы Литвы и Руси, польская литература достигла высокаго уровня развитія и высокой степени совершенства.

Въ законодательствѣ Польша въ средніе вѣка также опередила даже Западную Европу, какъ и въ просвѣщеніи. Вислитскій статутъ, въ 1347 г. изданный Казиміромъ Великимъ, является однимъ изъ первыхъ и по времени и наиболѣе совершенныхъ законодательныхъ кодексовъ своего времени. Статуты литовскіе въ 1529, 1566 и 1588 годовъ, представляющіе законодательство русское, выросшее, укрѣповшееся и развившееся на почвѣ польской государственности, являются законодательными актами, для своего времени въ высшей степени замѣчательными. Польскіе «Volumina legum» заключаютъ не мало актовъ свидѣтельствующихъ, что въ свои времена Польша была истинной двигальницей прогресса и проводникомъ цивилизаціи. Сеймовыя конституціи XVI и XVII вѣковъ утверждаютъ за дисидентами полноправіе, какъ церковное такъ и политическое. Если въ началѣ XVIII вѣка и имѣло мѣсто преслѣдованіе этихъ самыхъ диссидентовъ, то это былъ горяченный припадокъ больнаго государственнаго организма, вызванный при томъ интригами

Фридриха II, короля прусскаго, который личнымъ своимъ вліяніемъ всѣми зависящими отъ него средствами поддерживалъ въ Польшѣ анархію и развивалъ всѣ разлагающіе ее элементи, а въ томъ числѣ и разжигалъ религіозныя страсти диссидентовъ. Если такимъ образомъ польская культура, цивилизація и письменность, привлекли лучшія силы Литвы и Руси, то вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ естественно должны были оказывать серьезнѣйшее воздѣйствіе и вліяніе на цивилизацію и письменность русскую. И дѣйствительно, вліяніе такое имѣло мѣсто въ самыхъ широкихъ размѣрахъ на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ.

И дѣйствительно, было время, когда польское просвѣщеніе имѣло непосредственное, весьма сильное и благотворное вліяніе на Русь и сослужило великую службу тому развитію русской письменности, тому распространенію русскаго образованія, тому умственному и культурному преуспѣванію русскаго народа, которое именуется нынѣ «русскимъ дѣломъ».

Вліяніе это оказалось въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Западной и Южной Руси, входившихъ тогда въ составъ государства польскаго. Хотя въ эту именно, эпоху разыгривается извѣстная политическая борьба между русскимъ казачествомъ, являвшимся въ то время представителемъ народа русскаго и польскимъ шляхетствомъ, представителемъ народности польской: тѣмъ не менѣе это именно эпоха, ознаменованная въ исторіи общественности, государственности, и цивилизаціи массовыми кровавыми столкновеніями и жестокостями, отмѣчена вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ широкимъ и благотворнымъ воздѣйствіемъ польской образованности и польской цивилизаціи на земли русскія. Хотя

въ Рѣчи Посполитой Польской утвердилось уже тогда и продолжало развиваться то государственно общественное строеніе, которое польская интеллигенція того времени весьма мѣтко охарактеризовала извѣстнымъ историческимъ изрѣченіемъ: «Polska stoi nierządem» (Польша держится неурядицей), тѣмъ не менѣе однако среди этой неурадицы существовали учрежденія и обычаи, доставлявшіе русскому населенію законную возможность общественно-политической и религіозной самозащиты. На сеймахъ говорились рѣчи въ защиту русскаго народа, возникла и утвердилась особая литературная школа, посвященная защитѣ старыхъ русскихъ національныхъ преданій въ печати; одно за другимъ, появлялись сочиненія, въ которыхъ отстаивались интересы и требованія русской народности — и такимъ образомъ создалась даже особая русская общественно-политическая литература, для своего времени весьма замѣчательна. Но что въ особенности замѣчательно, такъ это то, что первая высшая русская школа появилась и сложилась по польскимъ образцамъ въ тѣхъ же именно XVI и XVII столѣтіяхъ въ предѣлахъ польскаго государства. Высшая русская школа эта, допущенная и призванная къ существованію польскими правами, т. е. той польской неурядицей, о которой мы только что упомянули, и въ основанія строенія своего положившая высшія польскія школы того времени, дала тотъ блестящій рядъ ревностныхъ защитниковъ своей русской народности и своей національно русской религіи, которые оказали столь огромное просвѣтительное вліяніе на всю Русь того времени, и которыми гордится русскій народъ до настоящихъ дней.

Изъ этой кіевской академіи вышли первые и самые знаменитые русскіе богословы въ родѣ извѣстнаго Петра Могилы, которые, по блестящей и широкой эрудиціи, не уступали ученымъ теологамъ Западной Европы и въ частности теологамъ католической Польши, благодаря чему борьба и полемика православія съ католицизмомъ только и была возможна. Возможность такая была создана польскими законами и польскимъ общественно-политическимъ укладомъ, укладомъ и законами того самого государства, которое въ это самое время ведетъ въ лицѣ своего правящаго сословія борьбу съ домогательствами и притязаніями русскаго общества въ лицѣ его тогдашняго представителя-казацкой вольницы. Вскорѣ питомцы этой высшей русской школы, выросшей на почвѣ польской государственности и общественности, и получившей первые соки отъ польскаго просвѣщенія, получаютъ огромное вліяніе и въ Русси московской — и въ самой Москвѣ начинаютъ работать на пользу и благо собственно-русскаго, великорусскаго просвященія, какъ напримѣръ извѣстный Епифаній Славинецкій и другіе.

Не много позже изъ питомцевъ этой кіево-могилевской академіи великій преобразователь Россіи вербуетъ себѣ ближайшихъ и дѣятельнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ. Въ теченіи всего почти затѣмъ XVIII вѣка питомцы этой академіи занимаютъ высшіе посты русской іерархіи, а строй, укладъ и ходъ русскаго образованія установившійся въ XVI—XVIII вѣкахъ по образцамъ польской школы и въ условіяхъ польской политической жизни, оказались на столько сильны и живучи, что по образцу кіевскихъ школъ были устроены, существовали и дѣйствовали всѣ русскія духов-

ныя учебныя заведенія до самого послѣдняго времени. Нельзя не признать, что эти услуги оказанныя польскимъ просвѣщеніемъ и польскою общественностью дѣлъ русскаго просвѣщенія и умственному прогресу русскаго народа, по истинѣ громадны, если въ особенности принять во вниманіе, что имъ не помѣшали ни политическая борьба, ни взрывы національныхъ страстей непріязни и предубѣжденій.

Но такое воздѣйствіе и вліяніе польской образованности на Русь не ограничилось вышеуказанной эпохой уже въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія: оно оказалось снова. Это была пора романтическаго періода славянскаго возрожденія, его первый идеалистическій фазисъ, когда общественныя силы славянскихъ народностей, находясь въ броженій возрожденія, въ преданіяхъ старины и нетронутой народной поэзіи искали національнаго идеала и, восходя къ общественности происхожденія и древне славянскаго родства, готовы были открыть братскія объятія всѣмъ прочимъ и современнымъ славянскихъ націй. Польской литературѣ принадлежитъ почетное мѣсто въ этомъ движеніи. Она создала имена такихъ ученыхъ, какъ Линде, Мацѣевскій, Кухарскій, Ходаковскіи и друг. Эти польскіе дѣятели были солидарны съ національными стремленіями остального славянства и живо прикасаясь и сближаясь съ такимъ же движеніемъ въ литературѣ русской, оказывали на нее значительное вліяніе такъ, что стали въ ней въ соотвѣтственной ея области общеизвѣстны и популярны. Этотъ періодъ полонизма въ русской литературѣ совпадалъ съ наилучшимъ періодомъ политическихъ отношеній между Россіей и Польшей, насту-

пившимъ послѣ Наполеоновскихъ войнъ. Эти годы отмѣчены самыми теплыми симпатіями между русскими и поляками, сказавшимися въ особенности въ концѣ царствованія Императора Александра I, когда, послѣ разгрома Новосильцевымъ виленскаго университета, высланый изъ Вильна Мицкевичъ, съ горячимъ сочувствіемъ встрѣченъ былъ въ образованнѣйшемъ кругу обѣихъ русскихъ столицъ. Всѣ политическія бури, увлекшія за собой величайшаго изъ польскихъ поэтовъ, всѣ невзгоды, впослѣдствіи имъ перенесенныя, не изгладили изъ его благодарной памяти воспоминанія о «друзьяхъ москаляхъ» до такой степени, что даже много лѣтъ спустя онъ посвящаетъ имъ одно изъ своихъ послѣднихъ произведеній. Такъ поздно сравнительно закончилось вліяніе и воздѣйствіе польскаго просвѣщенія на просвѣщеніе русское и русскую образованность; но въ области наукъ историческихъ вліяніе такое не прекратилось даже и до сего времени. Мы подходимъ наконецъ къ самому важному и вмѣстѣ съ тѣмъ самому тяжелому періоду русско-польскихъ отношеній, наступившему непосредственно послѣ польскаго возстанія въ 1863 г., къ послѣднему тридцатилѣтію, о которомъ бы намъ не хотѣлось говорить совсѣмъ, но о которомъ говорить мы обязаны. Въ предидущихъ главахъ мы очертили уже положеніе поляковъ въ Россіи, но очертили его не въ послѣдовательномъ ходѣ русскихъ правоограничительныхъ узаконеній и русскихъ правительственныхъ мѣропріятій, а въ разныхъ сферахъ и областяхъ русскаго государственно-общественнаго бытія, въ ихъ отдѣльности. По этому, здѣсь мы постановлены въ необходимость дать краткій очеркъ движенія русскаго законодатель-

ства и развитія русской административной практики въ отношеніи поляковъ, за это тридцатилѣтіе въ ихъ общей совокупности и въ ихъ рельефнѣйшихъ выраженіяхъ, ибо изъ нихъ, именно, проистекаютъ и ими именно опредѣляются почти всѣцѣло русско-польскія отношенія съ 1863 г.

Русскіе дѣятели, которые являются въ Западный край и Царство польское и заполняютъ въ нихъ всѣ ступени государственной службы, являются здѣсь исполнителями и двигателями не общей системы управленія, не общаго правительственно-административнаго уклада, а системы спеціальной уклада специфическаго, имѣющихъ цѣль совершенно особую и спеціальную.

Если бы всѣ русскіе чиновники, наполняющіе Западный край и Царство Польское, являлись лишь носителями, проводниками, охранителями того исключительнаго политическаго положенія, при которомъ законы государства замѣняются всяческими временными правилами и голымъ административнымъ усмотрѣніемъ; если бы они даже этими усмотрѣніями и фантазіями отягчили и безъ того суровые въ отношеніи поляковъ законы, то можно былобы лишь говорить объ исключительномъ государственномъ положеніи огромной западной части русскаго государства, ибо вѣдь и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ коренной Россіи дѣйствуютъ положенія объ усиленной охранѣ. Но вѣдь здѣсь это исключительное положеніе, эти исключительные законы, всѣ эти правила, циркуляры и инструкціи направлены къ спеціальной цѣли, осуществляютъ спеціальную задачу уничтожить вовсе польскую народность и польскую національность въ Западномъ краѣ и по возможности подорвать ихъ въ Царствѣ Польскомъ.

Вѣдь всѣ эти русскіе чиновники, наполняющіе девять губерній Западнаго края и десять губерній Царства Польскаго, являются не простыми исполнителями тѣхъ циркуляровъ, инструкцій и временныхъ правилъ, которые замѣняютъ здѣсь законъ, а проводниками и миссіонерами истребленія польскаго языка, польской цивилизаціи, польской національной религіи, наконецъ, самого имени польскаго. Изъ нихъ, этихъ чиновниковъ, стараются составить ту общественную закваску, ту русскую общественную среду, которая должна постепенно вытѣснять и, наконецъ, совершенно поглотить польскую національность, польскую общественность, даже въ самомъ сердцѣ польскаго племени, въ самыхъ нѣдрахъ польской культуры, въ самой колыбели польскаго народа.

Если такимъ образомъ русскаго чиновничества въ девятнадцати западныхъ губерніяхъ Россійской имперіи является той частью русскаго общества и русскаго народа, которая, создавъ здѣсь особую спеціально русскую среду, какой до 1863 г. здѣсь не существовало, предназначена къ истребленію польской народности и польской національной религіи и всѣ свои силы, старанія и стремленія должна направлять къ этой истребительной цѣли, то отсюда явствуетъ, что съ 1863 г. русско-польскія отношенія вступили въ совершенно новый и необычайный фазисъ, какого не видѣла еще и не знала тысячелѣтняя исторія какъ народа русскаго, такъ и народа польскаго.

До сего времени отношенія народностей польской и русской были чисто политическими, при которыхъ были возможны сознанія племеннаго родства и стремленія къ водворенію между ними любви, единства и

дружбы, какъ народовъ близкихъ по языку и племенному происхожденію. Но послѣдніе 30 лѣтъ рѣзко измѣняютъ тотъ строй и видъ взаимныхъ отношеній народовъ польскаго и русскаго, какія издавна установились и существовали 300 лѣтъ тому назадъ, какъ въ свое время Рѣчь Посполитая стремилась къ умиротворенію Руси, такъ съ паденіемъ первой Россійская имперія стремилась къ умиротворенію Польши, но на протяженіи всего тысячалѣтія, пережитаго народами польскимъ и русскимъ, не проявлялось еще никогда стремленія къ взаимному истребленію и жажды поглощенія. Эта братоубійственная жажда, это противохристіанское и противообщественное стремленіе народилось и проявилось впервые тридцать лѣтъ тому назадъ, въ русскихъ чиновно-усмирительныхъ элементахъ, и въ то знаменательное время впервые затѣяна и создана была по поводу событій характера чисто политическаго по всей западной окраинѣ русскаго государства, въ предѣлахъ всѣхъ девятнадцати губерній Западнаго края и Царства Польскаго, борьба культурная и національная.

Когда послѣднее политическое собраніе польской общественности, послѣдній порывъ польскихъ общественныхъ силъ политической независимости, извѣстные подъ именемъ 1863 г., прекратились и совершенная невозможность къ вооруженному достиженію независимости окончательно обнаружилась, тогда разные элементы русскаго общества, собранные Муравьевымъ съ разныхъ концовъ Россіи, задумали и затѣяли компанію противъ самой національности и культуры польской. Тутъ то въ этой русской общественной средѣ запалилась и назрѣла та знаменитая политика «обру-

сенія» Западнаго края, которой суждено нынѣ играть столь важную роль въ послѣдующихъ судьбахъ огромной западной окраины Русскаго государства. Основаніемъ ея выставлено было то положеніе, что этотъ обширный Сѣверо-Западный край есть край не польскій а русскій, населенный частью бѣлорусами, частью малоросами, частью литвинами, не принимавшими участія въ мятежѣ, что край этотъ составляетъ исконнее достояніе Россіи. Хотя край русскій не можетъ до очевидности нуждаться въ обрусеніи и хотя въ краѣ, въ которомъ поляки, принимавшіе участіе въ мятежѣ, составляютъ ничтожное меньшество, крайныя мѣропріятія должны бы до очевидности являться ненужными и безцѣльными: тѣмъ не менѣе эти доводы были единогласно приняты существовавшимъ въ то время Западнымъ комитетомъ и предложенныя Муравьевымъ мѣры къ насильственному обрусенію польскихъ общественныхъ элементовъ почти цѣликомъ комитетомъ утверждены. Тогда начинается открытая систематическая племенная борьба съ польской общественностью на всемъ протяженіи Западнаго края, которая и переносится въ этнографическіе предѣлы польской народности, въ коренную Польшу и появляется какъ систематическое и упорное гоненіе на польскій языкъ, польскую образованноть, польскую національную религію и всѣ вообще элементы польской общественности съ цѣлью ихъ уничтоженія. И чѣмъ сильнѣе обрусительный напоръ, тѣмъ, естественно, сильнѣе отпоръ, даваемый ему польской общественной средой, отпоръ внутренній, сосредоточенный, замкнутый, но отпоръ естественный, неизбѣжный.

Такимъ образомъ, польское общество самой рус-

ской правительственно-административной системой естественно и неизбѣжно поставлено въ положеніе и состояніе самообороны и самосохраненія. Это въ государственномъ отношеніи совершенно ненормальное состояніе самообороны опредѣляетъ и характеризуетъ нынѣ всѣ явленія польской общественной жизни, въ особенности въ коренной Польшѣ и такихъ центрахъ, какъ напримѣръ Варшава. Таковъ совершенно новый фазисъ русско-польскихъ отношеній, продолжается уже тридцать лѣтъ.

Нельзя не видѣть, что настоящее положеніе польскаго народа представляетъ зрѣлище по истинѣ грустное. Съ одной стороны нѣмецкій элементъ, подобно тому какъ въ XIV вѣкѣ, разлагаетъ польскую національную стихію, съ другой русскій, хотя и не успѣлъ еще обрусить ни одного поляка, но за то отнялъ и продолжаетъ отымать у польской народности тотъ запасъ національныхъ силъ, ту энергію національнаго самосохраненія, какіе нынѣ такъ необходимы ей для того, чтобы устоять противъ онѣмеченія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы изложили въ общихъ чертахъ всѣ правоограниченія, какимъ подвергаются лица такъ называемаго польскаго происхожденія въ Россіи. Мы видѣли, что правоограниченія эти въ Западномъ краѣ предшествуютъ даже рожденію помѣщика, ибо, находясь еще въ утробѣ матери своей, лишенъ онъ уже права наслѣдованія земельныхъ имуществъ по завѣщанію. Мы

видѣли, что правоограниченія эти тѣснятъ и давятъ поляка на каждомъ шагу и сплошной стѣной окружаютъ католика на всѣхъ путяхъ его жизни, что онѣ слѣдуютъ за нимъ даже за предѣлы его земнаго существованія, лишая его отпѣванія на всемъ пути, отъ смертнаго одра до открытой могилы.

Мы видѣли наконецъ, что правоограниченія эти, бывъ созданы впервые въ 1863 г., во время дѣйствованія во всей западной части государства военнаго положенія, по снятіи этого положенія нетолько не отмѣнены, но увеличены, расширены и развиты въ цѣлую систему, захватывая все большій и большій кругъ лицъ, имъ подвергнутыхъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ полскій элементъ въ Западномъ краѣ признанъ былъ разъ на всегда русской администраціей и частью русскаго правительства неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи, враждебнымъ законному правительству и вреднымъ для государства. Рѣшено было поэтому вытѣснить изъ этого края и истребить въ его предѣлахъ польскій языкъ, польскую образованность, польскіе нравы и обычаи, польскую культуру во всѣхъ ея признакахъ и проявленіяхъ, ибо всѣ эти элементы польской народности заключаютъ сами въ себѣ политическую неблагонадежность, враждебность правительству и государственную вредоносность, а вмѣсто нихъ насадить въ этомъ краѣ русскій языкъ, русскіе нравы и обычаи, русское образованіе и все русское вообще, ибо всѣ элементы русской народности заключаютъ въ себѣ политическую благонадежность, преданность правительству и государственную полезность. Отождествивъ такимъ образомъ языкъ, это внѣшнее выра-

женіе человѣческихъ мыслей и чувствъ, съ самымъ существомъ человѣческаго мышленія, міросозерцаніе и внѣшніе признаки народности съ внутреннимъ содержаніемъ духовнаго ея міра, для всѣхъ ея членовъ предполагаемаго совершенно одинаковымъ, признавъ такимъ образомъ существованіе всеобщаго національнаго умонастроенія и политическаго направленія, усмотрѣвъ такимъ образомъ наличность двухъ противоположныхъ національныхъ и культурно-политическихъ началъ: польскаго-спеціально неблагонамѣреннаго, неблагонадежнаго, враждебнаго властямъ и правительству и русскаго-спеціально благонамѣреннаго, благонадежнаго, покорнаго властямъ и преданнаго правительству — администрація Западнаго края провела чрезъ разные спеціальные комитеты и комитетъ министровъ рядъ положеній, получившихъ значеніе закона и предназначенныхъ къ совершенному истребленію польскаго начала въ этомъ краѣ и насажденію взамѣнъ за него русскаго начала. При этомъ основой русской народности, опорой русскаго начала признано было православіе, а основой польской народности и опорой польскаго начала признанъ былъ католицизмъ, почему мѣстная администрація подъ личнымъ наблюденіемъ, вдохновеніемъ и руководствомъ высшихъ ея представителей въ лицѣ генералъ-губернаторовъ, принялась со всевозможнымъ рвеніемъ за «возвеличеніе православія» и уничтоженіе, гоненіе и истребленіе католицизма въ девяти губерніяхъ Западнаго края, въ особенности въ шести губерніяхъ края Сѣверо-Западнаго, входившихъ первоначально въ составъ одного виленскаго генералъ-губернаторства. Новоизобрѣтенная система управленія наименована была «обрусеніемъ Западнаго края».

По ея терминологіи обрусить этотъ край, значитъ сдѣлать его русскимъ не только по имени, не только по внѣшнему его виду (т. е. русскій языкъ въ школахъ и управленіи, обязательное употребленіе русскаго языка въ общественныхъ мѣстахъ и на улицахъ, распространеніе русскихъ нравовъ, обычаевъ и привычекъ), но и по духу. Подъ этимъ русскимъ духомъ понимаются: благоговѣйная преданность, безпрекословная покорность властямъ, русской администраціи и русской полиціи, обязательная ненависть ко всему польскому и его обязательное преслѣдованіе, возвеличеніе всѣхъ дѣйствій и мѣропріятій мѣстной администраціи и наименованіе ихъ высшей государственной мудростью.

Однако поляко-истребительный походъ и обрусительный напоръ высшей администраціи и полиціи Западнаго края распространялся первоначально на польское дворянство и мѣщанство и римско-католическое духовенство этого края. Въ законѣ 10 декабря 1865 г. выражено вполнѣ опредѣлительно, что онъ относится лишь къ польскому дворянству и мѣщанству, не касаясь лицъ такъ называемаго польскаго происхожденія изъ другихъ сословій. Для церковно-просвѣтительной, даже богослужебной, дѣятельности католическаго духовенства въ краѣ изданъ былъ особо, какъ мы видѣли, уже цѣлый рядъ узаконеній административнаго порядка и административныхъ распоряженій, изъ которыхъ какъ первыя, такъ и вторыя равно отличаются, по истинѣ террористическимъ характеромъ. Но предъ сплошной массой католическаго крестьянства въ краѣ остановилось русское правительство и мѣстная высшая администрація. Хотя генералъ-губернаторы Сѣверо-

Западнаго края втеченіи шестидесятыхъ годовъ и даже нѣсколько позже неоднократно представляли въ Петербургъ о необходимости распространить на мѣстное крестьянство католическаго вѣроисповѣданія всѣ тѣ правоограниченія, какимъ подвергнуты лица польскаго происхожденія, но эти генералъ-губернаторскія представленія высшимъ правительствомъ были рѣшительно отвергнуты. Общій духъ шестидесятыхъ годовъ сказался въ этомъ отказѣ и отразился даже на системѣ обрусенія Западнаго края.

Другое значеніе и иная роль предназначены были въ шестидесятыхъ годахъ русскимъ правительствомъ крестьянству этого края, сплошь почти католическому. Въ лицѣ его рѣшено было создать новую общественную силу, которая составила бы серьезный противувѣсъ значенію и вліянію мѣстнаго польскаго дворянства. Въ этихъ видахъ, игнорируя и нарушая право собственности помѣстнаго сословія въ краѣ, мѣстная администрація, смѣстивъ и разогнавъ мировыхъ посредниковъ первой очереди, стоявшихъ на почвѣ закона, закрѣпила за мѣстнымъ крестьянствомъ незаконныя и чрезмѣрныя земельныя выгоды и льготы, какъ при надѣленіи бывшихъ крѣпостныхъ землей, такъ и при обязательномъ выкупѣ ихъ земельныхъ надѣловъ и разверстаніи ихъ угодій съ помѣщичьими. Умышленно удержана черезполосность между землями крестьянскими и помѣщичьими, закрѣплены за крестьянами всевозможные виды пользованія на помѣщичьихъ земляхъ, удержано право толоки — и т. п.

Всѣ вообще столкновенія и недоразумѣнія между землевладѣльцами и крестьянами разрѣшались всегда въ пользу послѣднихъ, независимо отъ степени зако-

номѣрности и справедливости тѣхъ или иныхъ крестьянскихъ желаній, требованій и домогательствъ. Вся аграрная и правительственная политика администраціи Западнаго края направлена была къ возможному возвеличенію и матеріальному обогащенію мѣстнаго крестьянства въ ущербъ и на счетъ мѣстныхъ помѣщиковъ и въ явное униженіе этихъ послѣднихъ. Этимъ путемъ разсчитывала она возстановить мѣстное крестьянство противъ помѣстнаго сословія и создать въ этомъ крестьянствѣ тотъ духъ преданности русскому правительству, благоговѣнія предъ властями, покорности ея административнымъ и полицейскимъ органамъ, пріязни ко всякому начальству вообще и преклоненія предъ всѣми его «дѣйствіями и распоряженіями» который именовался ею русскимъ духомъ вообще.

Однако вскорѣ католическое вѣроисповѣданіе этого крестьянства стало серьезно обезпокоивать ту же высшую мѣстную администрацію Западнаго края. Въ католичествѣ народной массы края признано было предверіе къ польскимъ симпатіямъ и тенденціямъ, такъ называемому полонизму. Рѣшено было приступить къ воздѣйствію на эту католическую основу мѣстнаго крестьянскаго быта въ видахъ ея сближенія и обезвреженія въ обрусительномъ отношеніи. Въ это время сдѣлана была даже административная попытка созданія русскаго католицизма. Но вскорѣ попытка эта была оставлена, а самое дѣло впослѣдствіи признано было въ дѣлахъ обрусительныхъ нетолько безполезнымъ, но даже прямо вреднымъ. Тогда приступлено было администраціей къ прямому, постепенному вытѣсненію римскаго католицизма изъ крестьянскаго сословія въ Западномъ краѣ и замѣнѣ

его православіемъ, этимъ предвеpіемъ и, по ея представленію, главной ступенью къ обрусенію. Съ этого времени обрусеніе, какъ административно полицейская система, теряетъ въ этомъ краѣ характеръ непосредственной руссификаціи и превращается въ оправославленіе крестьянства, долженствующее постепенно и неизбѣжно привести его къ обрусенію, къ усвоенію и воспріятію имъ «русскаго духа» въ томъ смыслѣ, какъ его, т. е. этотъ русскій духъ, понимаетъ эта администрація.

Такимъ образомъ многомилліонная крестьянская масса предназначена къ принудительному православію. Первоначальное положеніе крестьянства въ Западномъ краѣ совершенно измѣняется и къ началу восьмидесятыхъ годовъ становится вполнѣ неузнаваемымъ. Административно полицейское домогательство позднѣйшаго сравнительно происхожденія, проистекающее до очевидности изъ полнаго и изумительнаго пренебреженія къ народной совѣсти и убѣжденію, точно мужикъ не можетъ и не долженъ имѣть ихъ, создаетъ для католическаго крестьянства, этого огромнаго большинства народонаселенія Сѣверо-Западнаго края, государственно-общественное положеніе, совершенно исключительное, небывалое и необычайное, ничего подобнаго которому не представлялось и не представляется, ни въ коренной Польшѣ, ни въ коренной Россіи, ни въ какой либо иной странѣ земнаго шара.

Въ теченіи пятнадцати лѣтъ, протекшихъ отъ введенія крестьянской реформы въ Западномъ краѣ до конца семидесятыхъ годовъ, крестьянское населеніе края увеличилось въ значительныхъ размѣрахъ, а съ такимъ увеличеніемъ даже тѣ завидные надѣлы, какими

одарила мѣстное крестьянство щедрая рука мировыхъ посредниковъ Муравьевскаго ставленья, получивши отъ своего владыки приказаніе рвать отъ помѣщиковъ во всю, не стѣсняясь ни сколько такимъ пустякомъ, какъ какое то тамъ право собственности, и по возможности натравить мужиковъ на землевладѣльцевъ, — даже такіе надѣлы оказались уже для возросшей массы крестьянства недостаточными. Нынѣ, еще пятнадцать лѣтъ спустя, такая недостаточность устроилась. Наступилъ давно уже неизбѣжный соціально-экономическій факторъ выдѣленія лучшихъ элементовъ крестьянства въ высшія сословныя и профессіональныя группы, въ иныя отрасли народнаго труда, во всевозможные виды службы общественной и частной. Вмѣстѣ съ тѣмъ все усиливается и усиливается неизбѣжная потребность крестьянства въ пріобѣтеніи путемъ покупокъ общественныхъ, артельныхъ и личныхъ новыхъ земель. Въ крестьянствѣ Западнаго края потребность эта сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Россіи, вслѣдствіе относительно большей густоты населенія въ этомъ краѣ. Но здѣсь его католическое вѣроисповѣданіе ставитъ ему на каждомъ шагу непреодолимыя и роковыя препятствія.

Хочетъ крестьянинъ или крестьянское общество прикупить себѣ земли и узнаетъ оно, что по близости выгодно продается помѣщичье имѣніе. Начинаетъ переговоры, заключаетъ предварительную сдѣлку и, закончивъ всѣ формальности, отправляется къ главному начальнику края за генералъ-губернаторскимъ разрѣшительнымъ свидѣтельствомъ на право покупки. Но огромное большинство ихъ — католики и одинъ изъ нихъ, по доставленнымъ уѣздной полиціей своему

губернатору секретнымъ свѣдѣніямъ, оказывается виновнымъ въ томъ, что въ числѣ нѣсколькихъ другихъ зажегъ однажды факелъ при ночномъ въѣздѣ своего епархіальнаго епископа въ селеніе; другой состоитъ, по донесенію становаго пристава, членомъ костельнаго братства; третій, по заключенію полицейскаго урядника, является проводникомъ религіознаго фанатизма; четвертый, по отзыву волостнаго писаря, служитъ посредникомъ въ церковныхъ дѣлахъ между ксендзомъ и народомъ; пятый, по отзыву урядника, не уважителенъ къ начальству и вообще неблагонамѣренъ; шестой, по донесенію исправника, проскакалъ какъ то пять лѣтъ тому назадъ верхомъ три версты вслѣдъ за епископскимъ экипажемъ; седьмой, по донесенію становаго пристава, въ юбилей своего приходскаго ксендза сдѣлалъ изъ дерева инициалы этого послѣдняго и, снабдивъ ихъ нѣсколькими разноцвѣтными бумажными фонариками, прибилъ къ калиткѣ ксендзовскаго дома; восьмой, по донесенію жандармскаго унтеръ-офицера, на совѣтъ его принять православіе, отвѣтилъ, что всякій долженъ оставаться въ той вѣрѣ, въ какой родился, а мѣняющіе ее ради мірскихъ выгодъ заслуживаютъ презрѣнія — и т. д. и т. д.

Причины эти на столько важны, что всѣмъ этимъ мужикамъ-католикамъ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ на покупку земли не выдается.

Крѣпостной актъ совершенъ быть не можетъ и предпринятая покупка, отъ которой зависитъ благосостояніе цѣлой крестьянской среды, разрушается на всегда. Нерѣдко, по простотѣ своей мужицкой души, будучи увѣрены въ полученіи свидѣтельства, крестьяне даютъ продавцамъ болѣе или менѣе значительные за-

датки и несутъ расходы по осмотру удаленныхъ отъ нихъ имѣній. Генералъ-губернаторскій суровый отказъ, для простодушныхъ покупщиковъ совершенно непонятный, разрушаетъ всѣ ихъ расчеты и всѣ ихъ надежды на улучшеніе своего благосостоянія; часто въ нѣмомъ отчаяніи падаютъ мужики къ ногамъ генералъ-губернатора и умоляютъ его о избавленіи отъ раззоренія, но его высоко-превосходительство остается глухъ къ голосу крестьянской нужды потому, что онъ исходитъ изъ устъ и грудей католиковъ, — а наивные просители, не постигающіе своей тяжкой государственной вины, вины своего католицизма, выпроваживаются изъ генералъ-губернаторской пріемной и съ унынiемъ возвращаются въ свои села и деревни.

Крестьянское семейство или даже нѣсколько крестьянскихъ семействъ, состоящихъ въ близкомъ родствѣ, избираютъ изъ своей среды способнаго мальчика и общими силами и средствами даютъ ему то или иное среднее образованіе. Юноша оказываетъ отличные успѣхи и служитъ гордостью и надеждой своихъ воспитателей. Но вотъ онъ оканчиваетъ курсъ и вступаетъ въ жизнь. Здѣсь ему его католическое вѣроисповѣданіе закрываетъ всѣ двери во всѣ общественныя и даже частныя учрежденія, не говоря уже о казенныхъ. Изнуренный, разбитый, уничтоженный и разочарованный, возвращается онъ въ свою среду, свою семью, свою деревно и начинаетъ нерѣдко даже горько сѣтовать на своихъ благодѣтелей, зачѣмъ оторвали его отъ его крестьянской среды, отъ его мужицкаго хлѣбопашества, отъ его первобытнаго состоянія, въ которомъ ему жилось бы, быть можетъ, лучше

нежели теперь, по полученіи образованія, котораго онъ не можетъ примѣнить.

Идетъ крестьянское товарищество взять въ арендное содержаніе казенную оброчную статью, но въ товариществѣ этомъ всѣ почти католики. Начальство намекаетъ на недостаточность круговой поруки католиковъ, дѣло какъ то затягивается, а между тѣмъ наѣзжаетъ какой либо кулакъ, или являются какіе либо дальніе мужички православнаго вѣроисповѣданія. Конечно мужику и даже кулаку православнаго вѣроисповѣданія оказывается предпочтеніе и имъ сдается статья. Снявъ ее, какъ кулакъ такъ и дальніе мужики тутъ же сдаютъ ее недобившемуся ея отдачи крестьянскому товариществу по высшей цѣнѣ, и такимъ образомъ мѣстные крестьяне въ волости и даже надѣлахъ, которыхъ сдаваемая оброчная статья находится, платятъ особый налогъ кулакамъ и даже своему брату мужику единственно за свое католическое вѣроисповѣданіе.

Провожаютъ крестьяне-католики своего умершаго односельца и собрата. Тихо движется и медленно подвигается погребальное шествіе, въ благоговѣніи поетъ собравшійся народъ унылыя пѣсновѣнія, напутствующія покойника въ жизнь вѣчную. Вдругъ откуда ни возмись налетаетъ полицейскій урядникъ. Онъ подскакиваетъ верхомъ къ самому гробу и кричитъ во все горло «не смѣтъ пѣть, недозволяется, замолчать!» Изъ толпы раздаются возраженія, нѣкоторые голоса не смолкаютъ, урядникъ разражается бранью, обрядъ погребенія прерывается.

Наступилъ большой католическій праздникъ. Толпами устремляются окрестные крестьяне въ свой приходской костелъ. Сегодня огромное стеченіе народа,

страшная духота и давка. Но необходимо еще совершить крестный ходъ, назначенный въ этотъ день правилами церковными. Когда то совершался этотъ ходъ вокругъ костела по улицамъ селенія, потомъ онъ совершался внутри костельной ограды, нынѣ администрація сочла нужнымъ сжать его въ самыхъ стѣнахъ костела. Духота становится неимовѣрная, давка достигаетъ найвысшей степени, ибо никто не хочетъ удалиться изъ храма и лишиться лицезрѣнія крестнаго хода. Но когда мѣсто для него въ костелѣ наконецъ очищено и все къ нему приготовлено, тутъ раздается вдругъ отчаянный крикъ полураздавленнаго ребенка, тамъ хъ обморокѣ рухнула беременная женщина, тамъ спѣшатъ убрать полуискалѣченнаго старика.

Умираетъ крестьянинъ - католикъ и приходской ксендзъ, оказывается, уѣхалъ на нѣсколько дней въ другой конецъ своего прихода на разныя требы. Бросается сынъ умершаго къ ксендзу сосѣдняго прихода, проживающему отъ нихъ еще ближе приходского, но тотъ на отрѣзъ отказывается ѣхать: ему вѣдь за отлучку изъ своего прихода безъ разрѣшенія полиціи грозятъ административныя тяжкія наказанія. И стоитъ умершій крестьянинъ въ своей хатѣ съ недѣлю, покуда его приходскій не возвратится съ другихъ требъ.

Темная весенняя ночь виситъ надъ землей. Это ночь Свѣтлаго Христова Воскресенія, «Великая Ночь», какъ говорятъ и поляки, и бѣлоруссы, и малороссы, и многіе другіе славяне. Христіанскіе храмы горятъ тысячами огней, торжественный звонъ несется отъ нихъ, совершается торжественное богослуженіе. Но тамъ и сямъ по лицу обширнаго Западнаго края, залитаго въ эту ночь моремъ богослужебныхъ огней, темными

силуэтами выступаютъ закрытые католическіе костелы. Въ разное время и подъ разными предлогами закрыты русской администраціей эти сельскіе храмы католическаго христіанства. Западной Россіи, въ этотъ скорбный періодъ ея насильственнаго оправославленія. Море мужицкихъ слезъ и немало крестьянской крови пролитой при этихъ закрытіяхъ. И новое настроеніе, новое міросозерцаніе, новое самосознаніе и самопониманіе постепенно выросли и проложились въ католическомъ крестьянствѣ, т. е. крестьянской массѣ Западнаго края. Видитъ оно, чувствуетъ и испытываетъ на каждомъ шагу, что русская власть, русская администрація, русское начальство лишаетъ его земли, отымаетъ отъ него мѣсто, занятіе и честный трудовой кусокъ хлѣба на всѣхъ доступныхъ для него поприщахъ и во всѣхъ возможныхъ для него профессіяхъ; что даже столь обычныя для лицъ крестьянскаго происхожденія и до сего времени доступныя для нихъ мѣста, какъ мѣсто волостнаго писаря, его помощника, полицейскаго урядника, городоваго, будочника на желѣзной дорогѣ, стрѣлочника, кочегара, кондуктора — и т. д. нынѣ для него уже закрыты; что эта сама власть изъ-за его католическаго вѣроисповѣданія ставитъ ему непреодолимые тормозы на всѣхъ путяхъ его мужицкой жизни и является злымъ геніемъ во всѣ рѣшительные и роковые моменты его мужицкой доли; что русская администрація и полиція мѣшаютъ ему даже похоронить спокойно и какъ слѣдуетъ умершаго отца, мать, брата, сестру, родственника или сосѣда; что она стѣсняетъ на каждомъ шагу отправленіе его католическаго богослуженія; что она совершаетъ надругательство надъ его католической религіей. Смутное

и тревожное недовѣріе зародилось первоначально въ крестьянской массѣ Западнаго края къ русскимъ властямъ; недовѣріе постепенно перешло во враждебность и непріязнь, непріязнь выросла наконецъ въ ненависть, ту ненависть, которая, исходя цѣлыя десятилѣтія изъ одного и того же источника и получая изъ него все новое и новое питаніе, охватываетъ всю несложную и непосредственную натуру крестьянскую, проникаетъ въ самые сокровенные тайники мужицкой души и наполняетъ все его незавидное мужицкое существованіе.

Эту естественную и неизбѣжную ненависть сплошной массы католическаго крестьянства въ Западномъ краѣ къ русской администраціи, какъ эта послѣдняя, такъ за ней и нѣкоторые въ русскихъ правящихъ сферахъ стараются окрестить именемъ фанатизма и приписать всецѣло вліянію ксендзовъ. Но въ подобномъ настроеніи народной массы, созданномъ всецѣло и исключительно административнымъ ея обездоленіемъ и административно-полицейскимъ надругательствомъ надъ ея религіей, католическое духовенство этого края повинно менѣе даже, нежели это можетъ казаться съ перваго взгляда.

Католическое духовенство вовсе не составляетъ замкнутаго, наслѣдственнаго сословія, подобно духовенству православному, а набирается и слагается изъ разныхъ слоевъ общества и различныхъ сословныхъ группъ. По многоразличнымъ общественнымъ условіямъ въ послѣднее время, католическое духовенство Западнаго края выходитъ и составляется изъ крестьянъ. Все католическое духовенство края, начиная съ органиста и кончая епископомъ, это крестьяне, отличающіеся другъ отъ друга степенью личныхъ даро-

ваній, временемъ нахожденія въ духовномъ санѣ, успѣшностью карьеры и іерархическимъ положеніемъ. Имѣть въ своей семьѣ либо въ своемъ родствѣ духовное лицо — это высшій идеалъ крестьянина католика въ Западномъ краѣ, высшій предѣлъ его мечтаній о земномъ благополучіи. Всѣ усилія мужицкой семьи, всѣ ея наличныя средства, нерѣдко послѣдніе гроши, собранные съ ближайшихъ родственниковъ, употребляются для того, что-бы воспитать крестьянскаго въ католической духовной семинаріи и вывести его въ ксендзы. Естественно, что такой ксендзъ-крестьянинъ радуется мужицкой радостью, болѣетъ мужицкимъ горемъ, проникается крестьянскими чувствами, умѣетъ проникнуть во всѣ уголки мужицкой души и вникаетъ во всѣ явленія и интересы крестьянской жизни. Въ этой-то близости католическаго духовенства Западнаго края къ народу, къ сѣрой массѣ крестьянской, будь то литвины, жмудины, малороссы или бѣлоруссы, заключается причина и разгадка того безграничнаго и могущественнаго вліянія его на народъ, которое составляетъ загадку для одной лишь русской администраціи съ ея полиціей и приводитъ ихъ въ безконечное бѣшенство. Но то, что восхищаетъ русскихъ въ духовенствѣ болгарскомъ, сербскомъ и всякомъ иномъ, чего требуютъ они отъ своего собственнаго православнаго духовенства, то большей частью, какъ русскихъ правящихъ сферъ, такъ даже и русскаго общества, ставится въ упрекъ и вину католическому духовенству Западнаго края. Эта его близость къ народу, изъ котораго оно и вытекаетъ, именуется «фанатизмомъ», «вредной пропагандой» и тому подобными наименованіями и влечетъ для него тяжкія

наказанія, тѣмъ болѣе незаслуженныя, что иного отношенія къ народу въ немъ не только быть не можетъ, но и не должно.

Такимъ образомъ еще съ ранняго дѣтства, еще въ своей крестьянской семьѣ, еще въ своей мужицкой средѣ проникается будущій католическій приходской священникъ Западнаго края той ненавистью къ русской администраціи и полиціи, которая создана ихъ же собственными руками — и, какъ одно чувство, одно больное ощущеніе, одна тревожная мысль, одно гнетущее тревожное настроеніе, наполняетъ и пропитываетъ всю многомилліонную массу католическаго крестьянства въ этомъ краѣ.

Нынѣ соціальный переломъ первостепенной важности въ крестьянствѣ Западнаго края уже совершился. Глубокая ненависть къ русской администраціи, къ русской полиціи, къ русскимъ властямъ вообще стала его нормальнымъ состояніемъ. Какъ и всякое общественное настроеніе, всякая нравственно-общественная сила, постепенно наполняющая и изъ года въ годъ уплотняющаяся, ненависть эта требуетъ себѣ выхода, ищетъ себѣ внѣшняго выраженія и при малѣйшемъ внѣшнемъ толчкѣ естественно разражается и порождаетъ болѣе или менѣе крупныя событія.

Оффиціальныя свидѣтельства высшихъ представителей правительственной власти въ Сѣверо-Западномъ краѣ предъ петербургскимъ правительствомъ о положеніи этого края свидѣтельствуютъ истину нашихъ словъ и правду нашихъ утвержденій.

24 іюля 1878 г. бывшій генералъ-губернаторъ края, генералъ-адъютантъ Альбединскій, въ письмѣ своемъ къ управлявшему министерствомъ внутреннихъ

дѣлъ статсъ-секретарю Макову, писалъ буквально слѣдующее (письмо за № 70).

«Съ самаго вступленія, четыре года тому назадъ, въ управленіе Всемилостивѣйше ввѣреннымъ мнѣ краемъ, я обратилъ особое вниманіе на религіозный римско-католической вопросъ, который, какъ Вашему Превосходительству близко извѣстно, имѣетъ тамъ огромное значеніе. Ближайшее ознакомленіе съ этимъ привело меня къ убѣжденію, что римско-католическая религія составляетъ больное мѣсто въ отношеніяхъ польскаго населенія края и въ особенности народныхъ массъ къ Правительству и вообще ко всѣму русскому. Вызванныя минувшимъ мятежомъ и нѣкоторымъ въ немъ участіемъ римско-католическаго дувовенства мѣропріятія, изъ которыхъ большая часть сохраняетъ и въ настоящее время свою силу по снятіи военнаго положенія, нерѣдко затрагиваютъ религіозное чувство народа до фанатизма, преданнаго своей религіи и вселяютъ въ немъ непреодолимую увѣренность, что многія изъ послѣдовавшихъ распоряженій имѣютъ конечною цѣлью обращеніе католиковъ въ православіе . . .

«Въ виду всего изложеннаго и при убѣжденіи, которое я неоднократно имѣлъ случай высказать Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Вашему Превосходительству, что при настоящемъ положеніи дѣла было бы крайне неудобно раздражать народныя массы донынѣ еще преданныя Правительству, я съ своей стороны нахожу, что едвали Правительство можетъ оставаться долѣе на томъ же пути, по которому оно слѣдовало доселѣ . . .

«Сообщая о изложенномъ выше соображенія Вашему Превосходительству, долгомъ считаю присово-

купить, что о всѣхъ по изложеннымъ предметамъ постановленіяхъ было своевременно доведено до свѣдѣнія Государя Императора . . .»

Такимъ образомъ еще 17 лѣтъ тому назадъ одинъ изъ лучшихъ генералъ-губернаторовъ Западнаго края настаивалъ предъ Петербургскимъ Правительствомъ, и даже предъ самимъ Монархомъ, на необходимости измѣнить тѣ мѣропріятія въ отношеніи католической религіи въ краѣ, которыя введены были во время дѣйствія въ немъ военнаго положенія и по снятіи послѣдняго все-таки не отмѣнены. Онъ указывалъ, что мѣропріятія эти составляютъ «больное мѣсто въ отношеніяхъ» народныхъ массъ края къ Правительству и ко «всему русскому вообще» и доказывалъ что и при настоящемъ положеніи дѣлъ было бы крайне неудобно раздражать народныя массы, «донынѣ еще преданныя Правительству». Онъ рѣшительно утверждалъ на конецъ, что «едва ли Правительство можетъ оставаться далѣе на томъ же пути, по которому оно слѣдовало доселѣ». Таковъ былъ голосъ государственнаго сановника, убѣжденіе котораго по разсматриваемому предмету сложилось, какъ самъ онъ заявлятъ, въ цитируемомъ конфиденціальномъ письмѣ своемъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ управленія краемъ и по ближайшемъ ознакомленіи его съ положеніемъ въ немъ дѣлъ. Голосъ этотъ, голосъ трезвой государственной мысли и здраваго общественнаго сужденія, остался однако гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. По отношенію къ римско-католической религіи въ Западномъ краѣ, русское правительство и до сихъ поръ, по истеченіи 17 лѣтъ со времени этихъ знаменительныхъ настояній генералъ-адьютанта Альбединскаго, не сошло

съ того пути, по которому пошло оно въ моментъ введенія въ краѣ военнаго положенія, свыше 30 лѣтъ тому назадъ, — какъ будто бы за все это столь продолжительное время нимало не измѣнились ни его общественный составъ, ни его внутреннее состояніе, ни его государственное положеніе. То раздраженіе народныхъ массъ, отъ котораго еще въ 1878 г. такъ настоятельно старался отвратить русское правительство генералъ-адьютантъ Альбединскій, свидѣтельствуя, что массы эти донынѣ еще преданы правительству, продолжалось систематически. О результатахъ этого свидѣтельствуетъ уже нынѣшній генералъ-губернаторъ того-же края генералъ Оржевскій.

Въ конфиденціаллномъ письмѣ своемъ нынѣшнему министру внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарю Дурново отъ 24 октября 1894 г.[1] Виленскій генералъ-губернаторъ генералъ-адьютантъ Оржевскій пишетъ буквально слѣдующее:

«Считаю долгомъ замѣтить, что въ Высочайше ввѣренномъ мнѣ краѣ вообще, а въ Ковенской губ. въ особенности, случаи сопротивленія и противодѣйствія властямъ, оказываемаго сельскимъ населеніемъ при исполненіи рѣшеній правительственныхъ мѣстъ, весьма часты, и что при безграничномъ вліяніи ксендзовъ на сельское населеніе Ковенской губ. всѣ подобныя сопротивленія принимаютъ особенно грозный характеръ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается костеловъ или католическаго духовенства. Ставши въ ковенской губ. явленіемъ почти хроническимъ, сопротивленія, какъ и преступленія про-

[1] За Nr. 4245.

тивъ порядка управленія и должностныхъ лицъ, исполняющихъ свои служебныя обязанности, угрожая государственному порядку и спокойствію, не могутъ не озабочивать правительство принятіемъ надлежащихъ мѣръ.»

Хотя цитируемое письмо нынѣшняго виленскаго генералъ-губернатора было написано со спеціальной цѣлью склонить министра внутреннихъ дѣлъ воспрепятствовать съ своей стороны испрошенію Высочайшаго помилованія всѣмъ осужденнымъ по обвиненію въ сопротивленіи властямъ при закрытіи Крожскаго костела, тѣмъ не менѣе имѣющееся въ немъ свидѣтельство генералъ-губернатора о настроеніи и образѣ дѣйствій сельскаго населенія Сѣверо-Западнаго края по отношенію къ властямъ, какъ свидѣтельство о фактическомъ положеніи вещей въ краѣ въ наши дни, имѣетъ большое значеніе, далеко выходящее за предѣлы означеннаго письма. Свидѣтельство это подкрѣпляется свидѣтельствомъ губернаторскихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ по девяти губерніямъ Западнаго края и въ особенности шести Сѣверо-Западныхъ, — а также данными уголовной статистики за послѣднее десятилѣтіе. Дѣйствительно сопротивленіе сельскаго населенія, т. е. крестьянъ, властямъ въ Западномъ краѣ стало явленіемъ обычнымъ и заурядным.

Объяснять явленіе это исключительно вліяніемъ ксендзовъ могутъ ли явное недомысліе, или предумышленная недобросовѣстность. Никакое положительно вліяніе на массы не можетъ имѣть мѣста, если въ нихъ не подготовлена предварительно необходимая для него почва и если въ 1878 г., по свидѣтель-

ству генералъ-адьютанта Альбединскаго, народныя массы этого края были «еще преданы правительству», а затѣмъ стали «оказывать постоянное сопротивленіе его органамъ», то отсюда вытекаетъ съ полной очевидностью, что не какія-либо, хотябы и ксендзовскія, интриги и вліянія движутъ этими народными массами, а опредѣленныя общественныя причины, независящія отъ воли отдѣльныхъ лицъ и несразу оказавшія свое дѣйствіе. Всякому сельскому ксендзу въ западномъ краѣ дороги: спокойствіе, благосостояніе, благоденствіе крестьянства, изъ котораго самъ онъ происходитъ, среди котораго онъ постоянно живетъ и съ которымъ неизбѣжно сродняется — и поэтому онъ старается, насколько это въ его власти, отвратить свою паству отъ сопротивленія властьямъ и его тяжкихъ послѣдствій. Если же онъ не рѣшается увѣщевать народъ, или же его увѣщанія на него не дѣйствуютъ, то это значитъ, что дѣло идетъ о столь кровныхъ интересахъ народной массы, предъ которыми самый рискъ сопротивленія отходитъ на задній планъ. Такими кровными интересами народной массы являются въ Западномъ краѣ прежде всего интересы его религіи, религіи души, сердца и убѣжденія.

По культурнымъ и бытовымъ условіямъ крестьянства Западнаго края въ жизни его, католическая религія стала столь могущественной, проникла такъ глубоко въ тайные уголки мужицкой души и сокровенные изгибы мужицкой совѣсти, что грубое административно-полицейское насиліе надъ этой священной областью крестьянскаго существованія, продолжающееся цѣлыя десятилѣтія и циническое третированіе русскими начальствами этой нравственно-общественной

силы, движущей крестьянскимъ умомъ и крестьянской душой, третированіе все болѣе и болѣе усиливающееся, переполнили наконецъ чашу долготерпѣнія народнаго и вызвали стихійное броженіе среди всего многомилліонаго крестьянства этого края. Этотъ праведный гнѣвъ оскорбленной души народной, этотъ отчаянный воплъ поруганной народной совѣсти, этотъ скорбный ропотъ уничиженной общественно-нравственной личности крестьянской, далеко не сказали своего послѣдняго слова и нашли покамѣсть себѣ лишь частичное выраженіе въ извѣстномъ Крожскомъ сопротивленіи властямъ, надѣлавшемъ столько шума и прогремѣвшемъ на всю Европу.

Закрытіе Крожскаго костела является понынѣ самымъ рельефнымъ и самымъ кровавымъ актомъ оправославленія Западнаго края, до сихъ поръ еще ошибочно именуемаго его обрусеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, событія, происшедшія въ глубинѣ россіенскаго уѣзда ковенской губ. въ ночь съ 9-го на 10-е ноября 1893 г., являются естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всей системы правительственныхъ дѣйствій по отношенію къ католическому крестьянству, къ крестьянской массѣ этого края. Въ глухую зимнюю полночь, при уныломъ звонѣ колоколовъ, при слабомъ мерцаніи восковыхъ свѣчей, подъ изступленное пѣніе церковныхъ гимновъ, подъ крикъ изувѣченныхъ и стонъ раненныхъ, подъ воплъ женъ и дѣтей — работали казачьи пики и нагайки, вытѣсняя молящійся народъ изъ Крожскаго костела. Все это было сѣрое крестьянство, тѣ массы народныя, отъ раздраженія которыхъ такъ настоятельно старался отвратить петербургское правительство бывшій генералъ-губернаторъ

Альбединскій еще въ 1878 г. Часть этого крестьянства, рѣшившагося отстаивать свой костелъ, была изувѣчена и изранена, другая избитая нагайками; все же, что уцѣлѣло отъ казачьяго разгрома, на слѣдующее утро, не исключая и женщинъ, губернаторомъ Клингенбергомъ подвергнуто самой жестокой экзекуціи. Во время этого вооруженнаго вытѣсненія изъ костела безоружнаго народа, сплошь его наполнявшаго, перебиты въ немъ стекла, переломаны скамьи изорваны и обращенны въ щепки и тряпки святыя иконы, изломаны и обезображены святые кресты, испачканы и обрызганы кровью самыя его стѣны. Опустошенный, обезображенный поруганный этотъ лучшій изъ храмовъ католическаго крестьянства Западнаго края «Рѣшено — какъ доноситъ губернаторъ генералъ-губернатору[1] — взорвать на воздухъ посредствомъ динамита». — Такъ были взорваны не такъ давно еще костелы Гранновскій, Слѣдзяновскій[2] и многіе другіе и не осталось отъ нихъ камня на камнѣ:

Подобные даннымъ взрывы христіанскихъ храмовъ, эти поразительные и безоглядные акты чудовищнаго государственно-полицейскаго нигилизма, совершенно безпримѣрные даже въ странахъ и государствахъ мусульманскихъ, вѣнчаютъ и завершаютъ собой пресловутую систему обрусенія Западнаго края, изобрѣтенную Муравьевымъ, проповѣдываемую послѣдователями его. Подъ этими печальными развалинами, прежде-

---

[1] Представленіе ковенскаго губернатора виленскому генералъ-губернатору отъ 16 декабря 1893 г. за Nr. 15882.

[2] Телеграмма гродненскаго губернатора виленскому генералъ-губернатору отъ 29 августа 1892 г. за Nr. 1272.

временно-созданными преступной рукой, одухотворяемой слѣпымъ фанатизмомъ и движимой дикимъ человѣко-ненавистничествомъ, погреблены окончательно остатки трезвой государственной мысли и здроваго общественнаго сужденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти акты звѣрскаго насилія свидѣтельствуютъ о полной духовной немощи, о совершенной нравственной несостоятельности, объ окончательномъ зиждительно-общественномъ безсиліи.

Тридцатилѣтіе обрусительной горячки и православительнаго свирѣпства дало уже свои недвусмысленные и совершенно опредѣленные результаты. Пора уже подсчитать ихъ и дать правдивое нелицемѣрное объясненіе. Несмотря на цѣлый рядъ и цѣлую систему обрусительныхъ мѣропріятій въ Западномъ краѣ, несмотря на административное преслѣдованіе польскаго языка, несмотря на полицейскую травлю въ немъ проявленій полонизма, въ которыхъ массы эти никогда не участвовали, несмотря на весь этотъ обрусительный напоръ и натискъ, народъ остается въ немъ по всюду самимъ собою, такимъ же, какимъ онъ былъ и ранѣе обрусительнаго нашествія русскихъ чиновниковъ и полицейскихъ. Онъ, этотъ сѣрый народъ, эта «истинная сила государства» по выраженію русскихъ сановниковъ, говоритъ своимъ языкомъ литовскимъ-жмудскимъ, бѣлорусскимъ или малорусскимъ, хранитъ свои преданія, нравы и обычаи, разсказываетъ свои сказки и легенды, молится наконецъ по-своему. Оставивъ школу и школьныя книжки, крестьянскія дѣти забываютъ тотчасъ же и книжный языкъ и великорусскія пѣсни, которымъ ихъ тамъ учили. Выйдя за дворъ своей сельской школы, они говорятъ своимъ роднымъ

языкомъ и поютъ свои родныя пѣсни на томъ языкѣ, который всосали съ молокомъ матери. Никакого общерусскаго самосознанія, никакой общерусской самодѣятельности и слѣда нѣтъ въ мирныхъ и простодушныхъ обитателяхъ этихъ старыхъ литовскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ селъ и деревень. Своей жизнью живетъ этотъ народъ, и въ каждомъ заѣзжемъ чиновникѣ, хотябы это былъ самый крупный дѣятель обрусенія, чувствуетъ человѣка для него совершенно чужаго, ничѣмъ не связаннаго ни съ нимъ, ни съ его бытомъ, ни съ его краемъ. Такъ живетъ онъ, народъ этотъ, изо дня въ день, изъ года въ годъ и представляетъ собой общественную стихію неподвижную, пассивную, довольно невѣжественную. Эта общественная мертвенность, эта унылая апатія, которые положили свою печать на весь Западный край и какъ будто носятся въ самомъ его воздухѣ, этотъ суровый оффиціализмъ, подъ которымъ все глухо и мертво, все это — тяжкій и неизбѣжный результатъ принятой системы обрусенія этого края административно-полицейскаго обрусительнаго давленія.

Поставивъ преграды развитію польской общественности, придавивъ польскую культуру, соорудивъ плотину для теченія польской гражданственности — эта мертвящая система обрусенія естественно и неизбѣжно пресѣкла развитіе всякой общественности, задавила всякое распространеніе культуры, остановила теченіе всякой гражданственности. Недаромъ цѣлыхъ три десятилѣтія, посвященныхъ умственному подъему русскаго духа въ Западномъ краѣ, не создали даже въ высшихъ слояхъ его непольскаго населенія, т. е. въ высшихъ слояхъ значительнаго большинства этого по-

слѣдняго, никакихъ сознательныхъ воззрѣній и убѣжденій, а также никакихъ прочныхъ политическихъ и національныхъ симпатій, не вызвали никакихъ проблесковъ мѣстно-русской литературы, не создали ни одного самостоятельнаго мѣстнаго органа, въ которомъ обсуждались бы мѣстныя нужды, требованія и интересы.

Административно-полицейскій гнетъ, созданный для поляковъ, и ради поляковъ предназначенный спеціально, ради обрусенія, мертвить польскую мысль, убивать польско-общественное сознаніе и самосознаніе, тормозить и истреблять польское просвѣщеніе, естественно и неизбѣжно умертвилъ въ краѣ всякую мысль, убилъ всякое общественное самосознаніе, затормозилъ всякое въ немъ просвѣщеніе.

Одна лишь религія одухотворяетъ народныя массы Западнаго края среди этой искусственной и вынужденной апатіи, среди этого принудительнаго бездѣйствія. Но и этому религіозному чувству народныхъ массъ система обрусенія, какъ мы видѣли уже, дала совершенно болѣзненное направленіе.

Религіозно-равенственное самосознаніе народа, бывшее въ нѣкоторомъ усыпленіи, пока не коснулась его грубая рука обрусенія, проснулось подъ безпрерывнымъ давленіемъ религіозныхъ притѣсненій, подъ продолжительнымъ воздѣйствіемъ вѣроисповѣдныхъ правоограниченій, подъ гнетомъ религіозно-нравственнаго уничиженія. И вотъ то самое крестьянство Западнаго края, изъ котораго стремилось и ожидало русское правительство создать въ краѣ новую силу, долженствующую составить серьезный противувѣсъ полонизированному дворянству, новую общественную силу,

правительству пріязненную и полезную и зиждительную для государства, это самое крестьянство пропитано нынѣ насквозь той глубокой, всѣпоглощающей, всепроникающей непреодолимой ненавистью къ правительству и его органамъ, которая должна заставить серьезно призадуматься всякій государственный умъ. Это моральное состояніе и душевное настроеніе многомилліонной массы народной, сплошь облегающей западныя окраины русскаго государства, представляетъ собой нравственно-общественную силу такихъ размѣровъ и такого характера, что ея возможное значеніе для этого государства и будущую ея роль въ ближайшихъ его судьбахъ нынѣ не представляется возможнымъ ни предусмотрѣть, ни предсказать.

Столько серьезныхъ жертвъ какъ моральныхъ, такъ и матеріальныхъ принесено русскимъ государствомъ, русскимъ обществомъ, — столько тяжкихъ оскорбленій, горькихъ обидъ и ненужныхъ насилій причинено русскимъ правительствомъ, столько горькихъ разочарованій испытано какъ русскими правящими сферами, такъ и частью русскаго общества — все это изъ за погони за неуловимымъ призракомъ. Если бы всѣ тѣ русскія силы, умственныя и нравственныя, которыя въ теченіе цѣлаго тридцатилѣтія употреблены на такую погоню за призракомъ совершенно неосязаемымъ и на преслѣдованіе цѣлей вполнѣ мечтательныхъ, обращены были на служеніе жизненнымъ интересамъ русскаго государства и дѣйствительнымъ нуждамъ русскаго народа, то нетолько русское общество представляло бы въ настоящее время иной нравственно-культурный обликъ, но и само русское государство

представляло бы нынѣ иную государственно-общественную величину, ибо за всякой арміей какъ бы она сильна не была, главнымъ оплотомъ государства и нѣшающей величиной стоитъ народъ, съ его просвѣщеніемъ и самосознаніемъ, составляющими источникъ несокрушимой силы и энергіи. А между тѣмъ русско-польскія отношенія продолжаютъ составлять открытую рану русской государственности, все сильнѣе и сильнѣе истощающую русскій государственный организмъ и русскія культурно-общественныя силы.

Первостепенные интересы русскаго государства и благо и достоинство русскаго народа, насущныя нужды народа польскаго, жизненныя потребности культуры, цивилизаціи и прогресса, приводятъ сообща къ настоятельной и неотложной необходимости излѣченія этой раны. Немного требуется для такого излѣченія: — только лишь справедливое и разумное отношеніе русскихъ правящихъ сферъ и русскаго общества къ польской народности и римско-католической религіи. Русскому правительству и русскому обществу остается лишь пойти на встрѣчу общественнымъ стремленіямъ здравомыслящихъ поляковъ, постепенно и незамѣтно сложившимся и окрѣпшимъ, какъ въ польскомъ образованномъ обществѣ, такъ и въ польскомъ народѣ. Послѣ того какъ сила исторической необходимостц ограничила политическія стремленія польскаго народа, послѣ того какъ онѣ оказались недостижимыми, не смотря на величайшую его самоотверженность и неслыханныя усилія, единственнымъ идеаломъ его государственно-общественныхъ стремленій, начертаннымъ на новомъ его знамени, является: — сохраненіе на-

ціонально-племенной жизни, обезпеченіе національно-племеннаго существованія.

Ища выхода изъ настоящаго безотраднаго положенія польскаго народа, польская общественная мысль останавливается на единоплеменномъ народѣ русскомъ. Въ государственномъ съ нимъ единеніи видятъ нынѣ поляки обезпеченіе для себя возможности сохранить свою національную индивидуальность, надежнѣйшую и дѣйствительную гарантію для своего національно-племеннаго существованія въ будущемъ.

Польско-русскій братскій племенной союзъ долженъ открыть новую эру въ жизни польскаго народа и развитіи русскаго государства, согласить взаимные русско-польскіе народные интересы. Но весь успѣхъ новаго, великаго дѣла зависитъ конечно отъ удовлетворенія правъ и нуждъ польской народности въ Россіи.

Поляки, получивъ въ законное удовлетвореніе потребностей своей народности и полную гражданскую равноправность съ русскими, да вступятъ въ новую жизнь народно-общественную и да принесутъ свой посильный трудъ, свой разумъ, свое знаніе и свой гражданскій опытъ на дѣло и благо своего политическаго центра. Поляки счастливые и довольные у себя дома, да станутъ чужды иноземныхъ подстрекательствъ и сепаратистическихъ идей. Поляки сдѣлавшись дѣйствительными, настоящими гражданами, да пребудутъ навѣки вѣрными своимъ гражданскимъ обязанностямъ. Поляки, ставши на основѣ гражданскаго равноправія настоящими и живыми членами государства и общества, да содѣйствуютъ укрѣпленію силы и единства Имперіи.

Да соединятся же два первостепенныхъ братскихъ славянскихъ народа подъ единымъ скипетромъ и сѣнью единой монархіи и да положатъ они основаніе прочному внутреннему миру, культурному развитію и общественному прогрессу русскаго государства, обоюдному культурно-общественному преуспѣянію и укрѣпленію и развитію славянской цивилизаціи.

БИБЛІОТЕКА
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

Въ типографіи Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.